

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пензенский государственный университет» (ПГУ)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВООЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сборник статей

Под редакцией
В. А. Терехина, А. Ф. Мещеряковой

Пенза
Издательство ПГУ
2025

УДК 340
А43

Актуальные проблемы правозащитной деятельности : сб. ст. / под ред. В. А. Терехина, А. Ф. Мещеряковой. – А43 Пенза : Изд-во ПГУ, 2025. – 222 с.

ISBN 978-5-907935-43-3

Представлены научные статьи преподавателей кафедры, аспирантов, магистрантов и студентов, посвященные правозащитной деятельности, ее правовым основам, детерминантам и формам реализации в Российской Федерации. Рассмотрены актуальные вопросы функционирования и деятельности государственных и негосударственных органов, осуществляющих в силу закона правозащитные функции. Особое внимание авторов уделено органам правосудия и прокуратуры, их роли в механизме обеспечения прав и свобод человека в Российской Федерации.

Издание предназначено для преподавателей, студентов, магистрантов, аспирантов вузов, а также будет полезно в практической деятельности юристов.

УДК 340

ISBN 978-5-907935-43-3

© Пензенский государственный
университет, 2025

СУДЕБНАЯ НОРМА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ?

Павел Александрович Гук

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Создание, изменение и отмена норм права в основном осуществляются органами, их принявшими. Вопрос о формировании судебных норм остается в юридической науке спорным. Представлена авторская позиция по судебной норме; раскрываются её понятие, признаки, органы, формирующие нормы судебного регулирования. Делается вывод о необходимости учета судебных норм в форме правовых позиций, созданных высшими судами.

Ключевые слова: судебная норма, правовое регулирование, судебная власть, судебная практика, судебное нормотворчество, норма права, правосудие, суд, единство судебной практики

Конституция РФ, основной закон и стержень правовой системы, выделяет судебную власть как одну из ветвей государственной власти. Судебная власть реализует функцию правосудия посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Правосудие в российской правовой системе осуществляется только судом, не допускается создание чрезвычайных судов и тем более каких-либо других государственных органов, общественных организаций, которые могли бы принимать общеобязательные решения по правовым спорам и другим делам, подведомственным судам.

Результатом такой деятельности судебной власти выступает судебная практика. В науке уже достаточно давно высказано мнение, согласно которому продуктом судебной власти признается осуществление высокого уровня судебной деятельности – судебной практики, воплощенной в выработке правовых положений на основе раскрытия смысла и содержания применяемых норм, а в необходимых случаях – их конкретизации и детализации [1, с. 16–17].

Современное понимание самостоятельности судебной власти, считает И. Б. Михайловская, предполагает наделение судей как её носителей особым статусом, а судебные решения – силой закона [2, с. 41].

Следует согласиться и с позицией В. Н. Синюкова о том, что судебная практика – традиционный источник правового регулирования, занимающий определённое место в классических правовых системах. Именно судебная практика всегда создавала оригинальный «профиль» правовой системы, формировала её направления развития, обеспечивала постоянную, возобновленную связь законодательства с динамикой социальных отношений [3, с. 491].

По нашему мнению, именно судебная практика Конституционного Суда РФ в форме правовых позиций помогает правоприменителю разрешить правовой спор с помощью, как нормативного акта, так и правовых позиций Конституционного Суда РФ. Этот механизм признает М. Н. Марченко, отмечая, что в период между принятием судом соответствующего вердикта о несоответствии отдельных положений нормативно-правового акта Конституции РФ и моментом внесения законодателем изменений в нормативно-правовой акт действует норма (нормы), содержащаяся в судебном вердикте [4, с. 485].

Неутихающие дискуссии о судебной практике как источнике права и о нормотворческих функциях высших судебных органов, пока не нашли точек соприкосновения в разрешении данной проблемы. В основном авторы отождествляют решения высших судебных органов с нормативными актами, имеющими силу закона, а судебное нормотворчество с правотворчеством и законотворчеством. Именно эти обстоятельства и порождают дискуссию в науке и практике.

С точки зрения современного понимания и деятельности судебного нормотворчества жизнь права возможна только в практической деятельности, в его корректировке, дополнении, а в необходимых случаях – в выработке правоположений, правовых позиций (судебных норм) именно со стороны высших судебных органов для создания единой, общеобязательной судебной практики, которая выступает живым источником, связующим звеном между нормативно-правовым актом и общественными отношениями, обеспечивая тем самым правовую устойчивость и безопасность права в целом.

Судебные нормы хотя и обладают определенной нормативностью, но сравнивать их с нормами права (закона) не следует, поскольку они содержат нормативные правила к конкретному случаю, распространяются только на схожие случаи и время их действия ограничено, до принятия новой нормы закона. Такое пони-

мание нормотворчества со стороны высших судебных органов ни в коей мере не нарушает принципа разделения властей, поскольку у каждой ветви власти есть свои, строго определенные, функции нормотворчества. Законодательная власть изменяет, отменяет и принимает законы, исполнительная власть их исполняет, вырабатывает к ним подзаконные акты, нормативного характера, судебная власть применяет законы, создавая в необходимых случаях судебные нормы, выполняя функцию нормотворчества.

Рассмотренные вопросы о судебной практике в правовой системе позволяют выявить её определенную значимость не только в применении права, но и в создании судебных норм – правоположения, правовой позиции, что способствует эффективному регулированию в сочетании с законом общественных отношений и оказывает позитивное влияние на формирование правовых норм в правовой системе современной России.

Предложение С. С. Алексеева о новой функции высших органов судебной власти в современных условиях является, на наш взгляд, актуальным и своевременным ориентиром по выработке новых механизмов её деятельности.

С. С. Алексеев пишет: «Надо полагать, настала пора вообще изменить наше видение правосудия, интерпретацию его назначения как одного лишь «применителя права». Опыт развитых демократических стран, причем не только англо-американской группы, свидетельствует, что высокий уровень правового развития достигается в обществе тогда, когда суд, опираясь на Конституцию, на закон, на общепризнанные права человека, тоже творит право. Поэтому придание решениям высших судебных инстанций страны функций судебного прецедента представляется делом назревшим, вполне оправданным» [5, с. 219].

Вопрос о нормотворческой деятельности высших судебных органов по выработке правоположений судебной практики нашел свою поддержку и развитие в научных трудах ученых и практических работников судебной системы [6].

Рассматривая вопрос о нормотворческой деятельности судебного органа, С. С. Алексеев в своей монографии подчеркнул, что: «Заслуживает повышенного внимания то обстоятельство, что и в современной России, несмотря на все трудности и противоречия правового развития, есть симптомы, свидетельствующие о плодо-

творных подходах к возвышению правосозидательной деятельности суда» [7, с. 129].

Поддерживая данную точку зрения, Р. З. Лившиц более утвердительно отметил, что уже сейчас, на первых этапах движения к правовому государству, есть основания признать, что суды создают нормы права, или, другими словами, судебная практика является источником права [8, с. 110]. Судебная практика приспособливает общеправовую норму к особенному и единичному – конкретным жизненным ситуациям. Поэтому признание за судебной практикой роли источника права не умаляет полномочий законодательной и исполнительной власти. Суды выполняют только им присущие полномочия, которые не могут быть выполнены другими органами. Возрастание роли суда в жизни общества с необходимостью приводит к выполнению судебной практикой нормотворческой функции. Это и происходит в российской действительности [9].

С. С. Алексеев в связи с этим обосновывает свою точку зрения: «По самой логике права на помощь закону приходит институт исконно правового порядка – правосудие, выраженное в деятельности суда, в судебной практике. Через судебную практику могут быть с достаточной основательностью раскрыты основные начала, «дух» данной сферы права, нашедшие не всегда полное закрепление в законодательстве, в кодексе» [7, с. 118, 120].

По нашему мнению, судебная практика является источником права в тех случаях, когда в судебном акте высшего судебного органа закреплены следующие положения: 1) даны разъяснения о применении нормативных актов; 2) выработаны новые правовые правила процедурного характера; 3) дано толкование правовой нормы; 4) сформулированы правовоположения, дефиниции, правовая позиция (судебная норма), которыми восполнен или преодолен пробел в праве. Данные особенности судебной практики как источника права, созданной высшими судебными органами, позволяют отметить её нормативно-правовой (прецедентный) характер, направленный на регулирования общественных отношений.

Следует согласиться с мнением С. С. Алексеева о судебной практике как источнике права, который отмечает, что «судебная практика как наиболее существенный инструмент и способ, обеспечивающий на основе закона оптимальное в данном обществе правовое регулирование, представляет собой живой опыт правосудия, выраженный в решениях по конкретным юридическим делам.

То есть в конечном итоге – прецеденты (в идеале образующие на основе закона живую ткань права)». В то же время «нормативные постановления Пленума Верховного Суда как высшее выражение судебной практики могут быть признаны источником права» [10, с. 314–315].

Формирование судебных правоположений или судебной нормы предоставлено только высшим судебным инстанциям в определённом процессуальном порядке (судопроизводстве) и получает свое закрепление в форме судебного акта.

Так что же собой представляет судебная норма?

Следует признать, что суд – не законодатель по своей природе, поскольку у законодателя совсем иные цели, задачи, процедура в принятии нормативных актов, в отличие от судебных органов. «Задача судов заключается в том, чтобы, решая дела и обнаружив отсутствие нормы, восполнять пробелы в праве. Судьи устанавливают нормы не только в случае пробелов в праве, но и тогда, когда норма имеется, но, по мнению суда, устарела или является неопределённой. В таком случае суд вправе отойти от неё и установить новую норму» [11, с. 45].

Такое положение прослеживается в современной России. В основном это относится к деятельности Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, а также к прошлой деятельности Высшего Арбитражного Суда РФ до августа 2014 года.

Суд как один из органов государственной власти имеет право применять тот или иной нормативный акт к спорным ситуациям, давать толкование закону, вырабатывать рекомендации, правила, разъяснения, принципы, дефиниции на основе обобщенной судебной практики, признавать нормативный акт неконституционным, т.е. в процессе применения, толкования, развития права и судебного нормоконтроля происходит формирование судебной нормы. Результатом такой деятельности становится выработанная и сформулированная правовая аргументация, правовая основа по делу, закрепленная в судебном решении в виде правовых правил, положений, принципов, толкования, дефиниций.

Конечно, отождествлять норму права и судебную норму мы не можем, хотя отдельные их черты, признаки имеют сходства, поэтому провести их сравнение как норм, создаваемых государственными органами для регулирования отношений, дать понятие судебной нормы, раскрыть её признаки вполне возможно и необходимо, поскольку в литературе пока мало изучено данное направление.

В юридической литературе норма права определяется как общеобязательное, формально определённое правило поведения, установленное либо санкционированное государством и направленное на урегулирование конкретного вида общественных отношений [12].

Правовая норма состоит из необходимых элементов – гипотезы, диспозиции, санкции, обеспечивающих её функциональную самостоятельность. Будучи моделью поведения человека в типичных жизненных ситуациях, правовая норма характеризуется свойствами, присущими всем социальным нормам, и обладает следующими признаками: 1) носит государственно-властный характер, т.е. норма права устанавливается или санкционируется государством; 2) имеет общеобязательность. Правило поведения, содержащееся в норме, обязательно для исполнения неопределённо большим количеством адресатов, оказавшихся в предусмотренных предписанием повторяющихся жизненных ситуациях; 3) имеет представительно-обязывающее содержание. Норма права регулирует сложившиеся общественные отношения, устанавливая типичные права и обязанности их участникам, определяя с их помощью модели возможного, должного и запрещённого поведения; 4) имеет формальную определённость, которая предполагает структурно-логическую завершенность и точность, недвусмысленность изложения содержания предписания, внешне выраженного в официально признанном акте; 5) обладает обеспеченностью экономическими, информационными и иными ресурсами государства.

Признаки, присущие норме права, определённым образом характеризуют и судебную норму. Как норму права создает власть законодательная, так и судебную норму создает власть судебная, в лице высших судебных органов. Нормативный акт создаётся по определённой законотворческой процедуре, формирование судебной нормы проходит только в установленном судопроизводстве. Созданная судебная норма обладает общеобязательностью, направлена на регулирование отношений как спорных, так и общественных, на возникновение прав и обязанностей, распространяется на неопределенный круг лиц, обеспечивается судебными органами через средства информации, контролируется единообразное её применение судебными инстанциями.

Следовательно, *судебной норме свойственны характерные признаки: общеобязательность, формальная определённость,*

устанавливается высшими органами судебной власти в определённом порядке судопроизводства, обеспечивает единообразное действие.

Общеобязательность проявляется в том, что выработанная судебная норма, содержащая правило поведения, принцип, толкование, обязательна как для спорного случая, так и для других общественных отношений, которые могут возникнуть при определённых условиях.

Формальная определённость заключается в том, что судебная норма является правовой конструкцией, изложенной в судебном акте определённо точно к спорной ситуации, а также к неопределённому кругу лиц.

Создание судебной нормы осуществляется высшими органами судебной власти (Конституционным Судом РФ, Верховным Судом РФ и Высшим Арбитражным Судом РФ, действовавшим до августа 2014 года) в процессе судебной деятельности (определённом виде судопроизводства: конституционном, уголовном, гражданском, административном) и находит свое закрепление в судебном решении. Судебные акты высших судебных органов официально публикуются, обеспечиваются судебным контролем для единообразного применения судебных норм.

По своему содержанию судебная норма включает гипотезу (условия), диспозицию (правила поведения), которые позволяют регулировать как спорные отношения, так и аналогичные отношения которые могут возникнуть в будущем; принципы и толкование нормативного акта.

Примером такой конструкции (если ..., то ... иначе) может служить ряд постановлений Конституционного Суда РФ.

Так, предметом проверки Конституционным Судом РФ стали отдельные положения статей УПК РФ на соответствие Конституции РФ. В принятых судом решениях содержится конструкция (если ..., то ... иначе), позволяющая регулировать общественные отношения неопределённого круга лиц, а именно: право потерпевших на обжалование судебного решения о прекращении уголовного дела в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения; пересмотр судебного решения в порядке надзора по жалобе потерпевшего или по представлению прокурора, ухудшающих положение осужденного; о проверке заявления потерпевшего прокурором, следователем, органом дознания по установлению лица, виновного

в преступлении, по ст. 115, 116 УК РФ; выработан механизм избрания меры пресечения обвиняемому после поступления дела в суд; предоставлены права лицам, в отношении которых осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера [13].

Данные судебные нормы непосредственно применялись в судебной деятельности судами общей юрисдикции в совокупности с Конституцией РФ, поскольку законодатель так и не внес изменения и дополнения в действующий УПК РФ. Действие судебной нормы прекращается с принятием законодательным органом соответствующей нормы права.

В этом случае, как отмечается в литературе, в период между принятием судом соответствующего вердикта о несоответствии отдельных положений нормативно-правового акта Конституции РФ и моментом внесения законодателем изменений в нормативно-правовой акт действует норма (нормы), содержащаяся в судебном вердикте. С внесением изменений в нормативно-правовой акт эта «судейская» по своей природе и характеру норма «перекрывается» соответствующей парламентской (законодательной) нормой [4, с. 485]. Следовательно, судебная норма, содержащая правила поведения, регулирует отношения на период отсутствия законодательной нормы.

В литературе также обоснованно высказывается точка зрения о том, что определения (разъяснения), помещённые в актах судебной власти, имеют нормативный характер. Они обладают всеми признаками нормативности: неконкретность адресата, действие предписания не зависимо от применения, возможность неоднократного применения [14, с. 160–161]. По нашему мнению, эти судебные дефиниции являются продуктом судебного нормотворчества высших судебных органов, и их вполне следует относить к судебной норме.

В содержательно-правовую часть судебной нормы входят также правовые принципы. Принципы права представляют собой определяющие идеи, положения, составляющие нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права. Они позволяют раскрыть природу, сущность права в объективном и субъективном смысле. Свое выражение принципы находят в международных, внутригосударственных декларациях, закрепляются в нормах конституции, федеральных законах.

В судебной деятельности при формировании правовой основы по конкретному делу или выработке положений по определенному виду судебной практики судьи оперируют общими принципами, закладывая их в основу судебного решения, придавая им жизнь и силу в правовом регулировании.

Рассмотренные составляющие судебной нормы позволяют сделать вывод о том, что правовая основа, сформулированная и закреплённая в судебном акте в виде толкования нормативного акта (нормы права), правовых правил, позиций, принципов, дефиниций, и есть судебная норма, которая становится обязательной для применения, регулирует как спорные отношения, так и вновь возникающие общественные отношения, официально публикуется, обеспечивает единство судебной практики по определенным видам правоотношений, несет определенную функциональную нагрузку в механизме правового регулирования.

Список литературы

1. Судебная практика в советской правовой системе / отв. ред. С. Н. Братусь. М. : Юрид. лит., 1975. 328 с.
2. Михайловская И. Б. Суды и судьи: независимость и управляемость : монография. М. : Проспект, 2008. 175 с.
3. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию : монография. 2-е изд., доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2021. 672 с.
4. Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. Т. 1: Государство / отв. ред. М. Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2016. 576 с.
5. Алексеев С. С. Теория права. М. : Изд-во БЕК, 1995. 320 с.
6. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 1996. 472 с.
7. Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия. Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М. : Статут, 2000. 252 с.
8. Лившиц Р. З. Теория права : учебник для студентов юрид. вузов. М. : Бек, 1994. 208 с.
9. Лившиц Р. З. Судебная практика как источник права // Журнал российского права. 1997. № 6. С. 49–57.

10. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М. : Норма, 2001. 752 с.
11. Богдановская И. Ю. Прецедентное право. М. : Наука, 1993. 235 с.
12. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2001. 776 с.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 : в ред. от 02.10.2024 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
14. Апт Л. Ф. Легальные определения в законодательстве и судебной практике. М. : Российская академия правосудия, 2010. 236 с.

Информация об авторе

Павел Александрович Гук – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета, судья в почетной отставке.
gukpola@mail.ru

УДК 342

ВОПРОСЫ ДЕФИНИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Анна Федоровна Мещерякова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Рассматриваются основы религиозной безопасности в российском государстве, а также концепция религиозной безопасности в контексте российского государства. Установлено, что конституционное право занимает ведущее место в регламентации религиозной безопасности. Обеспечение религиозной безопасности играет важную роль в построении демократического федеративного правового государства.

Ключевые слова: религиозная безопасность, конституционное право, правовое регулирование, религия, свобода вероисповедания

Статья 1 Федерального закона «О безопасности» [1] выделяет следующие виды безопасности: безопасность государства, общественная безопасность, экологическая безопасность, безопасность личности, иные виды безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации. Тем самым, ввиду открытого перечня видов безопасности полагаем, что религиозная безопасность также может рассматриваться в качестве отдельного самостоятельного вида национальной безопасности. И. А. Тарасевич в своем исследовании также указывает, что религиозная безопасность может рассматриваться как самостоятельный институт, связанный с защитой прав на свободу вероисповедания и религиозных убеждений [2, с. 24]. Она направлена на обеспечение безопасности и защиты религиозных сообществ и их членов от дискриминации, преследований и нарушений, связанных с религиозной принадлежностью. Отметим, что религиозная безопасность – важная составляющая общего правового и социального контекста, где государство и общество гарантируют свободу религиозного вероисповедания и защищают права религиозных сообществ и их членов.

Д. Бахшалиев также выступает сторонником того, что религиозная безопасность входит в состав национальной безопасности, указывая, что история включает множество примеров конфликтов и войн, связанных с религиозными разногласиями [3, с. 15]. Противоречия в религиозных убеждениях и претензии на превосходство своей веры могут стать источником напряженности и конфликтов между различными религиозными группами или внутри них.

Полагаем, что религиозная безопасность относится к защите прав на свободу вероисповедания и уважению религиозной идентичности всех людей. Она подразумевает обеспечение безопасной и бездискриминационной среды для практики вероисповеданий, признание и уважение религиозных убеждений и права каждого человека на свободу выбора и выражения своих религиозных убеждений. Религиозная безопасность также может быть рассмотрена как состояние, когда личность, общество и государство защищены от угроз и нарушений, связанных с религиозной принадлежностью. Это включает в себя защиту прав на свободу вероисповедания, защиту религиозных убеждений и обрядов, предотвращение дискриминации и преследования на религиозной основе, а также борьбу с экстремизмом и насилием, связанными с религиозной идеологией.

Религиозная безопасность может включать в себя следующие аспекты:

- свободу вероисповедания – гарантия права каждого человека на свободу выбора, исповедания и проявления своей религии или убеждений;
- защиту религиозных мест – обеспечение безопасности религиозных мест и помещений, а также защиты права на совершение религиозных обрядов и практику верующих;
- противодействие религиозному экстремизму – борьба с экстремистскими и радикальными религиозными движениями, направленными на насилие и подрыв общественной безопасности;
- защиту религиозной и культурной идентичности – поддержка и сохранение разнообразия религиозных и культурных традиций, включая преследуемые меньшинства и уязвимые группы;

Отметим, что все без исключения составляющие конституционного строя России могут стать объектами угроз, возникающих в религиозной сфере жизни общества. Например, конституционный принцип разделения властей, закрепленный в ст. 10 Конституции Российской Федерации [4], может быть поставлен под угрозу, если к власти в России придут политические деятели, разделяющие идеологию ваххабизма. Ваххабизм является консервативным и ригористским направлением суннитского ислама, которое стремится к строгому применению исламского закона (шариата) и отрицает разделение властей. В таком случае возможны ограничение политических свобод, подавление оппозиции, ограничение гражданских прав и свобод, а также доминирование религиозных законов и норм в системе правосудия и государственном управлении. Это может привести к недемократическому режиму и ограничению множества свобод и прав, которые считаются основными ценностями в российском конституционном строе.

Характеризуя конституционно-правовое регулирование религиозной безопасности в современной России, отметим, что Конституция Российской Федерации является основным источником конституционно-правовых норм, которые обеспечивают религиозную безопасность в стране. Например, согласно п. «м» ст. 71 Конституции РФ оборона и безопасность находятся в ведении Российской Федерации. В Основном законе РФ оговорены соответствующие

полномочия главы государства, Парламента, Правительства и других органов государственной власти.

Статья 14 Конституции Российской Федерации регламентирует, что «Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом». Таким образом, безусловно, Конституция РФ играет важную роль в обеспечении религиозной безопасности путем гарантирования свободы вероисповедания, защиты прав и свобод религиозных групп и предотвращения дискриминации на религиозной основе.

Как отмечает в своем исследовании И. А. Тарасевич, конституционно-правовое регулирование религиозной безопасности в современной России имеет большую значимость и основное значение для обеспечения гармоничных и устойчивых отношений в религиозной сфере [5, с. 215]. С указанным мнением трудно не согласиться. Выделим некоторые аспекты значимости такого регулирования:

1) защита свободы вероисповедания. Конституция России гарантирует свободу вероисповедания, что означает, что каждый гражданин имеет право исповедовать и распространять свою религию без дискриминации или преследования. Законодательство обеспечивает защиту этой свободы, а также введение ответственности за нарушение прав других граждан;

2) предотвращение экстремизма и терроризма. Россия сталкивается с вызовами экстремистской и террористической деятельности в религиозной сфере. Конституционно-правовое регулирование направлено на предотвращение таких проявлений, включая экстремистскую религиозную деятельность. Специальные законы обеспечивают возможность борьбы с экстремистскими организациями и их пропагандой;

3) правовая защита доверия и уважения. Регулирование религиозной безопасности обеспечивает защиту правового статуса религиозных организаций и доверия к ним. Законодательство предусматривает гарантии для защиты религиозных организаций от дискриминации и неправомерных вмешательств;

4) создание условий для диалога и сотрудничества: Конституционно-правовое регулирование способствует созданию условий для диалога и сотрудничества между различными религиозными

сообществами и государством. Это может включать поддержку учреждений и меры, направленные на преодоление конфликтов и поощрение взаимодействия;

5) защита прав и свобод граждан. В конечном счете, цель конституционно-правового регулирования религиозной безопасности заключается в обеспечении защиты прав и свобод граждан, независимо от их религиозных убеждений. Это включает защиту от незаконного преследования, дискриминации и насилия.

В целом, конституционно-правовое регулирование религиозной безопасности в современной России играет важную роль в защите прав и свобод граждан, предотвращении экстремизма и терроризма, а также создании условий для мирного и гармоничного сосуществования разных религиозных групп и сообществ.

На сегодняшний день в религиозной сфере существуют условия и факторы, угрожающие наиболее важным общественным отношениям, которые образуют предмет конституционного права России: основы конституционного строя государства, основы правового положения человека и гражданина, федеративные отношения, система органов государственной власти и местного самоуправления. Религиозная безопасность и конституционное право в Российской Федерации тесно взаимосвязаны. Объекты религиозной безопасности, такие как защита прав и свобод верующих, предотвращение экстремизма и терроризма в религиозной сфере, урегулирование отношений между религиозными организациями, государством и гражданами, имеют прямое отношение к предмету конституционного права.

В рамках правового регулирования религиозной безопасности в России имеют место быть некоторые проблемные аспекты. Так, например, иногда возникают разные толкования законов и норм, связанных с религиозной безопасностью, что может привести к неоднозначности и несправедливости в их применении. Некоторые положения могут быть открытыми для интерпретации и могут допускать различные толкования, что может привести к субъективности и произволу в решениях, связанных с религиозными организациями и их деятельностью.

В своих попытках обеспечить религиозную безопасность, государство может иногда применять меры, которые, напротив, ограничивают свободу вероисповедания. Например, некоторые законы могут предусматривать ограничения на религиозные практи-

ки или требовать разрешений или регистраций для деятельности религиозных организаций. Это может создавать преграды для свободного проявления религиозных убеждений и практик, что противоречит принципам свободы вероисповедания.

Отметим, что в некоторых случаях государство может применять чрезмерные меры безопасности в отношении религиозных организаций и верующих. Например, могут быть установлены жесткие требования для получения разрешений или проведения религиозных мероприятий, а также могут быть проводиться массовые проверки и наблюдение за религиозными группами без достаточного обоснования или пропорциональности.

На практике, к сожалению, возникают ситуации, когда права верующих нарушаются существенным образом. Например, в виде дискриминации на основе религиозных убеждений или преследований религиозных меньшинств. Государство должно активно бороться с такими нарушениями и обеспечивать защиту прав и свобод всех граждан, включая верующих.

Важным аспектом регулирования религиозной безопасности является содействие диалогу и взаимопониманию между религиозными организациями, государством и обществом. Однако нередко отсутствуют эффективные механизмы и платформы для такого диалога, что может приводить к разногласиям и конфликтам.

Все эти проблемные аспекты требуют постоянного обсуждения, анализа и усовершенствования конституционно-правового регулирования религиозной безопасности в России.

Таким образом, подводя итог сказанному, отметим, что упорядочивание государственно-религиозных отношений и обеспечение религиозной безопасности играют важную роль в построении демократического федеративного правового государства.

Конституционное право играет важную роль в регулировании религиозной безопасности. Конституция РФ определяет основные принципы и ценности государства, включая свободу вероисповедания и религиозной практики. Она обеспечивает правовую основу для защиты религиозных прав и свобод граждан, а также устанавливает границы для государственного вмешательства в религиозные дела. По праву можно сказать, что конституционное право является основополагающим для регулирования религиозной без-

опасности в стране, и его надлежащая реализация способствует созданию стабильной и безопасной среды для религиозных общин и их членов.

Отметим, что исследование конституционно-правовых аспектов религиозной безопасности способствует устойчивому развитию Российской Федерации на долгосрочную перспективу. Правильная реализация и защита религиозной свободы и безопасности способствуют укреплению демократических ценностей, гражданского мира и толерантности в обществе. Это создает благоприятные условия для экономического и социального развития, привлечения инвестиций, укрепления международного престижа и доверия к стране.

Список литературы

1. О безопасности : федер. закон № 390-ФЗ от 28.12.2010 : в ред. от 10.07.2023 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.
2. Тарасевич И. А. Религиозная безопасность Российской Федерации как объект конституционно-правового исследования // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 23–25.
3. Бахшалиев Д. Некоторые методы повышения религиозной безопасности в системе национальной безопасности России // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. 2018. № 1 (32). С. 15–17.
4. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм. и доп., одоб. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2022).
5. Тарасевич И. А., Кириллов Д. А. Коррекция конституционно-правовой основы религиозной безопасности России в контексте криминологического значения религиозной толерантности // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 3. С. 212–232.

Информация об авторе

Анна Федоровна Мещерякова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета.

fuga9@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Полина Владимировна Антонова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Рассматриваются основы организации работы суда присяжных заседателей в современной России. Выявляются компетенция коллегии присяжных, особенности процедуры рассмотрения уголовного дела с их участием, а также требования, предъявляемые к кандидатам в присяжные. Установлено, что институт присяжных заседателей служит важным инструментом для повышения уровня доверия граждан к судебной деятельности.

Ключевые слова: суд присяжных, уголовный процесс, присяжный заседатель, отправление правосудия

Институт суда присяжных возрождается в современной России, как демократический элемент он закрепился в концепции судебной реформы в 1991 году и нашел свое правовое воплощение в Конституции Российской Федерации 1993 года [1], которая в 47 статье закрепила право обвиняемого на рассмотрение его дела в суде с участием присяжных. Законодателями предполагалось возложение на институт суда присяжных важной социально-политической функции – повышения доверия населения, прямо участвующего в отправлении правосудия, к судебной ветви государственной власти, что было чрезвычайно важно и необходимо при построении новой державы. Однако помимо сторонников суда присяжных, среди которых особое место занимал президент Б. Н. Ельцин, были и противники, отмечавшие и несовершенство механизма рассмотрения уголовного дела, и вынесение справедливого приговора, и слепое копирование положений законов о суде присяжных 1864 года (генеральный прокурор В. Г. Степанков, ученый-правовед В. И. Басков и др.) [2, с. 159].

Действительно, при проработке идеи возобновления суда присяжных особо учитывался опыт функционирования данной формы судопроизводства в императорской России. Одним из элементов преемственности стало постепенное введение суда присяжных в регионы Российской Федерации. И здесь такое решение законодателей было подвержено критике со стороны юристов.

Председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев справедливо подчеркивал: «Не обеспечены равные права граждан на рассмотрение дел с участием присяжных заседателей на всей территории страны, хотя суды присяжных вполне оправдали свое предназначение...» [3, с. 2].

При поддержке и одобрении высших судебных органов и судебного сообщества суд присяжных выстоял под гнетом критикующей стороны. С 1 ноября 1993 года начался постепенный ввод суда присяжных в качестве новой формы судопроизводства в российскую правовую систему. Первое рассмотрение уголовного дела с участием присяжных произошло в декабре 1993 года в Саратовском областном суде. В Пензенском областном суде первое дело судом присяжных было рассмотрено 1 июля 2003 года. Тогда в преступлении были уличены двое сердобчан. Обвиняемых признали виновными в убийстве, сопряженном с разбоем. Один злоумышленник отправился в тюрьму на 17 лет, другой – на девять [4]. Полное внедрение суда присяжных во все субъекты Российской Федерации произошло лишь в 2010 году, последним регионом стала Чеченская Республика.

Первоначально Уголовно-процессуальный кодекс РФ [5], а также специально созданный Федеральный закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» [6] предполагал возможность рассмотрения уголовного дела с участием присяжных только в областных и приравненных к ним судах. Численность коллегии присяжных заседателей равнялась двенадцати. С участием присяжных было возможно рассматривать уголовные дела по 47 составам преступлений. Однако в период 2008–2015 годов можно уследить некоторые признаки законодательного колебания относительно внедренного института суда присяжных. Данный промежуток времени связан с уменьшением компетенции суда присяжных (из компетенции были исключены уголовные дела по преступлениям террористической и антигосударственной направленности, преступлениям против правосудия, против половой свободы, дела о взяточничестве, а также некоторые другие). Помимо этого, законодатель лишил права ходатайства на рассмотрение дела с участием присяжных некоторые категории граждан: женщины, мужчины старше 65 лет, лица, обвиняемые в совершении неоконченного преступления. В результате таких изменений кардинально снизилась

эффективность функционирования суда присяжных – количество рассмотренных им уголовных дел сократилось практически вдвое.

С инициативой реформирования суда присяжных и расширения его компетенции в России выступил Президент нашей страны В. В. Путин [7, с. 99]. Федеральным законом от 23 июня 2016 г. в действующее законодательство, регулирующее применение института присяжных заседателей, внесены существенные преобразования, послужившие формированию современного облика данной особой формы уголовного судопроизводства.

Во-первых, значительно расширена компетенция этого суда. Ходатайствовать о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей может обвиняемый в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, максимальное наказание за которое пожизненное лишение свободы или смертная казнь (на которую в нашей стране наложен мораторий). Перечень составов преступлений, которые могут быть рассмотрены с участием присяжных, отражен на рис. 1.

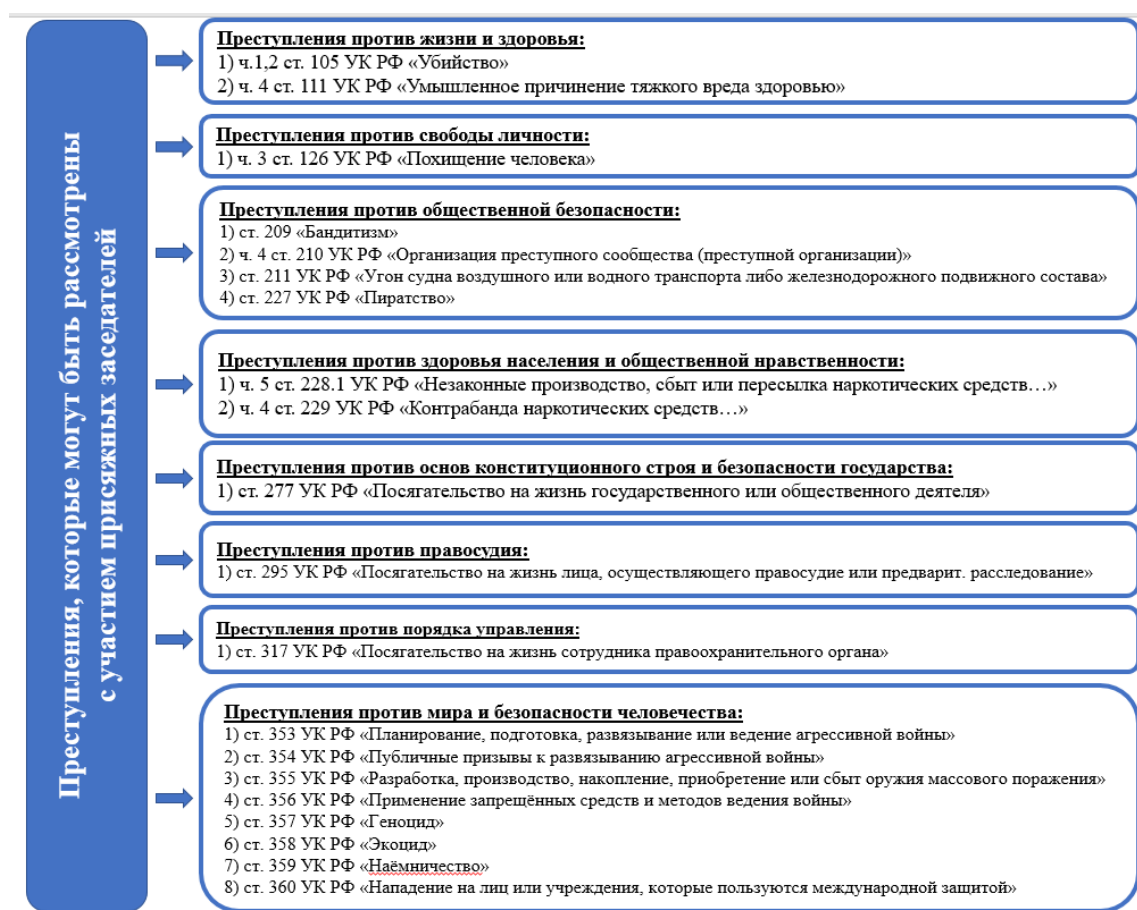

Рис. 1. Перечень преступлений, которые могут быть рассмотрены с участием присяжных заседателей

Во-вторых, с 1 июня 2017 г. состав коллегии присяжных в областных судах уменьшен с 12 до 8 заседателей.

В-третьих, с 1 июля 2018 г. суд присяжных в составе 6 заседателей вводится в районных судах.

Так законодателем был введен механизм рассмотрения наиболее социально значимых уголовных дел в районных и областных судах с участием присяжных заседателей. Для закрепления в обществе доверия к правосудию, позиции о существовании сильной и независимой судебной власти, а также создания возможности для простых граждан быть причастным к принятию справедливых и законных решений крайне важно наличие такой формы судопроизводства как суд присяжных.

Затрагивая вопрос о том, кто же может быть отобран в коллегию присяжных заседателей, отметим, что современное законодательство очерчивает следующий круг требований к кандидатуре присяжного:

- дееспособность;
- гражданство Российской Федерации;
- достижение возраста 25 лет (примечательно, что для должности судей районного звена предъявляется аналогичный возрастной ценз);
- владение языком судопроизводства.

Кроме того, делает невозможным участие в суде в качестве присяжного заседателя наличие судимости (неснятой или непогашенной), состояние на учете в наркологических, неврологических диспансерах или наличие психофизических недостатков; подозрение или обвинение данного лица в совершении преступления. Исключаются также кандидатуры военнослужащих, прокуроров, судей, адвокатов, а также священнослужителей.

Кандидат в присяжные заседатели получает статус присяжного заседателя в случае, если он призван к участию в рассмотрении судом конкретного уголовного дела и по установленным процедурам отобран в состав коллегии присяжных заседателей.

Говоря о современной процедуре формирования коллегии присяжных, то одним из обязательных условий рассмотрения уголовных дел судом присяжных является ходатайство об этом подсудимого. Получив такое согласие, судья выносит постановление о назначении уголовного дела к слушанию и определяет количество кандидатов в присяжные заседатели, подлежащих вызову. Постановление судьи о вызове кандидатов в присяжные заседатели

исполняет секретарь судебного заседания или помощник судьи. Отбор проводится из числа кандидатов, включенных в соответствующие списки, путем случайной выборки.

Уголовное дело рассматривается не всеми явившимися кандидатами, а коллегией в составе 8 заседателей в областных судах и 6 заседателей в районных судах, а также не менее двух запасных присяжных заседателей. Коллегия присяжных заседателей формируется в подготовительной части судебного заседания, которая производится в закрытом режиме. После оглашения списка явившихся кандидатов сторонам предоставляется возможность задать им вопросы, заявить мотивированные и немотивированные отводы. Также возможны самоотводы кандидатов [8, с.108].

Таким образом, в списках коллегии остаются 8 присяжных заседателей для областного суда, 6 присяжных заседателей – для районного суда, а также как минимум 2 человека участвуют в рассмотрении дела в качестве запасных заседателей.

Рассмотрение дела с участием присяжных заседателей является особой формой уголовного судопроизводства и имеет ряд специфических черт. Закон закрепляет следующие особенности производства и разрешения дела с участием присяжных заседателей:

- дела с участием коллегии присяжных заседателей рассматриваются только по ходатайству подсудимого;
- всегда производится предварительное слушание;
- присяжные заседатели не знакомятся с материалами уголовного дела;
- эти дела рассматриваются в составе профессионального судьи и коллегии присяжных заседателей, при этом их функции разделены. Присяжные заседатели решают вопрос факта – фактической стороны деяния и отвечают на три вопроса:

- а) доказано ли, что деяние имело место;
- б) доказано ли, что деяние совершил подсудимый;
- в) виновно ли в этом указанное лицо?

Профессиональный судья решает вопросы права и руководит судебным процессом. Судья единолично назначает наказание.

Судебное разбирательство дел с участием коллегии присяжных заседателей делится на два этапа:

- 1-й этап проходит с участием присяжных заседателей (до провозглашения вердикта);

– 2-й этап проходит без участия присяжных заседателей, поскольку после провозглашения вердикта они покидают зал судебного заседания, а процесс ведет и завершает профессиональный судья. Он же провозглашает приговор суда.

Резюмируя изложенное, отметим, что на современном этапе развития нашего государства российское судопроизводство имеет в своем арсенале исторически сложившийся правовой институт суда присяжных заседателей, который выступает прямым воплощением демократии. С помощью механизма реализации суда присяжных простые граждане могут принять участие в отправлении правосудия, поспособствовать принятию справедливого и законного решения. В свою очередь значимость данной процедуры для общества становится стимулом для судебных органов качественно и безукоризненно выполнять свою основную функцию. Тенденции законодателя к расширению компетенции суда присяжных убеждают нас в значимости и необходимости существования такой формы судопроизводства в России.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2022).

2. Баженов Р. В. История возникновения и становления в России суда присяжных заседателей // Обществознание и социальная психология. 2022. № 7 (37). С. 159–163.

3. Лебедев В. М. От Концепции судебной реформы к новым идеям развития судебной системы // Российская юстиция. 2000. № 3. С. 2–4.

4. Как пензенские преступники пытаются разжалобить суд присяжных. URL: <https://pravda-news.ru/news/spetsproekty/kak-penzenskie-prestupniki-pytayutsya-razzhalobit-sud-prisyazhnykh/> (дата обращения: 11.02.2025).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18.12.2001 : в ред. от 28.04.2023 // Российская газета. 2001. № 249.

6. О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации : федер. закон № 113-ФЗ

от 20.08.2004 : в ред. от 16.02.2022 // Российская газета. 2004. № 182.

7. Дудко Н. А. Значение решений Конституционного Суда Российской Федерации для совершенствования производства в суде с участием присяжных заседателей // Конституционализация уголовного судопроизводства (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации) : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 30 октября 2021 г.) / под ред. К. Б. Калиновского. СПб. : Астерион, 2022. С. 97–103.

8. Малахова Д. В. Суд присяжных в современном уголовном процессе // Экономика и социум. 2021. № 11. С. 107–112.

Информация об авторе

Полина Владимировна Антонова – преподаватель кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета. polina131099@mail.ru

УДК 343.4

УБИЙСТВА ПО НАЙМУ: ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ В РОССИИ

***Дарья Игоревна Артёмова¹,
Виолетта Тимуровна Ахмедова²,
Татьяна Алексеевна Зайцева³***

^{1,2,3}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Анализируются особенности раскрытия убийств по найму в России и современные криминалистические методы расследования этих преступлений. Отмечается, что убийства по найму представляют серьезную угрозу общественной безопасности и стабильности, оставаясь актуальной проблемой, несмотря на существующие законодательные меры. Данные преступления часто связаны с организованной преступностью и коррупцией, что подчеркивает необходимость их глубокого изучения для понимания криминальной ситуации в стране. Раскрытие убийств по найму требует применения специализированных криминалистических методов, поскольку они совершаются с высокой степенью скрытности, а исполнители используют различные способы сокрытия своей деятельности. В заключение предлагаются рекомендации по повышению эффективности расследования убийств по найму.

Ключевые слова: убийства по найму, методы расследования, проблемы раскрытия, мотивы заказчиков, убийство из корыстных побуждений, оптимизация расследования преступлений

Пленум Верховного Суда РФ в своём постановлении от 27.01.1999 № 1 определил понятие убийства по найму как «убийства, обусловленного получением исполнителем преступления материального или иного вознаграждения» [1]. В современной практике убийство по найму исследователями трактуется в основном как «убийство, совершенное специально нанятым для этого преступления человеком, действующим, прежде всего в интересах заказчика, из корыстных побуждений, обусловленное получением исполнителем преступления материального или иного вознаграждения, способом, наиболее вероятным для безусловного лишения жизни потерпевшего». Пункт «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ предусматривает ответственность для лиц, организовавших убийство за вознаграждение, подстрекавших к его совершению или оказавших пособничество в его совершении. Из п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ предусматривается, что в убийстве по найму в качестве соучастников выступают как минимум два лица:

- а) наниматель;
- б) исполнитель.

Условно, можно сказать, что они заключают между собой соглашение, которое следует понимать как совпадение желаний двух или нескольких лиц об одном и том же.

В то же время в ст. 33 Общей части УК РФ содержится исчерпывающий перечень соучастников всякого преступления:

- 1) исполнитель (ч. 2);
- 2) организатор (ч. 3);
- 3) подстрекатель (ч. 4);
- 4) пособник (ч. 5) [2].

Только эти термины должны употребляться в официальных процессуальных документах при квалификации убийства по найму. Вследствие этого оперативные, следственные работники и судьи обязаны четко знать, под содержание какого из этих терминов попадают понятия: «наниматель», «заказчик», «посредник», «киллер», которые при квалификации убийства по найму должны в соответствии с УК РФ быть четко определены как «организатор», «подстрекатель», «пособник» и «исполнитель» преступления.

Особенностью убийств по найму или по заказу является то, что они всегда совершаются по инициативе и в интересах конкретного третьего лица, именуемого в юридической литературе и в официальных документах правоохранительных органов нанимателем и заказчиком. В этом преступлении реализуется именно их преступная воля и замысел.

Раскрытие и расследование заказных убийств – это сложный процесс, связанный с особенностями этой категории преступлений: тщательной подготовкой и участием нескольких лиц – организатора, посредника, пособников и исполнителей. Преступления данной категории раскрываются достаточно редко. Актуальность настоящей темы исследования продиктована в первую очередь тем, что заказные убийства представляют собой один из видов убийств, расследование которых сопряжено с наибольшими трудностями. Кроме того, в российской уголовно-правовой и криминологической науке тема убийств по найму, или заказных убийств, является одной из самых малоизученных. Если проблема убийств и их квалификации полно и исчерпывающе изучалась видными учеными уголовного права, то более ограниченная проблема заказных убийств еще так и не получила должного раскрытия.

Основной проблемой раскрытия подобного рода убийств является тот факт, что заказные преступления либо же вообще не раскрываются в силу своей неопределенности и недостаточности информации, либо следствие, находя исполнителя заказного убийства, попадает в тупик, следовательно, расследование прекращается. В итоге складывается ситуация, в которой организатор преступления и вовсе остается безнаказанным. Именно по этой причине представляется крайне важным рассмотрение проблем расследования заказных убийств, а также поиск их решения.

Раскрытие преступлений данной категории основывается по большей части на испытанном алгоритме – «от потерпевшего к виновному». Для этого необходимы установление и исследование данных о личности убитого, о его окружении, что определит оптимальные пути расследования и выдвижение следственных версий. Не только в уголовном процессе, но и в криминалистике «выдвижение версий, наиболее близких к реально произошедшим событиям, является одной из главных задач, которые стоят перед следователем на данном этапе расследования».

Исследователи, выделяя основную проблему в раскрытии данного рода преступлений, полагают, что она возникла в результате целого ряда следующих недостатков в расследовании заказных убийств:

- неудовлетворительное планирование расследования уголовного дела;
- недостаточно основательный и детальный подход к проведению осмотра места происшествия;
- использование неоправданно ограниченного набора экспертных исследований;
- недостаточно полное исследование личности потерпевшего;
- количественная и качественная нехватка криминалистической и специальной техники, средств связи и транспорта у следователей;
- непредоставление должного уровня защиты участникам уголовного процесса от угроз, преследования и расправ со стороны преступников, понуждающих потерпевших и свидетелей к даче заведомо ложных показаний либо же отказу от дачи показаний;
- отсутствие очевидцев [3, с. 41].

Нельзя не отметить, что убийства, совершенные по найму, как правило, отличает особый профессионализм их исполнения. Также они нередко инсценируются под несчастные случаи.

Тактика расследования заказных убийств базируется на следующих процессуальных действиях (причисленных в их последовательности):

- опрос свидетелей, знакомых, коллег и родственников потерпевшего;
- осмотр места происшествия;
- осмотр трупа;
- назначение судебно-медицинской экспертизы трупа;
- исследование территории, прилегающей к месту совершения убийства и поиск следов, а также иных доказательств по делу;
- перекрытие путей отхода исполнителя;
- сбор материалов с видеокамер, размещенных в общественных зонах и на которых может фигурировать подозреваемый в совершении убийства;
- подворно-поквартирный обход и проведение разведывательных опросов с целью установления очевидцев и получения информации об убийце.

По изученным делам о заказных убийствах, мотивами их заказчиков чаще всего являлись:

- желание устранить конкурента по бизнесу;
- желание нанимателя избежать уплаты долга потерпевшему или нежелание
- потерпевшего возратить долг нанимателю;
- зависть нанимателя к преуспевающему в бизнесе потерпевшему;
- конфликт на почве дележа преступно добытого;
- месть (государственному деятелю за неисполнение определенных требований, потерпевшему за неисполнение договора, побои, оскорбления, убийство члена преступной группировки);
- стремление завладеть квартирой потерпевшего или уклониться от уплаты стоимости купленной квартиры;
- конфликт на почве раздела сфер влияния преступных группировок;
- ревность и некоторые другие мотивы бытового характера [4, с. 170].

На основе вышеизложенного, мы пришли к выводу, что убийства по найму имеют ряд уникальных характеристик, которые отличают их от других преступлений, угрожающих жизни и здоровью. Прежде всего, это всегда заранее запланированные и тщательно подготовленные действия, направленные на решение конкретной задачи. Обычно между жертвой и исполнителем заказа отсутствуют какие-либо отношения, так как последний выступает лишь как агент третьего лица. Участники заказных убийств стремятся скрыть свою причастность к преступлению, используя анонимность, фальсификацию документов и уничтожение следов, что касается других видов убийств, скрытность может быть менее выражена или отсутствовать в случае преступлений, совершаемых под влиянием эмоций. Доказательства убийств по найму часто скрыты и требуют тщательного расследования, изучения финансовых транзакций, анализа связей и проведения оперативно-розыскных мероприятий.

В завершение исследования, посвященного проблеме заказных убийств, мы разработали ряд рекомендаций, направленных на повышение эффективности расследования этого вида преступле-

ний. Мы не сомневаемся в компетенции правоохранительных органов, однако считаем, что наши предложения могут стать ценным дополнением к имеющимся инструментам и помочь в борьбе с этой опасной угрозой.

Рекомендации:

1. Создание специализированных групп для расследования заказных убийств.
2. Расширение сети информаторов, которые могут предоставить ценную информацию о возможных заказчиках и исполнителях
3. Включение психологов в процесс расследования для анализа мотивации преступников.
4. Создание единой базы данных по делам заказных убийств для отслеживания информации и выявления связей.

Список литературы

1. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27.01.1999 : в ред. от 03.03.2015 // Российская газета. 1999. 9 февраля.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 : в ред. от 02.10.2024 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Журавель К. С. Проблемы расследования заказных убийств // Юридический факт. 2019. № 78. С. 41–43.
4. Мишанова Е. Ю. Криминалистические методологии в расследовании заказных убийств // Синергия наук. 2019. № 39. С. 169–178.

Информация об авторах

Дарья Игоревна Артёмова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета.

artdarya@yandex.ru

Виолетта Тимуровна Ахмедова – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.

ViluWolf55@gmail.com

Татьяна Алексеевна Зайцева – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.

taaanseva1505@mail.ru

ВЗГЛЯДЫ Н. В. МУРАВЬЕВА НА ПРАВОЗАЩИТНУЮ ФУНКЦИЮ ПРОКУРАТУРЫ

*Денис Владимирович Акулов¹,
Елизавета Ивановна Квашнина²*

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. На основе анализа научной и практической деятельности генерал-прокурора Российской империи Н. В. Муравьева, высказываний современников рассматриваются его взгляды на реализацию правозащитной функции прокуратуры.

Ключевые слова: генерал-прокурор, прокуратура, прокурорский надзор, правозащитная функция, права граждан, защита общества, государство

И личность, и деятельность Николая Валериановича Муравьева (1850–1908 гг.) – прокурора разных судов, министра юстиции, генерал-прокурора, посла в Италии – оценивается крайне противоречиво. При этом высказывания о нем отличаются явной поляризацией: либо называются исключительно негативные стороны его личности (а положительные зачастую не упоминаются), либо замечается только хорошее, а отрицательные черты старательно оправдываются или умалчиваются. Репутации его значительно вредят «некоторые темные стороны» нравственности [1], обвинение «первомартовцев» и участие одновременно в реформах и контрреформах, приводившие к утверждениям, что ему, «жадному карьеристу, смотревшему на свой пост лишь как на ступень къ дальнѣйшимъ почестямъ и окладамъ» [2, с. 13], благосклонность правительства важнее, чем «безупречность русскаго правосудія» [2, с. 13], на которое он оказывал «тлѣтворное вліяніе» [2, с. 25].

Никто, однако, не сомневался в его уме. По воспоминаниям современницы – переписчицы судебных документов Е. И. Козлиной – любой судебный деятель считал его «талантливѣйшимъ изъ прокуроровъ» [3, с. 168] за 45 лет. Современные учёные оценивают его книгу «Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности» как «непревзойденный до сих пор фундаментальный труд» [4, с. 9].

По взглядам на власть Н. В. Муравьев был убежденным монархистом, консерватором, поэтому считается, что он – «умный и беззащитный реакционер» [5, с. 264] защищал в своей прокурорской деятельности не права граждан, а исключительно интересы государства. Н. В. Муравьев действительно много внимания уделял защите «прав и выгод государства» [6, с. 6], однако и к правам граждан равнодушен не был. Отношения же граждан и государства, он, по его собственному замечанию, рассматривал как не достигнутый в его время идеал: когда государство и граждане неразрывны, и, защищая интересы государства, прокурор заботится о благе всех граждан. Правозащитная функция прокуратуры как защита отдельных граждан раскрывается в трудах Н. В. Муравьева и присутствует в его деятельности.

Судебный следователь Е. М. Баранцевич (либерал) в стихотворении, написанном в память Н. В. Муравьева («На смерть Николая Валериановича Муравьева († 1-го дек. 1908 г.)»), пишет о его любви к «прогрессу» [7, с. 2] и отзывается о нём как о защитнике народа:

«Служа высокому признанию,
Ты честно, смело шел впередь,
И, весь отдавшись упованию,
Любил и чтить родной народ» [7, с. 1].

Самый значительный труд Н. В. Муравьева – «Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности». Предполагалось издать два тома: первый – теоретический, второй – с практическими указаниями. Второй том так и не был написан, собранные материалы были напечатаны в статье «Общие основания устройства и уголовной деятельности прокурорского надзора (1891-1892 г.)» [8].

В предисловии заметны любовь к делу, его знание, стремление улучшить работу прокуратуры. Охрана прав граждан рассматривается с нескольких сторон: как охрана интересов общества (соответственно всех граждан вместе), как защита потерпевшего либо защита прав обвиняемого.

Охрана интересов общества рассматривается Н. В. Муравьевым как наивысшее выражение данной функции прокуратуры.

Защита потерпевшего предполагает, во-первых, «активное заступничество за безсильного потерпевшего». [6, с. 36], во-вторых, как запрет допускать исключительно формальное применение законов без понимания их смысла, при котором может пострадать

не только всё общество, но и отдельные лица. Наиболее часто, по Н. В. Муравьеву, с защитой отдельного лица прокурор имеет дело в гражданском процессе.

Следить за соблюдением прав обвиняемого прокурор должен в связи с тем, что они даны ему законом, который прокурор обязан защищать. Для этого прокурор должен наблюдать, чтобы не было «отъ законного порядка не было отступлений ни въ пользу обвиненія, ни въ пользу защиты» [6, с. 16], а также не должен стремиться к как можно большему количеству обвинительных приговоров (которое многие прокуроры его времени считали своей главной обязанностью [6, с. 529–530]). Заметим, что данное требование в практической деятельности исполнял сам Н. В. Муравьев. Так, в обвинительной речи по делу о судье, который обругал «хлыщемъ, мерзавцемъ, рыжею собакою» [9, с. 252] и несколько раз ударил прокурора прямо в здании суда, Н. В. Муравьев предложил присяжным, чтобы они рассматривали его как оскорбление частного лица, а не оскорбление при несении служебных обязанностей, что было исполнено ими и судья получил меньшее наказание [9].

Рассматривая историю прокуратуры, автор отмечает защиту прав граждан как её неперемнную составляющую.

В истории прокуратуры Древнего Рима исследователь отмечает «чуткое сознаніе общественной пользы и гражданского долга» [6, с. 42] как главное достоинство; идеал, по Н. В. Муравьеву, «народное обвиненіе» [6, с. 43], существовавшее поначалу, а не обвинение, установившееся во времена империи, при котором учитывалась исключительно польза правителей.

Главным достоинством прокуратуры Франции XVIII в. он считал «...охраненіе слабыхъ и угнетенныхъ» [6, с. 63].

Если прокуратура не выполняет данную функцию, то она угасает, как это случилось с Германией в XVII–XVIII вв., когда прокурорское направление «не развивалось, а совершенно заглохло подъ давленіемъ инквизиціонного процесса» [6, с. 151].

В истории России роль прокурора в защите прав иногда выглядела необычно. Так, одна из обязанностей прокурора в XVIII в. — следить, чтобы быстро разрешались дела находящихся под арестом (т. к. «они подолу оставались безъ рѣшенія, остроги переполнялись колодниками, а мѣстные начальники злоупотребляли въ свою пользу ихъ даровымъ трудомъ» [6, с. 281]) и чтобы под видом заключённых не содержали крестьян «для употребленія “въ собственные работы” губернаторов и воевод» [6, с. 284].

Н. В. Муравьев писал об обязанности прокуратуры защищать права не только в теоретических исследованиях, но и в практических рекомендациях.

В «Инструкции чинам прокурорского надзора округа С.-Петербургской судебной палаты» объясняются задачи прокурора, порядок и правила их выполнения, правила оформления документов. В конце книги автор подчёркивает, что прокурорские работники должны помнить, что главная их цель – «въ непрестанномъ огражденіи правъ и интересовъ частныхъ лицъ» [10, с. 33].

Таким образом, несмотря на противоречивость личности Н. В. Муравьева, преобладание в его воззрениях монархических взглядов, нельзя не отметить присутствие в его научной и практической деятельности стремления развивать правозащитную функцию прокуратуры, рассматриваемую как деятельность по защите прав граждан, неотделимую от защиты интересов государства, общества и закона.

Список литературы

1. Витте С. Ю. Воспоминания. URL: http://az.lib.ru/w/witte_s_j/text_0010.shtml (дата обращения: 15.05.2025).

2. Кони А. Ф. Триумвират (воспоминания о Победоносцеве, Муравьеве и Таганцеве). URL: <https://cub.prilib.ru/item/769518> (дата обращения: 15.05.2025).

3. Козлинина Е. И. За полвека. 1862–1912 гг. Пятьдесят лет в стенах суда. Воспоминания, очерки и характеристики: 152 отдельных портр., 10 групп и 1 снимок здания Моск. судебных установлений. М. : тип. торг. д. Н. Бердоносцов, Ф. Пригорин и К°, 1913. 562 с. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003804559?page=1

4. Головкин Л. В., Ивансенко К. В. О кафедре уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 8–23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kafedre-ugolovnogo-protsesssa-pravosudiya-i-prokurorskogo-nadzora-moskovskogo-gosudarstvennogo-universitetaimeni-m-v-lomonosova>

5. Обнинский В. П. Новый строй. Ч. 2. Реакция. М. : Образование, 1911. 328 с. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_004005092?page=2&rotate=0&theme=white

6. Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности : пособие для прокурор. службы. Т. 1. Прокуратура

на Западе и в России. М. : Унив. тип., 1889. 552 с. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003922311?page=1&rotate=0&theme=white

7. Баранцевичъ Е. М. На смерть Николая Валериановича Муравьева († 1-го дек. 1908 г.). Томскъ : паровая тип. Н. И. Орловой, 1909. 4 с. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_v19_rc_2057887?page=1

8. Муравьевъ Н. В. Изъ прошлой дѣятельности : в 2 т. Т. 1. Статьи по судебнымъ вопросамъ. СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1900. 564 с. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003963350?page=3&rotate=0&theme=white

9. Муравьевъ Н. В. Изъ прошлой дѣятельности : в 2 т. Т. 2. Речи и сообщения. СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1900. 587 с. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003963349?page=265&rotate=0&theme=white

10. Муравьевъ Н. В. Инструкція чинамъ прокурорскаго надзора округа С.-Петербургской судебной палаты. СПб. : тип. А. Суворина, 1884. 49 с. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003545102?page=1&rotate=0&theme=white

Информация об авторах

Денис Владимирович Акулов – доцент кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета, судья в почетной отставке.

den-akulov@yandex.ru

Елизавета Ивановна Квашнина – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.

mollienesiaformosa@gmail.com

УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

***Денис Владимирович Акулов¹,
Максим Максимович Максимов²***

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. В целях формирования оптимальной модели прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, наделения её универсальными признаками, не зависящими от формы

предварительного расследования, на основе анализа проблем правоприменительной практики предлагаются изменения в действующем законодательстве.

Ключевые слова: органы предварительного расследования, прокурорский надзор, процессуальный контроль, полномочия прокурора, универсализация

После распада СССР произошли значительные изменения в системе надзора и процессуального контроля над органами предварительного расследования. Не затрагивая вопросы создания и последующей ликвидации следственных органов, изменения правил подследственности, тезисно укажем наиболее важные этапы ее реформирования.

Так, в 1993 году введен судебный контроль за принятием процессуальных решений, ограничивающих конституционные права граждан, вследствие чего элементы состязательности имплементированы в досудебные стадии уголовного судопроизводства.

В 2002 году после вступления в законную силу нового Уголовно-процессуального кодекса РФ масштабы предварительного и последующего судебного контроля в досудебных стадиях существенно расширены, путем его осуществления, как за производством следственных действий, так и принятием различного рода принудительных мер, конституционно относящихся к исключительным полномочиям суда.

В 2007 году ввиду принятия Федерального закона № 87-ФЗ полномочия прокурора по процессуальному руководству предварительным следствием перераспределены в пользу руководителей следственных органов. Эти изменения затронули правовые нормы, регулирующие работу прокуроров и руководителей следственных органов, а также процедуры возбуждения уголовных дел, проведения следственных действий и другие аспекты процессуальной деятельности.

В первоначально редакции действующего УПК РФ предмет прокурорского надзора являлась любая процессуальная деятельность органов, ведущих предварительное расследование. Однако, после внесения в 2007 году в Федеральный закон «О прокуратуре РФ» и УПК РФ изменений, направленных на значительное сокращение полномочий прокуроров по надзору за органами предварительного следствия, прокуроры утратили существенную часть своих возможностей по обеспечению надлежащей законности на досудебной стадии судопроизводства.

Изменения 2007 года мотивировались концепцией разделения функций надзора и руководства расследованием и дифференциацией полномочий прокурора в зависимости от формы предварительного расследования.

Итогом осуществлённых законодателем нововведений явилось то, что прокуратура, по сути, потеряла возможность гарантировать законность и правомерность осуществления расследования органами предварительного следствия. В свою очередь руководители органов следствия фактически стали контролировать сами себя.

Исключение из перечня полномочий прокурора тех, которые позволяли отменять незаконные либо необоснованные постановления следователя, а также давать следователю указания о производстве процессуальных действий и направлении расследования привели к потере прокурором реальной возможности осуществлять эффективный надзор за органами предварительного следствия.

Представляется, что необходимо скорейшее решение данной проблемы, для чего требуется наделение прокуроров надзорными полномочиями достаточными для своевременного и эффективного реагирования на нарушения, допускаемые в досудебном производстве органами следствия.

Очевидно, что в этой сфере требуется постоянное наблюдение за законностью производства по уголовному делу, а не проводимые время от времени проверки только при наличии определённого и весьма существенного повода, поскольку профилактика часто гораздо эффективнее, чем «хирургические» методы «лечения» нарушений.

Как отмечает А. Г. Халиулин, законодатель выделил важность разграничения полномочий по надзору за соблюдением законов и по руководству предварительным следствием [1, с. 4]. Однако, по мнению Е. Л. Никитина, такой подход не имеет достаточного обоснования в действующем законодательстве [2, с. 12].

В конце 2010 года были внесены изменения в УПК РФ, которые восстановили часть полномочий прокурора, что, однако явилось лишь неким паллиативом, не решившим проблему надлежащей организации надзора в досудебном производстве.

Изменения и дополнения в УПК РФ и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» привели к значительной трансформации функции прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, что вы-

звало активные дискуссии среди научного сообщества. Некоторые исследователи считают, что усиление полномочий руководителей следственных органов должно сопровождаться снижением ответственности прокуроров за законность процессуальных и следственных действий, проводимых следователями.

В то же время, другие ученые полагают, что сокращение полномочий прокуроров является недальновидным и нежелательным шагом со стороны законодателя, поскольку такие меры могут ослабить государственную правоохранительную систему, негативно влиять на престиж работы следователей и не гарантировать их процессуальную независимость [3, с. 169].

Представляется достаточно нелогичной дифференциация полномочий прокурора в зависимости от формы предварительного расследования. Так, если при расследовании в форме дознания прокурор обладает значительным объемом надзорных полномочий, то в рамках предварительного следствия он их практически лишён, обладая лишь правом требовать от следственных органов устранения нарушений федерального законодательства (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). При этом в отличие от органа дознания, для которого эти требования являются обязательными, руководитель следственного органа может их фактически проигнорировать путём вынесения мотивированного постановления о несогласии с ними (ч. 4 ст. 39 УПК РФ).

Отметим и такую проблему как отсутствие у прокурора законодательно гарантированной возможности истребования материалов уголовного дела для ознакомления с ними. Важность их изучения диктуется необходимостью гарантировать соблюдение органами предварительного следствия всех процессуальных норм и законности в целом. Однако, нередко такой возможности прокурор оказывается лишён, поскольку в УПК РФ (ч. 2.1 ст. 37), прокурору такие материалы могут быть предоставлены только по его «письменному мотивированному запросу». И если необходимость направлять запрос в письменной форме возражений не вызывает, то этого нельзя сказать в отношении такой требующейся характеристики запроса, как мотивированность.

Подобная формулировка вызывает недоумение, поскольку любому специалисту в данной области очевидно, что невозможно как-то мотивировать запрос об ознакомлении с материалами дела, не будучи с ними ознакомленным. Получается замкнутый круг,

выход из которого в сугубо правовом поле невозможен, поскольку положительный результат исполнения запроса отдается на откуп следователю или руководителю следственного органа, от воли, желания, добросовестности, а иногда и просто настроения которых будет зависеть, предоставят ли они прокурору возможность ознакомиться с материалами уголовного дела.

В этой связи в целях повышения эффективности надзора прокурора предлагаем изложить ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ в следующей редакции: «По письменному запросу прокурора ему предоставляется возможность ознакомиться с материалами проверки сообщения о преступлении или материалами находящегося в производстве уголовного дела в установленный им срок».

Считаем необходимым наделить прокурора и правом согласовывать ходатайства следственных органов по обращению в суд по вопросам проведения следственных действий или принятия процессуальных решений, ограничивающих конституционные права граждан.

Суть данной проблемы состоит в том, что, если при производстве дознания прокурор имеет право давать дознавателю согласие на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене либо изменении меры пресечения или о производстве иного процессуального действия, допускаемого на основании судебного решения, то при проведении предварительного следствия такое право у него отсутствует, поскольку им наделен исключительно руководитель следственного органа. Как следствие не исключена парадоксальная ситуация, когда при рассмотрении внесенного ходатайства в суде позиции прокурора и руководителя следственного органа, являющихся участниками процесса со стороны обвинения, будут не совпадать.

В этой связи полагаем закономерным, да и просто логичным, наделить прокурора полномочиями по согласованию вносимых в суд ходатайств и в отношении органов предварительного следствия. Думается, что делегирование прокурору подобного права опирается на принцип единства прокурорского надзора в ходе предварительного расследования, создающего дополнительную защиту конституционных прав и свобод граждан на стадии досудебного производства.

Далее хотелось остановиться на том, что полномочия прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заклю-

чением, далеко не всеми учеными и практиками расцениваются как достаточные для эффективного осуществления прокурором своих функций.

Так, по мнению К. А. Таболиной, введенные посредством Федерального закона от 05 июня 2007 г. №87-ФЗ изменения в УПК РФ существенно ограничили полномочия прокурора в отношении уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением [4, с. 291].

В частности, прокурорам теперь запрещено составлять новое обвинительное заключение, изменять или сокращать список лиц, вызываемых в суд стороной обвинения, принимать решения о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Более того, прокуроры утратили право изменять объем обвинения или переквалифицировать действия обвиняемого.

В свою очередь, некоторые исследователи утверждают, что такие изменения противоречат статусу прокурора как лица, осуществляющего надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и исполняющего роль государственного обвинителя [4, с. 292].

Разделяя последнюю позицию, полагаем, что формирование оптимальной модели прокурорских полномочий на стадии утверждения обвинительного заключения зависит от точечной корректировки действующего уголовно-процессуального закона.

Эффективной мерой прокурорского реагирования на нарушения закона, допущенные органами дознания, является отстранение дознавателя от дальнейшего ведения расследования (п. 10 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Такое положение вещей однозначно способствует повышению уровня дисциплины и правосознания в органах дознания, в то время как бесконтрольность и наличие лишь ведомственного контроля, который обычно малоэффективен, ведёт к прямо противоположным результатам.

В этой связи крайне важным представляется наделение прокурора аналогичными полномочиями и в отношении следователей при наличии в их действиях нарушений требований закона. Точнее, речь идёт о возвращении прокурору полномочий, которыми он обладал до реформы 2007 года. Естественно, что, вернув себе такие полномочия, прокурор получит возможность осуществлять гораздо более действенный надзор за соблюдением законности на досудебных стадиях судопроизводства.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что в настоящее время в сфере прокурорского надзора существует довольно серьезное количество проблем, большинство из которых возникло по причине недостаточной продуманности и взвешенности уголовно-процессуальной реформы 2007 года, не только приведшей к разделению прокуратуры на два ведомства, но и существенно ограничившей полномочия прокурора по надзору за соблюдением законности органами предварительного расследования.

В настоящее время, защищая публичный интерес на стадии досудебного производства, прокурор не обладает действенными инструментами по своевременному выявлению, устранению и предотвращению нарушений законов, что вызывает необходимость внести дополнения и изменения в УПК РФ, в целях его наделения следующими полномочиями:

- по обеспечению возможности ознакомления с материалами проверки сообщения о преступлении или уголовного дела на основании письменного запроса в установленный самим прокурором срок;

- по согласованию решения следователя (руководителя следственного органа) о прекращении уголовного дела и уголовного преследования;

- по согласованию ходатайств органов предварительного следствия об избрании мер процессуального принуждения, требующих вынесения судебного решения, а также иных вносимых в суд ходатайств о разрешении на проведение следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан;

- по принятию решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в досудебном производстве;

- по изменению квалификации и объема обвинения по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением.

Список литературы

1. Халиулин А. Г. Функции и полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве // Прокурорский надзор в досудебном производстве по уголовным делам : сб. ст. по материалам круглого стола, проведенного в рамках Кутафинских чтений (г. Москва, 28 ноября 2018 г.) / под ред. Т. И. Отческой. М. : РГ-Пресс, 2019. С. 3–6.

2. Никитин Е. Л. Обеспечение прокурором законности документирования оперативно-розыскной деятельности // Законность. 2020. № 4 (1026). С. 10–14.

3. Рогачев К. А. Актуальные проблемы правового регулирования прокурорского надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Проблемы применения уголовного закона и уголовно-процессуального законодательства в деятельности судов и органов предварительного расследования : сб. науч. ст. по итогам науч.-практ. конф. магистрантов (г. Воронеж, 17 апреля 2023 г.) / отв. ред. А. А. Дядченко. Симферополь : Ариал, 2023. С. 168–172.

4. Таболина К. А. Надзор прокурора за законностью принятия решений в досудебном производстве в контексте учения П. А. Лупинской // Полина Абрамовна Лупинская. Вклад в развитие российского уголовного судопроизводства (к 100-летию со дня рождения) : сб. воспоминаний и науч. ст. М. : Норма, 2021. С. 291–299.

Информация об авторах

Денис Владимирович Акулов – доцент кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета, судья в почетной отставке.

den-akulov@yandex.ru

Максим Максимович Максимов – студент Юридического института Пензенского государственного университета.

maksim120620022@yandex.ru

УДК 343.1

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНСТИТУТА РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Денис Владимирович Акулов¹,
Валерия Сергеевна Пенкина²***

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Рассматривается современное состояние института реабилитации в уголовном судопроизводстве. Анализируются процессуальные механизмы и практика применения норм, направленных на восстановление прав

и законных интересов лиц, незаконно или необоснованно подвергнутых уголовному преследованию. На основе изучения судебной практики и научных исследований предлагаются направления совершенствования института реабилитации.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное преследование, реабилитация, оправданный, компенсация вреда, правовые гарантии, восстановление нарушенных прав

Конституция Российской Федерации провозглашая права и свободы человека и гражданина в качестве высших ценностей, закрепляет широкий их спектр, включая личную свободу и неприкосновенность, защиту чести и достоинства. В этом смысле соблюдение конституционных прав граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, как и механизмы их защиты и восстановления, приобретают особое значение.

К сожалению, в правоприменительной практике встречаются неединичные факты незаконного привлечения к уголовной ответственности, задержания, заключения под стражу и даже осуждения. С целью восстановления нарушенных прав граждан, необоснованно подвергнутых уголовному преследованию в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ предусмотрен институт реабилитации, имеющий глубокие исторические корни.

Концепция реабилитации в России нашла свое отражение еще в Военном уставе от 26 апреля 1715 года, который предусматривал возможность восстановления прежнего статуса лица в случае доказанной невиновности или помилования, однако этот закон не предусматривал никаких компенсаций за причинённый ущерб.

Принятые в XIX веке Уложения о наказаниях уголовных и исправительных уже содержали нормы регулирующие вопросы возмещения ущерба, причинённого действиями мировых судей, сотрудников правоохранительных органов, прокуроров и их подчинённых.

Применительно к советскому периоду отечественной истории следует отметить, что длительное время законодатель не выказывал стремления сформулировать понятие и основания для реабилитации, а нормы, предусматривающие восстановление прав и компенсацию ущерба реабилитированным лицам, были разбросаны по различным правовым актам, многие из которых имели ведомственную направленность.

Тем не менее, в 1981 году Верховным Советом СССР был издан указ, устанавливающий обязанность государства восстанавливать нарушенные права граждан. Этот документ, получивший название «О возмещении вреда, причинённого гражданам незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими своих служебных обязанностей», при всех своих достоинствах, однако не содержал положения о возмещении нематериального ущерба [1].

Принятие в 1993 году Конституции Российской Федерации стало поворотным моментом в истории страны, ознаменовав собой переход к демократическому правовому государству. Конституция закрепила принципы верховенства права, разделения властей и приоритета прав и свобод человека и гражданина. В уголовно-процессуальное законодательство были имплементированы важнейшие конституционные гарантии, в том числе право на возмещение вреда, причинённого незаконными действиями должностных лиц в ходе уголовного судопроизводства. Это стало значительным шагом вперёд в защите прав личности и установления ответственности государственных органов за нарушения закона.

Изменение государственного строя, выразившееся в переходе от советской системы к демократическому правовому государству, привело к пересмотру ключевых принципов уголовного процесса. Конституция РФ 1993 года заложила основы для создания механизмов, обеспечивающих справедливость и защиту граждан от произвола со стороны власти [2].

Лица, права и свободы которых были незаконно ограничены или нарушены в ходе уголовного судопроизводства, инициированного государственными органами, имеют право на реабилитацию, включающую в себя не только восстановление нарушенных прав, но и предоставление компенсации за причинённый ущерб.

Необоснованные действия государства могут иметь серьёзные и долгосрочные последствия для пострадавших, включая ущерб деловой репутации, потерю возможности трудоустройства и разрушение семейных и социальных связей, а момент их возникновения обусловлен не только постановлением неправомерных обвинительных приговоров, но и допускаемыми нарушениями законности на начальных этапах расследования.

Легальное понятие реабилитации, содержащееся в действующем уголовно-процессуальном законе сформулировано как поря-

док восстановления прав и свобод лица, незаконно и необоснованного подвергнутого уголовному преследованию и возмещения причиненного ему вреда.

В свою очередь реабилитированный – это лицо, имеющее право на возмещение вреда, причиненного ему в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием.

В соответствии со статьями 135 и 136 УПК РФ реабилитированное лицо может требовать возмещения как имущественного ущерба, так и морального вреда, а для получения компенсации ему необходимо обратиться в суд, постановивший приговор, либо в суд по месту нахождения органа, вынесшего постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, либо в суд по месту жительства реабилитированной стороны [3].

Данный процесс может быть сложным и трудоёмким, зачастую требующим от реабилитируемого лица длительного ожидания решения суда.

Физические лица имеют право на реабилитацию, в связи с их оправданием либо незаконным осуждением по основаниям, указанным в пп. 1, 4 и 5 ч. 2 ст. 133 УПК РФ.

К категории лиц, имеющих право на реабилитацию, относятся и подсудимые, чьё уголовное преследование было прекращено в связи с отказом государственного обвинителя от поддержания обвинения [4, с. 60].

Это право распространяется также на лиц, уголовное преследование которых было прекращено на досудебной стадии уголовного судопроизводства по основаниям, предусмотренным п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ, таким как отсутствие самого события преступления, состава преступления, заявления потерпевшего, которое является обязательным условием для возбуждения уголовного дела и ряду иных.

Исходя из разъяснений Верховного Суда Российской Федерации к лицам, имеющим право на реабилитацию в соответствии с положениями части 2 статьи 133, не относятся те, из обвинения которых были исключены квалифицирующие признаки либо в отношении которых приняты иные решения, уменьшающие объем обвинения, но не исключаящие его, а также осужденные, мера наказания которым снижена вышестоящим судом до предела ниже отбытого.

Право на реабилитацию может быть ограничено и для лиц, осуждённых по определённым статьям Уголовного кодекса, преступные действия которых были переквалифицированы, например, осужденный при переквалификации содеянного со статьи 105 УК РФ на часть 4 статьи 111 УК РФ; осужденный за совершенные преступления в составе организованной группы, который этим же приговором оправдан по статье 210 УК РФ [5].

Реабилитация предполагает не только восстановление прав, но и компенсацию морального и материального вреда. Для государства это может быть связано с значительными финансовыми затратами, поэтому такие решения принимаются с особой тщательностью.

В частности, если человек был обвинён по статье 105 УК РФ (убийство), но в ходе судебного разбирательства обвинение переквалифицировали на статью 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности), и суд установит, что действия лица всё же содержат состав преступления (пусть и менее тяжкого), право на реабилитацию у такого лица отсутствует.

Что касается статистических данных, если в 2020 году в Российской Федерации удовлетворено 1500 заявлений о реабилитации, в 2021 – 1300, то в 2023 лишь 1040, что может свидетельствовать как о повышении качества предварительного расследования, так и о более взвешенном подходе к признанию права на реабилитацию [6].

Иллюстрируя обозначенный тезис, приведем мнение председателя Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкина, который назвал низкий процент оправдательных приговоров в России прямым следствием высококачественного предварительного расследования. По мнению представителей компетентных органов, включая Министерство внутренних дел Российской Федерации и Следственный комитет Российской Федерации, наблюдаемое уменьшение количества оправдательных приговоров и случаев реабилитации на досудебной стадии может быть обусловлено повышением уровня законности, улучшением качества предварительного следствия и, в числе прочих факторов, повышением профессионализма сотрудников правоохранительных органов [7].

В современном обществе наблюдается существенный пробел в механизмах восстановления прав лиц, прошедших реабилитацию, особенно в аспекте их психоэмоционального благополучия.

Необоснованное уголовное преследование зачастую приводит к серьёзным эмоциональным травмам, и поэтому реабилитация должна включать меры, направленные на смягчение неблагоприятных последствий, вызванных подобными ситуациями.

Согласно научным исследованиям, лицам, которые были несправедливо заключены под стражу, должны быть предоставлены права на частичную реабилитацию.

В контексте обсуждаемой проблемы крайне важно обеспечить предоставление обязательной психологической помощи лицам, проходящим реабилитацию, которая будет направлена на смягчение психологических последствий несправедливого уголовного преследования.

Доступ к службам психологической помощи и терапевтическим программам, нацеленным на преодоление эмоциональных и психологических трудностей, представляет собой ключевой элемент этого процесса.

Кроме того, содействие успешной реинтеграции лиц, совершивших правонарушения, в обществе имеет первостепенное значение. Это может быть достигнуто путём реализации комплексных образовательных и профессиональных программ, направленных на подготовку людей к успешному возвращению в общество после освобождения [8, с. 384].

Разработка программ поддержки, направленных на социальную адаптацию, включая помощь в обеспечении жильём, трудоустройстве и восстановлении социальных связей, является насущной необходимостью.

Вопрос о компенсации неимущественного вреда представляет собой ключевой момент, требующий пристального рассмотрения, учитывая отсутствие надлежащего правового регулирования, в результате чего судьи вынуждены определять размер компенсации за моральные или физические страдания в каждом отдельном случае индивидуально, что может приводить к субъективным интерпретациям.

Внедрение в уголовно-процессуальное законодательство чётких правовых норм, устанавливающих конкретные суммы компенсаций для различных ситуаций, могло бы способствовать упрощению процесса реабилитации, а право на реабилитацию включает в себя не только возмещение материального ущерба, но и компенсацию морального вреда, а также восстановление трудовых, пенси-

онных, жилищных и иных прав, как это предусмотрено в части 1 статьи 133 УПК РФ.

В заключение следует отметить, что, несмотря на значительный прогресс, достигнутый российской правовой системой в вопросе реабилитации лиц, подвергшихся необоснованному уголовному преследованию, существует не реализованный потенциал для дальнейшего совершенствования этого института.

Список литературы

1. О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей : указ Президиума ВС СССР № 4892-X от 18.05.1981 : утв. законом СССР № 5156-X от 24.06.1981 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1981. № 21. Ст. 741.

2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одоб. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.03.2025).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18.12.2001 : в ред. от 02.10.2024 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ч. I. Ст. 4921.

4. Хмельницкий Б. Н. Реабилитация в уголовном процессе // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2024. № 2. С. 60–62.

5. О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 17 от 29.11.2011 : в ред. от 28.06.2022 // Российская газета. 2011. 5 декабря.

6. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел. URL: [https://www.vsrf.ru/search/?search_section_active=documents&search_sections\[\]=documents&search_sections\[\]=news&search_sections\[\]=persons&search_sections\[\]=photo_archive&search_sections\[\]=video_archive&search_sections\[\]=purchases&keyword=+статистика](https://www.vsrf.ru/search/?search_section_active=documents&search_sections[]=documents&search_sections[]=news&search_sections[]=persons&search_sections[]=photo_archive&search_sections[]=video_archive&search_sections[]=purchases&keyword=+статистика) (дата обращения: 10.03.2025).

7. Бастрыкин: «Малое число оправдательных приговоров говорит о качественном следствии» // Комсомольская правда. URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1430309/> (дата обращения: 10.03.2025).

8. Малов А. Ю. Институт реабилитации в уголовном процессе России // Актуальные проблемы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти д-ра юр. наук, профессора, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженного работника образования Чувашской Республики Аркадия Сизого (г. Чебоксары, 20 ноября 2020 г.). Чебоксары : Чебоксарский кооперативный институт (филиал) автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации», 2022. С. 382–385.

Информация об авторах

Денис Владимирович Акулов – доцент кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета, судья в почетной отставке.

den-akulov@yandex.ru

Валерия Сергеевна Пенкина – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.

valeriapenckina1833@gmail.com

УДК 342.5

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ЗАЩИТЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМЫ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

***Денис Владимирович Акулов¹,
Валерия Вадимовна Пискунова²***

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Рассматривается деятельность прокуратуры Российской Федерации по истребованию из незаконного владения утраченного государственного имущества. Отмечается необходимость соблюдения разумного баланса между имущественными интересами государства и правами граждан.

Ключевые слова: государственная собственность, приватизация, деятельность прокуратуры, истребование имущества из незаконного владения, защита интересов государства, права граждан

В 2023–2024 году одним из актуальных направлений деятельности прокуратуры было возвращение утраченного имущества в государственную собственность.

Так, Генеральный прокурор РФ Краснов И. В. в своей речи на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации отмечал: «На укрепление экономической основы государства также направлены усилия по возвращению утраченного имущества. В судебном порядке прокуроры добились восстановления контроля государства над десятками стратегических предприятий, продукция которых критически важна для укрепления обороноспособности и развития экономики страны» [1]. Кроме того, от Генерального прокурора последовали указания «Самым тщательным образом разбираться с незаконным отчуждением предприятий и недвижимости в целях вывода активов за рубеж, в том числе в ходе банкротства. Оспаривайте противоправные сделки, добивайтесь правовой оценки действий управленцев, учредителей и других выгодоприобретателей».

Подобные цели прокуратуры вполне рациональны и объясняются сложившейся экономической и политической обстановкой в стране, когда вопрос о принадлежности активов и предприятий, имеющих стратегическое значение (в первую очередь оборонно-промышленного комплекса) стоит особенно остро. Кроме того, оправданными данные меры можно назвать и потому, что большая часть истребуемого сейчас имущества, когда-то была приватизирована в обход или с нарушениями действующего на тот период законодательства.

На том же заседании коллегии Генеральной прокуратуры в конце марта 2024 года Президент РФ В. В. Путин, говоря о работе прокуратуры по возврату в государственную собственность ряда предприятий и имущественных комплексов, заявил: «Ни о какой деприватизации, огосударствлении экономики речь не идёт. Работа прокуроров оправдана в тех ситуациях, когда активы были приобретены в обход, с нарушением закона, и более того, используются во вред государству. При этом подчеркну: в каждом таком случае

действовать нужно строго по закону, в рамках чётких правовых процедур» [1].

Однако несмотря на то, что возвращение имущества в государственную собственность из незаконного владения выступает в качестве одной из возможностей обеспечения национальной безопасности и защиты интересов государства, особую роль в этом вопросе играет соблюдение законности и прозрачности производимых процедур, поскольку в данной категории дел затрагиваются частные интересы и права граждан, которые в Российской Федерации признаются высшей ценностью.

В этом смысле несомненный интерес и значимость приобретают примеры из правоприменительной практики, где позиция прокуратуры, основанная на нормах гражданского законодательства, вызывает ряд вопросов.

Так, решением Арбитражного суда Пермского края от 02.04.2024 удовлетворено исковое заявление прокурора Пермского края об истребовании из чужого незаконного владения, ввиду нарушений законодательства о приватизации, акций Соликамского магниевого завода, принадлежащих нескольким тысячам ответчиков [2].

Несмотря на полное удовлетворение заявленных требований, постановленное решение представляется неоднозначным по следующим основаниям. Во-первых, многие владельцы акций выступали в качестве добросовестных приобретателей, купив акции на биржевых торгах в соответствии с ч. 7.3 ст. 18 Федерального закона от 21.11.2011 № 325-ФЗ «Об организованных торгах», в связи с чем их имущество не может быть истребовано из владения. Во-вторых, в силу абз.2 ч.1 ст.149.3 ГК РФ бездокументарные ценные бумаги, удостоверяющие только денежное право требования, а также бездокументарные ценные бумаги, приобретенные на организованных торгах, независимо от вида удостоверяемого права не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя. В-третьих, независимо от обстоятельств выбытия данных акций из государственной собственности, лица, которые приобрели их на открытых торгах, являются добросовестными приобретателями в силу ч. 1 ст. 302 ГК РФ, с которых нельзя истребовать акции в силу вышеуказанных положений законодательства.

Определением Верховного Суда Российской Федерации по делу № 18-КГ24-51-К4 [3] отменено решение Центрального район-

ного суда г. Сочи от 30.04.2023, которым ранее удовлетворено заявление заместителя Генерального прокурора Российской Федерации о признании права отсутствующим, взыскании денежных средств и земельных участков в доход Российской Федерации.

При этом правовая позиция высшей судебной инстанции содержала следующую аргументацию:

– статья 169 ГК РФ не применима в делах о возвращении имущества в государственную собственность, при условии, что незаконные сделки, по которым такое имущество выбыло из собственности РФ, не совершались с целью заведомо противной основам правопорядка или нравственности, а нарушение стороной сделки закона или иного правового акта, само по себе не означает, что сделка совершена с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности;

– доводы прокуратуры о том, что в данном деле срок исковой давности не применяется, поскольку данный иск подан в защиту нематериального блага является несостоятельным, поскольку иск о признании сделки недействительной и возвращению в государственную собственность материальных активов – имущественный иск.

Таким образом, на современном этапе деятельность прокуратуры по защите имущественных интересов государства преимущественно осуществляется в формате обращения с исками в суды, в которых как правило, речь идет о возвращении в государственную собственность имущества, выбывшего из него в результате незаконной сделки.

Поскольку в настоящей момент правоприменительная практика в этой сфере находится в стадии формирования, деятельность прокуратуры не лишена определенных недостатков, зачастую обусловленных неправильным пониманием норм гражданского права, о чем, например, свидетельствует определение Второго Арбитражного Апелляционного суда, которым отменено решение Арбитражного суда Ивановской области об истребовании в пользу РФ акций Ивановского завода тяжелого станкостроения и отклонен соответствующий иск Генерального прокурора РФ [4].

Кроме того, говоря о рассматриваемой проблеме нельзя не упомянуть и о правовой позиции Конституционного Суда РФ, который в своем постановлении от 31.10.2024 № 49-П по делу о про-

верке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда [5], пришел к выводу о том, что к деприватизационным делам срок исковой давности не применяется, не приняв во внимание аргументы ведущих цивилистов России Р. С. Бевзенко, А. В. Егорова и Е. А. Суханова.

Список литературы

1. Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73735> (дата обращения: 11.09.2024).
2. Решение Арбитражного суда Пермского края по делу № А50-21394/2022. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/ebd14af9-107e-4ec6-b23b-6747e265eb6b> (дата обращения: 11.09.2024).
3. Определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 18-КГ24-51-К4. URL: https://www.vsrfr.ru/lk/practice/stor_pdf/2389132 (дата обращения: 12.09.2024).
4. Апелляционный суд впервые отказал Генпрокуратуре в деприватизации завода. URL: <https://www.rbc.ru/business/10/09/2024/66e039309a79472fdc3f1abe> (дата обращения: 12.09.2024).
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 49-П от 31.10.2024 по делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411010001> (дата обращения: 08.12.2024).

Информация об авторах

Денис Владимирович Акулов – доцент кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета, судья в почетной отставке.

den-akulov@yandex.ru

Валерия Вадимовна Пискунова – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.

kl13lk@yandex.ru

КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ: ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Денис Владимирович Акулов¹,
Анастасия Владимировна Шерстнева²*

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Рассматриваются вопросы применения геоинформационных систем и картографирования преступности как направлений криминологического мониторинга, используемого правоохранительными органами зарубежных стран. Во взаимосвязи с основными целями правозащитной деятельности обосновывается необходимость картографирования и географического анализа преступности с привлечением институтов гражданского общества в Российской Федерации.

Ключевые слова: правозащитная деятельность, контроль преступности, криминология, демография, геоинформационные системы, картографирование преступности

Правозащитная деятельность в широком понимании включает в себя комплекс различных мер, применяемых органами государственной власти, органами местного самоуправления, институтами гражданского общества, международными организациями, а также отдельными должностными и физическими лицами для защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, общества, государства.

Методы, применяемые субъектами правозащитной деятельности, различны и зависят от их правового статуса. Так, осуществление контроля за преступностью, как одно из направлений правозащитной деятельности в широком смысле, возможно только при условии обеспечения тесных контактов с населением, координации усилий силовых структур и общественных организаций, непрерывного и эффективного криминологического мониторинга.

Криминология и криминалистика, лежащие в основе любой теории по раскрытию преступления, тесно связаны не только с иными юридическими науками, но также с социальными и естественными.

Как следствие, большое значение в процессе раскрытия и предупреждения преступлений имеют социология, демография, гео-

экономика и география. Социальные и географические факторы необходимы для выявления определённых закономерностей совершения преступлений, их своевременного обнаружения, реализации таргетированных направлений деятельности правоохранительных органов. Такие показатели могут быть полезны для определения половозрастных, профессиональных, этнонациональных и иных групп населения, выявления категорий, наиболее уязвимых к виктимизации.

Применение геоинформационных систем (далее – ГИС) позволяет сопоставлять группы различных данных, в том числе данных переписи населения, расположения мест массового скопления людей. Такая информация помогает определить наиболее эффективные стратегии предупреждения преступлений, в том числе оптимизировать распределение полномочий между сотрудниками конкретного ведомства, их выезд на место происшествий, разрабатывать специфические программы по снижению уровня преступности.

В свою очередь картографирование преступности – это деятельность по отображению статистики совершения преступлений на карте с учётом как географических, так и социально-демографических факторов. Разработка таких карт, отражающих социальные процессы на соответствующей территории, необходима для криминологического мониторинга, выявления причинно-следственных связей и последующего прогнозирования распространения преступлений [1, с. 63].

Следует отметить, что отображение статистической информации на карте делает её более наглядной и легко воспринимаемой, что обеспечивает оперативность принятия обоснованных решений.

Картографирование преступности, или пространственный анализ преступности, включает в себя все исследования и анализ деятельности, которые имеют географические ссылки на места совершения преступлений и места жительства предполагаемых преступников и потерпевших, а также их основные данные [1, с. 64].

Картографирование преступности как направление деятельности правоохранительных органов широко распространено за рубежом, в особенности в США.

Среди порталов, предоставляющих подробную информацию о состоянии преступности, следует отметить интернет-ресурс crtimetmapping.com. Как отмечается на сайте, он был разработан

крупнейшим поставщиком программного обеспечения государственного сектора CentralSquare Technologies для «помощи правоохранительным органам и снижения уровня преступности по всей Северной Америке посредством предоставления населению информации о последних преступлениях в конкретном районе» [2].

Информация, предоставляемая на сайте – это обобщённые данные из систем учёта в каждом правоохранительном органе района посредством автоматизированного процесса импорта данных. Предоставление информации – это выбор каждого отдельного ведомства, однако граждане могут способствовать учёту информации из их конкретного района, обратившись к должностным лицам правоохранительного органа с предложением о включении их в систему федерального учёта. Такое взаимодействие населения и правоохранительных органов представляется перспективным направлением развития гражданского общества.

Данные, публикующиеся на сайте, всегда проходят тщательную проверку, при этом соблюдается полная конфиденциальность.

Особое внимание на портале уделяется преступлениям, связанным с сексуализированным насилием. Каждый пользователь может создать для себя специальное оповещение, которое придёт ему на указанную им почту, если на интересующей лицо территории было зафиксировано преступление против половой неприкосновенности. Полагаем, что такое внимание данному типу преступлений уделено из-за их повышенной общественной опасности и высокого уровня латентности.

Карта на указанном сайте предоставляет информацию о преступлениях, совершаемых во всей стране. Для выбора конкретного района необходимо ввести свой адрес, или же штат и конкретное подразделение органа внутренних дел исходя из территориальной подведомственности. Основываясь на указанной информации, отображается карта конкретного района, на которой различными пунсонами отмечены разные виды преступлений. Также, используя фильтры, можно проанализировать статистику по конкретным видам преступлений (поджоги, ограбления, вандализм, нарушения законодательства об оружии и т.д.) на конкретной территории (от 500 футов до двух миль) за конкретный период (прошедший день, неделю, месяц или же по указанию первой и последней интересующей даты). Также можно просмотреть сводную статистику о сообщениях о преступлениях в таблице.

Картографирование преступности как один из методов анализа и предупреждения преступности применяется и в России, однако в его практическом использовании существует ряд проблем, требующих дополнительного урегулирования.

Представляется, что в отечественных реалиях интерактивные карты с отображением уровня преступности, подобные зарубежным аналогам, доступны только для сотрудников органов внутренних дел, что по сути устраняет гражданское общество от влияния на профилактику преступности. Осведомлённость граждан об обстановке в районе, в котором они живут, способствует не только выбору наиболее благополучного места жительства, но в теории сможет снизить и уровень латентной преступности. Граждане, сообщая информацию в правоохранительные органы о совершившемся преступлении, смогут обезопасить как себя, так и своих соседей. И здесь, безусловно, встаёт вопрос об уровне правосознания населения и его доверии сотрудникам правоохранительных органов.

Как отмечается на портале онлайн-проекта Комитета гражданских инициатив «Открытая полиция», в настоящее время в России публикуется криминальная статистика с детализацией только до уровня отдельных регионов [3], что представляется малоинформативным показателем как для граждан, так и для сотрудников органов внутренних дел. «Большую часть жителей нашей страны волнуют вопросы, сколько и каких преступлений зарегистрировано именно в их районе, на их улице, в какое время и в какие дни наблюдается рост количества преступлений, задержан ли преступник в каждом отдельном инциденте». В Российской Федерации не существует единого интернет-сайта, где была бы собрана одновременно абсолютно вся статистическая информация от правоохранительных органов, а информация, представленная на различных сайтах правоохранительных органов, зачастую дублирует друг друга [4].

В данный момент, Россия заметно отстает по точности открытых данных связанных с качеством жизни населения (данные о криминологии, образовании, здравоохранении) [5].

В связи с доработкой функциональности размещение статистических данных на портале правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ CrimeStat с 01.01.2023 приостановлено. Портал работает в режиме опытной эксплуатации, последние данные, представленные на интерактивной карте, датированы январём-декабрём 2022 года. Данная карта отображает статистику вплоть до

региона, что представляется недостаточным [6]. Таким образом, очевидным упущением системы учёта статистики преступности является незначительный уровень её территориальной и временной детализации.

В практике российских правоохранительных органов имеются и примеры успешного применения картографирования преступности. Так, «криминогенные карты» стали использоваться в деятельности правоохранительных органов Москвы с 2014 года, и с их помощью удалось существенно уменьшить число совершенных преступлений в нескольких городских районах. «Существенное снижение числа преступлений отмечается в районах Таганский – на 16 %, Сокол – почти 16 %, Северный – около 13 %, Гольяново – 9,2 %. Здесь отмечается тенденция к снижению особо тяжких преступлений» – отметил глава столичного департамента региональной безопасности и противодействия коррупции Алексей Майоров. В 2014 году посредством криминогенных карт в Москве было выявлено и ликвидировано 42 наркопритона, из 24 отселенных домов выдворены посторонние лица, дополнительное наружное освещение было оборудовано по 48 адресам [7].

Ещё одним примером развития подобного направления деятельности может послужить идея уполномоченного по правам человека в Хабаровском крае Виктории Трегубенко о создания интерактивных карт опасных мест для детей, предложенная на всероссийском совещании детских омбудсменов в Ярославле в 2019 году [8]. Маркировка потенциально-опасных объектов (заброшенные здания, гаражные комплексы, пустыри, лесопарковые зоны), а также мест скопления людей (образовательные учреждения, торгово-развлекательные центры и пр.) позволит выявить возможные локации преступлений [9]. Однако данная идея на федеральном уровне до сих пор не реализована, и существует только в отдельных регионах (например, в Иркутской области).

Картографирование преступности имеет широкое применение.

Во-первых, нанесение статистических данных на карту района, города, региона позволяет определить тенденции совершения тех или иных преступлений на указанной территории, что может помочь правоохранительным органам выстроить наиболее эффективную работу по пресечению и раскрытию правонарушений.

Во-вторых, картографирование преступности может иметь значение и для различных секторов экономики, а также повлиять

на качество жизни. Так, например, перед покупкой недвижимости лицо может обратиться к наглядно представленной статистике и проанализировать, какой район для проживания является наиболее благоприятным. Данные факторы также влияют на выбор места работы или образовательной организации.

В-третьих, результаты статистики, анализ преступности с точки зрения географического расположения может быть положен в основу обучения нейросетей и использоваться прогнозирования совершения тех или иных преступлений. Для построения таких карт также необходим учёт даты и времени совершения преступлений и их тип. По такому принципу работает система PredPol (Predictive Policing) в США. Безусловно, такая система имеет свои недостатки, так как существует латентная преступность и не все правонарушения могут быть зафиксированы в правоохранительных органах. Однако подобные алгоритмы могут быть использованы как вспомогательные, способствующие предупреждению преступлений [10].

Следовательно, представляется необходимым развитие системы сбора и учёта статистики по преступности, а также развития такого направления деятельности правоохранительных органов, как географический анализ преступности. Создание интерактивных географических информационных систем и изучение тенденций преступности на национальном, региональном и локальном уровнях, предположительно, окажет положительное влияние на уровень раскрытия преступлений, оптимизирует их профилактику, а, следовательно, обеспечит повышение качества жизни населения.

Список литературы

1. Сикач К. Ю. Картографирование преступности как один из инструментов борьбы с ней: мировой и российский опыт // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2016. № 2. С. 63–72.
2. Crime Mapping. URL: <https://www.crimemapping.com> (дата обращения: 03.10.2024).
3. Карты преступности (crime mapping). URL: <https://www.openpolice.ru/pages/kriminalnaya-statistika/karty-prestupnosti-crime-mapping/> (дата обращения: 03.10.2024).
4. Официальные источники полицейской статистики в России. URL: <https://www.openpolice.ru/statistics/sources-rus/> (дата обращения: 03.10.2024).

5. Карта преступлений Петербурга. URL: <https://spbkriminal.tilda.ws> (дата обращения: 03.10.2024).

6. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 03.10.2024).

7. Власти Москвы: карта криминогенных районов города помогла снизить уровень преступности. URL: <https://tass.ru/moskva/1850479> (дата обращения: 03.10.2024).

8. В России появится интерактивная карта опасных мест для детей. URL: <https://rg.ru/2019/07/11/reg-cfo/v-rossii-poiavitsia-interaktivnaia-karta-opasnyh-mest-dlia-detej.html> (дата обращения: 03.10.2024).

9. Как сделать город безопасным: Big Data и Machine Learning против преступности. URL: <https://bigdataschool.ru/blog/crime-mapping.html> (дата обращения: 03.10.2024).

10. Особое мнение нейросетей. Как с криминалом борются алгоритмами к ужасу правозащитников. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5941548> (дата обращения: 03.10.2024).

Информация об авторах

Денис Владимирович Акулов – доцент кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета, судья в почетной отставке.

den-akulov@yandex.ru

Анастасия Владимировна Шерстнева – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.

cinnamonrollandtea@gmail.com

УДК 342.5

ПРАВООЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРОРА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

***Наталья Ивановна Баринова¹,
Карина Николаевна Крюкова²***

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Рассматривается деятельность прокуратуры Российской Федерации по реализации правозащитной функции в отношении несовершеннолет-

них. Анализируются полномочия прокуроров по защите прав несовершеннолетних в судебном порядке

Ключевые слова: правозащитная деятельность, прокурор, гражданский иск, несовершеннолетние, ребенок, права детей, защита прав, правоприменение

Одним из важнейших направлений прокурорской деятельности выступает организация надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, которые в силу возраста, отсутствия надлежащего жизненного опыта и социальной незрелости не способны в полной защите свои права и свободы.

Безопасность и благополучие несовершеннолетних во многом зависит от уровня правового регулирования в указанной сфере. Права несовершеннолетних и гарантии их реализации в настоящее время затрагивают множество нормативно-правовых актов таких как Конституция Российской Федерации, Гражданский и Семейный кодексы Российской Федерации, федеральные законы «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», иные федеральные законы и подзаконные правовые акты.

Действующее законодательство содержит в качестве понятийного аппарата такие категории как несовершеннолетний или ребенок (являющимися по сути синонимичными), относя к ним в содержательном смысле лиц, не достигших возраста восемнадцати лет (совершеннолетия).

В соответствии с ч. 1 ст. 56 Семейного Кодекса РФ ребенок имеет право на защиту своих прав и законных интересов, которая осуществляется родителями (лицами, их заменяющими), а в случаях, предусмотренных законом, органом опеки и попечительства, прокурором и судом [1].

Применительно к органам прокуратуры надзор за исполнением законодательства о несовершеннолетних, включающий в себя и правозащитную функцию, реализуется по таким основным направлениям как социальная защита, в том числе, своевременное оказание помощи детям, находящимся в опасном положении либо являющихся членами малообеспеченных или многодетных семей; пресечение фактов жестокого обращения с детьми; обеспечение жилищных, имущественных и трудовых прав несовершеннолетних; охрана жизни и здоровья несовершеннолетних, включая право на

бесплатное и качественное оказание медицинской помощи; исполнение органами и учреждениями системы профилактики требований закона о выявлении беспризорных и безнадзорных детей, семей, находящихся в социально опасном положении; исполнение органами опеки и попечительства требований законодательства о своевременном выявлении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и их устройстве и ряду других.

Решение стоящих перед органами прокуратуры задач по защите прав и интересов несовершеннолетних достигается путем использования различных правовых инструментов, включающих в себя меры прокурорского реагирования, среди которых сложно переоценить обращение в суды общей юрисдикции с исковыми заявлениями.

Действующее гражданское-процессуальное законодательство предполагает две формы участия прокурора в рассмотрении гражданских дел судами первой инстанции: это так называемые «дела обязательной категории», по которым прокурор в силу закона должен вступить в процесс для дачи заключения, либо обращение в суд с исками (заявлениями) в защиту нарушенных прав и интересов, что также предполагает последующее участие прокурора в рассмотрении гражданского дела.

Применительно к несовершеннолетним перечень дел обязательной категории содержат как нормы материального, так и процессуального права. Это дела о лишении родительских прав, о восстановлении в родительских правах, об ограничении родительских прав (ст. 70, 72, 73 Семейного кодекса РФ); об усыновлении и отмене усыновления (ст. 125, 140 Семейного кодекса РФ, ст. 273 ГПК РФ); об ограничении или о лишении несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет права самостоятельно распоряжаться своими доходами (ст. 284 ГПК РФ); об объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным (ст. 288 ГПК РФ) и ряд других.

Однако данный перечень не носит исчерпывающего характера, поскольку ни один закон не может предусмотреть все разнообразие возникающих в реальной жизни правовых ситуаций.

Касаемо исковой работы, казалось бы, несомненным является тот факт, что прокурор в любом случае может подать иск, если того требуют интересы несовершеннолетнего либо необходимость защиты его прав.

Тем не менее, на практике возникает вопрос, когда прокурор может подать иск и по каким причинам ему могут отказать в его принятии?

Во-первых, когда права ребенка нарушают его родители или законные представители, которые в данном случае являются правонарушителями, а единственный кто может защитить ребенка – прокурор. Во-вторых, родители самостоятельно обращаются за защитой прав своих детей в прокуратуру.

И, наконец, третий вариант, заключающийся в бездействии родителей при том, что они знают о нарушении прав ребенка и могут защитить их, а правонарушителями выступают третьи лица. Для прокурора не является препятствием то, что родители бездействуют в отношении своих детей, поэтому он направляет иск в суд для защиты прав и интересов несовершеннолетних.

Однако, стоит отметить, что в последнем случае в принятии такого иска суд может и отказать, полагая, что прокурор, реализуя меры по защите прав и законных интересов ребенка подменяет собой законных представителей. Получается, что происходит своего рода противопоставление интересов несовершеннолетнего и его родителей, поскольку самостоятельно законные представители за защитой нарушенных прав детей не обращаются, а прокурор не может их в полной мере отстоять путем обращения в суд.

Для того чтобы предъявить исковое заявление, прокурору необходимо, установить наличие одного или нескольких оснований, прямо предусмотренных законом. В первую очередь, следует выяснить, относятся ли нарушенные права к ключевым сферам правоотношений, перечень которых указан в ч. 1 ст. 45 ГПК РФ. В случае если данное право относится к указанной сфере – то у прокурора есть основание для предъявления иска.

При этом следует учитывать устоявшуюся судебную практику, исходя из которой отказ в предоставлении каких-либо социальных гарантий не может быть отнесён к такому основанию для предъявления иска как нарушение в социальной сфере или праве на жилище в государственном и муниципальном жилищном фонде [2].

Вышеизложенное указывает на неоднозначную судебную практику и усложнённую процедуру предъявления иска прокурором.

Также следует отметить, что для обращения прокурора с иском в защиту гражданина, при условии, что оспариваемое право не относится к значимым сферам правоотношений, прокурор обязан

доказать, что законный представитель несовершеннолетнего не в состоянии сам обратиться в суд. Если же такие доказательства отсутствуют, иск не подлежит принятию судом к производству.

В связи с этим можно говорить о том, что, при обращении в органы прокуратуры родителей ребёнка, с просьбой о защите его прав и законных интересов в судебном порядке, интересы несовершеннолетнего подменяются интересами его законных представителей. Отсюда следует, что права последних защищаются только в том случае, если нарушение имеет место в приоритетных сферах правоотношений или если законный представитель не может самостоятельно защищать свои права в суде [3].

Подобный подход в конечном итоге лишает несовершеннолетних возможности на защиту их прав, уравнивая возможность ее осуществления с совершеннолетними гражданами, что, по мнению многих авторов, недопустимо. Государство же, в свою очередь, гарантирует в лице прокурора защиту прав и законных интересов несовершеннолетних. Как следствие, возникает спорная ситуация, когда одно и то же нарушение прав и ребёнка будет по-разному оценено прокурором и судом при рассмотрении иска прокурора, поданного в защиту интересов несовершеннолетнего [4].

Например, в случае обращения в прокуратуру лица из числа родственников несовершеннолетнего с просьбой защиты его прав, которые в силу бездействия не защищает законный представитель, то есть родитель ребёнка, прокурор имеет право на обращение с иском (к примеру, иск о компенсации морального вреда).

Если же сам родитель обратился с подобной просьбой, то прокурор обладает возможностью подать иск только при вышеперечисленных условиях. В практике сложилось мнение, что такая ситуация неприемлема, и в конечном итоге нарушает права несовершеннолетних.

Большинство юристов, склоняется к точке зрения расширения полномочий прокурора, когда он будет иметь возможность на обращение в суд иском во всех случаях, требующих защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, вне зависимости от возможности предъявления иска самим несовершеннолетним или его законными представителями [5, с. 231].

Обращение в прокуратуру законных представителей несовершеннолетних не должно являться препятствием для защиты прокурором прав и законных интересов несовершеннолетних.

В качестве вывода, хотелось бы отметить что расширение круга оснований для защиты прокурором прав несовершеннолетних граждан, откроет возможность для обращения прокурора с исками о взыскании детских пособий, компенсаций и иных выплат, поможет в вопросе постановки на учёт несовершеннолетних и их семей в качестве нуждающихся, окажет положительное влияние на иные ситуации, связанные с необходимостью социального обеспечения несовершеннолетних.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации № 223-ФЗ от 29.12.1995 : в ред. от 31.07.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ от 14.11.2002 : в ред. от 08.08.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

3. О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон № 2202-1 от 17.01.1992 : в ред. от 29.05.2024 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

4. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов : приказ Генпрокуратуры России № 744 от 13.12.2021. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403147264/> (дата обращения: 15.05.2025).

5. Гадиятова М. В. Проблемы участия прокурора в защиту прав и законных интересов несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 4. С. 228–235.

Информация об авторах

Наталья Ивановна Барина – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.

natashabarinova1975@gmail.com

Карина Николаевна Крюкова – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.

ka290320031@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ

*Вадим Борисович Вершинин¹,
Алина Александровна Евсеева²*

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Рассматривается применение процедуры медиации для разрешения гражданских споров. Проанализированы нормативные правовые акты, регулирующие институт медиации в России. Выделены особенности использования данной процедуры в рамках гражданского процесса через взаимосвязь с ее основополагающими принципами.

Ключевые слова: медиация, примирительные процедуры, гражданский процесс, разрешение спора

Развитие общества, неразрывно связанное с научно-техническим прогрессом, увеличением производства товаров, расширением каталогов услуг, влечет рост количества гражданских правоотношений между гражданами по поводу данных объектов. Как показывает практика, значительная часть возникающих между субъектами правоотношений, порождает нарушение их гражданских прав, в результате чего требуется обращение в суд для урегулирования гражданско-правовых споров.

Ввиду стремительного ритма жизни возрастает ценность такого ресурса, как время, люди стараются находить пути решения конфликтов с минимальными потерями: находя баланс между наиболее выгодными для себя условиями, минимизируя формальные процедуры, а значит, снижая количество затраченного времени. Исходя из этого следует, что целью сторон в спорах, в большинстве случаев, является достижение взаимовыгодного соглашения. Учитывая данное обстоятельство, можно говорить о том, что совершенствование примирительных процедур является одним из приоритетных направлений модернизации существующих в Российской Федерации механизмов разрешения споров и защиты нарушенных субъективных прав.

В данном контексте является разумным рассмотреть вопрос применения процедуры медиации как альтернативного способа разрешения конфликтов.

Для того, чтобы рассмотреть вопросы разумности применения данной процедуры, обратимся к терминологии, чтобы определить сущность данного правового явления.

Понятие «медиация» берёт начало от латинского «mediare» – «посредничать». Медиация – это переговоры с участием третьей, нейтральной стороны, которая является заинтересованной только лишь в том, чтобы стороны разрешили свой спор (конфликт) максимально выгодно для конфликтующих сторон [1, с. 148].

Кроме того, важно рассмотреть процесс становления в российском законодательстве медиации как правового института.

Впервые на законодательном уровне процедура медиации была зафиксирована в Федеральном законе от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [2], в результате чего с 1 января 2011 года, когда упомянутый выше Федеральный закон вступил в силу, стало возможным применение данной процедуры при разрешении гражданско-правовых споров.

Введение данного правового института повлекло за собой внесение изменений в другие законодательные акты. Положения о медиации нашли отражение в Гражданском процессуальном кодексе РФ, Гражданском кодексе РФ, Арбитражном процессуальном кодексе РФ. Кроме того, важно отметить, что данная процедура повлекла за собой внесение изменений не только в законодательство, непосредственно касающееся урегулирования гражданских правоотношений, но, нашла отражения и в других нормативных документах, так, например, Федеральный закон «О рекламе» в 2010 году был дополнен статьей, направленной на регламентацию деятельности медиаторов, которая устанавливает, в том числе, обязанность указывать в рекламе сведения о документах, подтверждающих прохождения медиатором соответствующего обучения, и запрещает включать в рекламу утверждение о том, что применение процедуры медиации как способа урегулирования спора имеет преимущества перед разрешением спора в суде, арбитражном суде или третейском суде [3].

Опыт подтверждает, использование процедуры медиации для урегулирования гражданских споров не пользуется популярностью среди участников гражданского процесса, несмотря на то, что данное явление нельзя назвать новым в правовой действительности [4, с. 178–179]. В большинстве случаев, граждане прибегают к тра-

диционному решению гражданских дел в судебном порядке. Прослеживается отсутствие роста в количестве случаев использования рассматриваемой процедуры как способа урегулирования гражданско-правового конфликта, так, по данным с 2013 по 2018 год процент количества заключенных медиативных соглашений, утвержденных судом в результате процедуры медиации от общего количества окончанных дел искового производства, изменяется от 0,006 до 0,009 %, а рассматривая период 2019–2021 годов, мы видим результат, который варьируется в пределах 0,003–0,005 % [5, с. 359–360]. Анализируя статистику заключения медиативных соглашений за 2022–2023 годы, мы наблюдаем аналогичную ситуацию. Так, в 2022 году в судах общей юрисдикции суммарное количество дел составило 35 млн, из которых медиативным соглашением завершились всего 897, что составляет 0,003 %, в 2023 году на общее количество 30 млн дел, путем применения процедуры медиации были разрешены 996 (0,003 %) [6]. В масштабах нашей страны, где количество разрешаемых гражданских дел исчисляется миллионами, представленные выше показатели являются крайне низкими. Однако в действительности, количество дел, закончившихся подписанием медиативного соглашения больше. Данное явление связано с тем, что Судебный департамент при Верховном суде ведет отдельную статистику дел, завершившихся из-за отказа от иска, таким образом, эти дела не учитываются в общей статистике, что порождает низкие показатели использования процедуры медиации в нашей стране.

По моему мнению, данные показатели можно объяснить сравнительно низким уровнем правовой грамотности населения, вследствие чего, возникают такие проблемы, как неосведомленность о существовании процедуры медиации как альтернативного способа разрешения споров, а также следование традиционному устоявшемуся многими десятилетиями классическому способу урегулирования конфликтов в судебном порядке. Следствием указанных причин является недоверие сторон к независимому лицу – медиатору.

В данном контексте, является разумным рассмотреть особенности применения данной процедуры в рамках процессуальной деятельности во взаимосвязи с основными принципами проведения процедуры медиации, нашедшими легальное закрепление в ст. 3

Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [2].

Следует выделить, что принципы медиации, к которым законодательство относит добровольность, конфиденциальность, сотрудничество и равноправие сторон, беспристрастность и независимость медиатора, пересекаются с основополагающими принципами гражданского права и процесса, а также направлены на согласованность действий сторон, действуя без непосредственного использования механизма государственного принуждения, что, в свою очередь, зачастую ведет к «мирному» разрешению споров и является проявлением основ демократического государства.

Следует отметить, что главной целью рассматриваемой процедуры, является как раз разрешение спора, а не установление виновных. В рамках этого, уместно подчеркнуть о достоинстве процедуры медиации в сравнении с разрешением спора в судебном порядке, так, использование примирительной процедуры порождает возможность сохранения хороших личных отношений между участниками, не превращая их во «врагов», так как каждая из сторон приходит к взаимовыгодным условиям разрешения конфликта [7, с. 195].

Таким образом, процедура медиации наиболее уместна, когда на спор оказывают влияние личные и родственные, соседские или партнерские отношения, и для каждой из сторон важно их сохранение.

Следует отметить, что применение процедуры медиации возможно на любом этапе спора, как до обращения в суд, так и на любой стадии судебного разбирательства. Достигнутое сторонами медиативное соглашение может быть утверждено судом как мировое соглашение [8]. Данные действия помогают значительно экономить как временные, так и материальные ресурсы сторон, а также влияют на снижение загруженности судей. Данное обстоятельство позволяет сконцентрировать внимание суда на разрешении других конфликтов.

Однако, характеризуя особенности использования процедуры медиации в урегулировании гражданско-правовых споров, важно отметить, что законодательство закрепляет ограничения, то есть выделяет ряд гражданских правоотношений, применение медиации к которым невозможно. Так, зафиксировано, что, применение процедуры медиации невозможно в процессе разрешения коллектив-

ных трудовых споров, а также споров, возникающих из гражданских, трудовых, семейных правоотношений, если они затрагивают или могут затронуть права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации, или публичные интересы [2]. Данные положения обусловлены спецификой рассматриваемой процедуры. Рассмотрим данный вопрос подробнее на примере ограничения применения медиации к спорам, вытекающим из коллективных трудовых правоотношений.

Во-первых, на наш взгляд, данные ограничения вызваны тем, что данные споры затрагивают интересы больших групп людей, в связи с чем, могут возникнуть трудности и угрозы несоблюдения такого фундаментального принципа как конфиденциальность, ввиду участия большого количества участников конфликта.

Во-вторых, споры такого рода могут быть связаны с решением вопросов, касающихся условий труда, его оплаты, социальных гарантий, данные вопросы требуют детального рассмотрения, а также предусматривают четко сформулированные процедуры их разрешения, в рамках чего применение процедуры медиации утрачивает свою эффективность, а порой, становится и вовсе невозможным.

В-третьих, как уже было отмечено, примирительная процедура предусматривает готовность сторон к диалогу, в процессе которого они должны выработать взаимовыгодное решение. В связи с тем, что коллективные трудовые споры затрагивают интересы большого количества лиц, применение процедуры медиации провоцирует ряд проблем и не достигнет результата.

Подводя итог, важно отметить, что в настоящее время мы наблюдаем стабильную тенденцию по увеличению нагрузки на мировых и федеральных судей, что, несомненно, влечёт за собой череду отрицательных последствий. Для решения этой ситуации в нашей стране был учреждён институт медиации, который применяется при рассмотрении ряда категорий дел. Однако, как показывает практика, институт медиации не справился с поставленной перед ним задачей по снижению нагрузки на судей. Медиация, имея достаточную правовую базу на сегодняшний день, не получила широкого распространения в правоприменительной практике гражданского судопроизводства. Российское законодательство не содержит значительного перечня случаев, запрещающих использо-

вание медиации, что говорит о наличии больших возможностей применения данной процедуры в гражданских правоотношениях.

Существует точка зрения, согласно которой, востребованность медиации в будущем будет расти, так, например, юрист Валерий Еременко считает, что тенденция по увеличению госпошлин, а также увеличение затрат на судебный процесс в целом, повлечет увеличение популярности процедуры медиации как способа урегулирования гражданско-правовых споров. Деньги играют ключевую роль в жизни людей, таким образом, желание сэкономить станет толчком к популяризации примирительной процедуры.

Противоположной выступает другая точка зрения ряда юристов, которые утверждают, что судебный процесс в России в сравнении со странами Запада остается доступным, на фоне этого, госпошлины относительно цены споров остаются незначительными, что не приведет к широкому применению процедуры медиации.

Безусловно, институт медиации в гражданском процессе имеет значительный потенциал и достоинства. Во многом это связано с базовыми принципами, лежащими в основе данной процедуры. К преимуществам можно отнести право выбора медиатора, определение процесса ведения переговоров с учетом общих интересов, оперативное и результативное урегулирование спора путем диалога, посредством которого становится возможным достижение обоюдного соглашения.

Список литературы

1. Толомушов Н. Понятие и значение медиации в юридической науке // Международный журнал естественных и гуманитарных наук. 2021. № 4 (55). С. 148–151.

2. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федер. закон № 193-ФЗ от 27.07.2010 : в ред. от 26.07.2019 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 3. Ст. 4162.

3. О рекламе : федер. закон № 38-ФЗ от 13.03.2006 : в ред. от 26.12.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2025 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

4. Миняйленко Н. Н. Медиация как способ урегулирования гражданско-правовых споров: проблемы и перспективы // Юридическая наука. 2023. № 7. С. 177–180.

5. Кудрина А. А. Применение процедуры медиации в РФ // Молодой ученый. 2023. № 19 (466). С. 359–361. URL: <https://moluch.ru/archive/466/102595/> (дата обращения: 22.09.2024).

6. Каменская Р. Мирись, мирись, мирись и больше не судись: как устроена медиация в России. URL: https://pravo.ru/story/254162/?utm_source=telegram&utm_medium=smm&utm_campaign=tg_channel (дата обращения: 30.09.2024).

7. Дюжиков С. А. Медиация: тенденции развития // Гуманитарий Юга. 2024. № 4 (68). С. 192–200.

8. Двенадцатый арбитражный апелляционный суд. Медиация. Медиация и третейское разбирательство. URL: <https://12aas.arbitr.ru/material/59732> (дата обращения: 22.09.2024).

Информация об авторах

Вадим Борисович Вершинин – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета.

vad1204@yandex.ru

Алина Александровна Евсеева – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.

euseeva.alina2018@yandex.ru

УДК 347.9

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ОТПРАВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ

***Вадим Борисович Вершинин¹,
Даниил Владиславович Лапенков²,
Лидия Александровна Бахтурова³***

^{1,2,3}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Рассматривается влияние информационных технологий на отправление правосудия. Раскрываются позитивные тенденции применения данных технологий, среди которых можно выделить повышение доступности и прозрачности судебных процессов. Также анализируются и негативные стороны, включая проблемы конфиденциальности, кибербезопасности и цифрового неравенства. Особое внимание уделяется возможности применения искусственного интеллекта в гражданском процессе, рассматриваются его

перспективы и риски. В заключение делается вывод о перспективах интеграции в систему гражданского процесса информационных технологий.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровизация, информатизация, искусственный интеллект, электронное правосудие

В современную эпоху, когда информационные технологии произвели революцию в различных секторах, и отправлении правосудия не является исключением. Интеграция информационных технологий в судебные процессы изменила принципы функционирования правовых систем, повысив эффективность, доступность и прозрачность. От электронных систем подачи документов и управления цифровыми доказательствами до онлайн-отслеживания дел и виртуальных залов судебных заседаний – технологии упростили работу и улучшили взаимодействие между заинтересованными сторонами, включая правоохранительные органы, юристов и общественность. Более того, это упростило сбор и анализ огромных объемов данных, что позволяет принимать более обоснованные решения. Однако этот технологический прогресс также поднимает важные вопросы о конфиденциальности, безопасности и потенциальной предвзятости в автоматизированных системах. В процессе исследования многогранного воздействия информационных технологий на отправление правосудия, становится ясно, что, хотя выгоды от них существенны, необходимо решать проблемы, чтобы обеспечить справедливую правовую систему для всех.

Введение электронного правосудия относится к числу мер по интеграции информационно-коммуникационных технологий в судебную систему для повышения эффективности, доступности и прозрачности юридических процессов. Как выделяет А. В. Дарда: «Оно включает в себя целый ряд систем, обеспечивающих доступ к информации о деятельности судов и систем автоматизации судопроизводства» [1, с. 60]. Другими словами, основная цель электронного правосудия – модернизировать судебную деятельность, тем самым сокращая процессуальные задержки и повышая доступность и эффективность правосудия.

Можно отметить, что применение электронного правосудия необходимо в нескольких ключевых областях. Системы управления судопроизводством облегчают составление графиков рассмот-

рения дел, документации и коммуникации между заинтересованными сторонами в рамках судебной системы, в частности, ярким примером можно выделить систему «Правосудие». Среди её функционала Потаповы выделяют следующие возможности: «определить истцу суд для дальнейшей подачи искового заявления; при помощи интерактивного помощника составить требование по иску; рассчитать и оплатить государственную пошлину» [2, с. 9]. Таким образом, данная система крайне упрощает жизнь как рядовых граждан, так и профессиональных юристов и адвокатов в процессе осуществления своей деятельности.

Помимо этого, можно выделить, что электронная подача документов позволяет сторонам в судебном процессе заявлять юридические документы в электронном виде, сводя к минимуму необходимость в бумажной волоките и личном общении. А виртуальные слушания позволяют проводить судебные разбирательства в режиме видеоконференцсвязи и веб-конференции, что повышает доступность для участников, которые, возможно, не смогут присутствовать лично. Среди положительных факторов такого рода заседаний отмечают, что: «видеоконференция в онлайн-режиме на судебном процессе – это большой шаг в обеспечении доступности правосудия для участников процесса, путь к сокращению расходов на их проведение, надежный инструмент в обеспечении полноты и ускорения сроков разбирательств» [3, с. 18]. Кроме того, онлайн-платформы обеспечивают публичный доступ к правовым ресурсам, включая судебные протоколы и постановления судов, способствуя прозрачности. Системы управления цифровыми доказательствами используются для эффективного хранения, анализа и представления электронных доказательств в ходе судебных разбирательств. Наконец, инструменты анализа данных используются для выявления тенденций в области судебной практики и поддержки принятия обоснованных решений в системе правосудия. Другими словами, можно с уверенностью сказать, что модель правового сравнения и анализа достаточно перспективная и позволит, не только более точно опираться на существующую практику в судопроизводстве, но и грамотнее подходить к разрешению дел, тем самым вынося более основательные, аргументированные и объективные решения. Таким образом, с помощью этих разнообразных приложений электронное правосудие стремится создать более эффективную, справедливую и гибкую правовую среду.

С другой стороны, необходимо заметить и тот факт, что информационные технологии также имеют ряд негативных аспектов, которые заслуживают критического рассмотрения. Во-первых, проблемы конфиденциальности возникают из-за увеличения объема сбора и хранения конфиденциальной личной информации в цифровых системах. Как указывает К. В. Малыгин, одной из проблем информационных технологий в отправлении правосудия является невозможность: «обеспечивать безопасность и конфиденциальность материалов, в том числе в процессе их перемещения, защиту информации от уничтожения, изменения, повреждения, удаления и неправомерного доступа» [4, с. 511]. Эта уязвимость может привести к несанкционированному доступу и потенциальным утечкам данных. Во-вторых, электронное правосудие подвержено киберугрозам, которые могут скомпрометировать конфиденциальные данные и нарушить работу суда, что приведет к потере важных доказательств или информации по делу.

Более того, цифровой разрыв представляет собой серьезную проблему, поскольку не все люди имеют равный доступ к технологиям. Это неравенство может помешать рядовым гражданам, не имеющим необходимого доступа к сети «Интернет» эффективно взаимодействовать с системой правосудия.

Чрезмерная зависимость от технологий также может ослабить критическое мышление и навыки юристов, в то время как технические проблемы, такие как системные сбои и проблемы с подключением, могут нарушить судебное разбирательство и задержать отправку правосудия. Ярким примером может стать интеграция и применение в правосудии искусственного интеллекта (ИИ). С одной стороны, «ИИ, лишенный внутренних предрассудков, беспристрастен и способен принимать объективные решения» [5, с. 474], однако также можно отметить и тот факт, что на сегодняшний день информационная база ИИ достаточно мала для того, чтобы выносить какие-либо решения. И этот аспект является преобладающим над объективностью и беспристрастием. Нейросеть просто не в состоянии полностью обработать материалы дела, с опорой на действующее и постоянно изменяющееся законодательство Российской Федерации, вследствие чего её решения не могут иметь достаточную юридическую силу. Так, наиболее популярным примером может стать ИИ на основе Chat GPT-4 от Open AI. На сегодняшний день это одна из наиболее развитых и «ум-

ных» нейросетей на просторах Интернета. Однако, как выделяет доктор юридических наук В.А. Лаптев: «недостатками модели будет отсутствие ясности и прозрачности источников и принципов подборки фондов вычислительных ресурсов (информации), на базе которых искусственный интеллект будет принимать соответствующие решения» [6]. То есть, даже если внедрить и подключить данную нейросеть к Российским источникам и законодательству, результаты её работы могут быть крайне неудовлетворительны. Следовательно, необходимо либо работать над уже существующей нейросетью в индивидуальном порядке, совершенствуя её нормативно-правовую базу, либо разработать и применить на практике собственный ИИ, главная направленность которого станет непосредственно разрешение судебных споров и дел на основе действующего Российского законодательства.

Также необходимо заметить, что определённые проблемы могут возникнуть и на этапе вынесения решения ИИ. Так, судья может, описав все обстоятельства дела, получить ответ от нейросети. Однако, важно не исключать возможный шанс ошибки данной системы. Опять же, ввиду не идеальности ИИ, он может разрешить дело неправильно, или даже против закона. В случае, если судьи будут злоупотреблять такой функцией, возможный факт ошибки нейросети будет банально не замечен, вследствие чего могут пострадать совершенно невинные люди. Следовательно, крайне важно не предоставлять обширный функционал и полномочия для нейросети. Хотя ИИ и является наиболее объективным и непредвзятым, как судья, его «умственные» способности, а также несовершенство системы, в настоящее время, может негативно сказаться на всей судебной системе в принципе.

И, наконец, быстрое и непрерывное развитие информационных технологий создает серьезные проблемы для отправления правосудия, которое не сможет также быстро адаптироваться. Так, А. К. Ерёменко указывает, что: «Информационные технологии постоянно развиваются, порождая совершенно иные формы общественных отношений. Нормы права не поспевают за современными реалиями, вследствие чего быстро теряют свою актуальность» [7, с. 80]. Это отставание может привести к несогласованности в отправлении правосудия, поскольку в правовых системах могут отсутствовать необходимые нормативные акты и руководящие

принципы для устранения сложностей, возникающих в связи с появлением новых технологий. Вследствие чего чрезмерная интеграция информационных технологий в систему правосудия может негативно сказаться на его отправлении.

Как итог можно сказать, что внедрение информационных технологий в систему отправления правосудия открывает как значительные возможности, так и серьезные проблемы. Как справедливо утверждает С. А. Курочкин «современные информационные технологии, несомненно, являются перспективным средством обеспечения результативности правосудия» [8, с. 159]. Отсюда следует, что такие достижения, как электронная подача документов, виртуальные слушания и управление цифровыми доказательствами, повышают эффективность, прозрачность и доступность, при этом, они одновременно создают проблемы, связанные с конфиденциальностью, кибербезопасностью и потенциальными искажениями в автоматизированных системах. Неравенство в цифровой среде еще больше усугубляет доступ к правосудию, в то время как стремительное развитие технологий часто опережает развитие правовой базы, что также приводит к возникновению пробелов, которые могут подорвать целостность судебных процессов. Поскольку правовая система сталкивается с определёнными сложностями в данной сфере, крайне важно применять сбалансированный подход, который позволит использовать преимущества технологических инноваций при одновременном устранении связанных с ними рисков. Из этого следует, что обеспечение справедливого отправления правосудия в эпоху цифровых технологий потребует постоянной адаптации, всеобъемлющих мер регулирования и приверженности к защите прав всех лиц в рамках правовой системы.

Список литературы

1. Дарда А. В. Влияние современных информационных технологий на осуществление правосудия // Юридическая наука. 2020. № 10. С. 60–64.
2. Потапов Д. В., Потапова Л. В. Внедрение информационных технологий в современное судопроизводство // The Scientific Heritage. 2021. № 64-4. С. 7–10.

3. Батурина Н. А. Влияние информационных технологий на качество правосудия по гражданским делам // Регулирование правоотношений в условиях цифровизации в период пандемии: современное состояние и перспективы развития : сб. ст. Казань : Отечество, 2021. С. 12–19.

4. Малыгин К. В. Правовые и инфраструктурные проблемы цифровизации уголовного судопроизводства // Пермский юридический альманах. 2023. № 6. С. 501–511.

5. Романова И. Н., Степаненкова Е. А. Искусственный интеллект в системе отправления правосудия // Устойчивое развитие: исследования, инновации, трансформация : материалы XVIII Международ. конгресса с элементами научной школы для молодых ученых (г. Москва, 8–9 апреля 2022 г.) : в 2 т. / отв. ред. выпуска: А. В. Семёнов, П. Н. Кравченко. М. : Моск. ун-т им. С. Ю. Витте, 2022. Т. 1. С. 469–478.

6. Лаптев В. А. Искусственный интеллект в суде – одна инстанция. URL: https://pravo.ru/opinion/254748/?utm_source=telegram&utm_medium=smm&utm_campaign=tg_channel (дата обращения: 14.09.2024).

7. Ерёменко А. К. Электронное правосудие: проблемы и перспективы развития // Вопросы российской юстиции. 2023. № 29. С. 74–83.

8. Курочкин С. А. Цифровые технологии и эффективность правосудия // Lex Russica. 2022. № 10 (191). С. 152–163.

Информация об авторах

Вадим Борисович Вершинин – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета.

vad1204@yandex.ru

Даниил Владиславович Лапенков – студент Юридического института Пензенского государственного университета.

daniil.lp@mail.ru

Лидия Александровна Бахтурова – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.

lida.bakhturova.04@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЗА И ПРОТИВ

*Вадим Борисович Вершинин¹,
Владислав Олегович Мухамедзянов²*

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Внедрение искусственного интеллекта в судебную систему требует взвешенного и ответственного подхода, направленного на анализ преимуществ и недостатков. Ключевыми аспектами являются разработка правовых и этических норм, которые предотвратят дискриминацию и защитят права граждан. Обеспечение прозрачности и подотчётности систем искусственного интеллекта позволит людям понимать логику их работы, а также предоставит возможность обжалования решений. Постепенное внедрение искусственного интеллекта должно сопровождаться контролем за соблюдением этических стандартов. Специальные нормативные правовые акты и независимые контролирующие органы помогут в регулировании использования искусственного интеллекта в судебной деятельности. Применение методов «объяснимого искусственного интеллекта» и механизмов подотчётности обеспечит несение ответственности за нарушения, что будет способствовать доверию населения к новым технологиям в правосудии.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судебная деятельность, цифровизация, системы искусственного интеллекта, правосудие, судебная система

В условиях современного мира начинает стремительно набирать обороты применение информационных технологий. Процесс цифровизации всех возможных сфер человеческой деятельности даёт положительные результаты, значительно упрощая рабочий процесс по сравнению с теми временами, когда это было только за гранью фантастики или же только начинало развиваться. Большую актуальность начинает набирать искусственный интеллект (далее – ИИ, искусственный интеллект), тесно внедряющийся во все возможные рабочие направления человечества, начиная от генерации красивых изображений и произведений искусства и заканчивая написанием и анализом различных текстов, в том числе юридических документов. Данная тенденция не обошла стороной и судебную деятельность. Внедрение ИИ в правовую сферу сулит как значительные преимущества, так и немалые риски, которые необходимо тщательно анализировать.

В данной статье рассматриваются как положительные, так и отрицательные стороны применения искусственного интеллекта в судебной деятельности, а также подчёркивается необходимость проведения тщательного анализа этих факторов перед внедрением таких инновационных технологий в сферу правосудия.

Прежде чем перейти к рассмотрению ключевых аспектов, необходимо разобраться с тем, что принято считать искусственным интеллектом. Для написания данной статьи была рассмотрена работа трёх авторов из Воронежского государственного университета, в которой исследователи утверждают, что единого и общепринятого определения ИИ на нынешний момент не существует. Однако они акцентировали внимание на двух наиболее популярных понятиях. Изначально термин «искусственный интеллект» выдвинул американский учёный Джон Маккарти, трактующий его как «науку и технологию создания интеллектуальных машин и компьютерных программ», но в условиях современных реалий понятие приобрело иное значение – «комбинация алгоритмов, которая предлагается для воссоздания машин, обладающих свойствами и возможностями человека» [1, с. 35–44].

Важно отметить, что эти два понятия не противоречат друг другу, а дополняют друг друга. Разработка ИИ-систем (научный и технологический аспект) направлена на создание алгоритмов, которые могут решать задачи, свойственные человеческому интеллекту. В рассматриваемой статье будет использоваться второе понятие, так как оно наиболее точным образом отражает современные реалии и помогает понять принципы его применения в разных сферах, включая правосудие.

На основании статистики, приведённой в статье К. В. Шундикова, можно сделать вывод, что в нашем государстве цифровые технологии значительно стали востребованными в процессе судопроизводства: за период первого полугодия 2023 года было подано огромное количество электронных документов, измеряющееся двумя с половиной миллионами экземпляров, что значительно превышало показатели предшествовавшего года. Также возросло количество запросов пользователей Государственной автоматизированной системы «Правосудие» до показателей в размере свыше пяти миллиардов обращений [2, с. 315–321]. Эта информация подтвердилась словами Председателя Верховного суда Российской

Федерации Вячеславом Лебедевым во время его выступления на пленарном заседании Совета судей [3].

Применение алгоритмов искусственного интеллекта в правосудии – это перспективное направление, способное повысить эффективность и точность судебных решений, сократить время рассмотрения дел и минимизировать риски ошибок. Однако, несмотря на очевидные преимущества, внедрение ИИ в правовую систему требует взвешенного подхода и комплексного анализа.

Ключевым аспектом в анализе данной темы будет выступать гармоничное взаимодействие человека и искусственного интеллекта в судебной деятельности. Необходимо найти оптимальный баланс между использованием алгоритмов и сохранением человеческого фактора, основанного на морально-этических принципах и анализе контекста дела.

Поскольку правосудие непосредственно связано с правами и свободами человека, разработка и внедрение систем ИИ в эту сферу должны проходить в открытом диалоге с участием общественности, профессионального сообщества и научных кругов. Только широкая дискуссия и обмен мнениями могут обеспечить разработку наиболее взвешенных решений и создание правовой базы, отражающей все нюансы и риски, связанные с использованием ИИ в правосудии.

Так, проанализировав мнение В. А. Лаптева по поводу воссоздания и применения так называемого «ИИ-судьи» в российской судебной системе, можно сделать вывод, что передача всей судебной власти искусственному интеллекту без надлежащего человеческого контроля будет вызывать серьёзные дискуссии о сути правосудия [4]. Такая ситуация будет подрывать традиционное понимание правосудия, осуществляемого судьёй-человеком, который обладает не только профессиональными знаниями, но и важными моральными и этическими качествами, закреплёнными в законодательстве (ст. 3 Закона РФ «О статусе судей») [5].

Если вновь обращаться к работам указанного выше автора, то стоит учесть его мнение по поводу поэтапного введения ИИ в судебную деятельность, дабы избежать ранее упомянутых проблем. На каждой из рассматриваемых трёх ступеней «искусственный помощник» будет повышаться в «статусе», получая больше возможностей в процессе судопроизводства.

Так, на этапе краткосрочной перспективы ИИ сможет выступать в роли ассистента судьи-человека, автоматизируя рутинные задачи делопроизводства и помогая в анализе информации по делу. В среднесрочной перспективе ИИ сможет стать более активным участником судебного процесса, выступая в роли «судьи-компаньона». Он будет помогать судье-человеку в оценке доказательств и проводить правовой анализ. Однако решение о виновности или невиновности должно оставаться за судьёй-человеком непосредственно. Срок данной перспективы будет составлять от пяти до десяти лет. В свою очередь, последний этап, а именно этап долгосрочной перспективы, не будет ограничен в сроках, поскольку ранее упомянутый искусственно-интеллектуальный «судья-компаньон» будет частично заменять судью-человека по некоторым функциям. Например, ИИ будет рассматривать относительно простые дела, не требующие тщательного контроля со стороны человека [6].

Возвращаясь к рассуждениям Н. М. Галкиной, Д. В. Кузнецовой и Д. В. Воробьева о применении искусственно-интеллектуальных помощников за рубежом, можно смело сказать, что интересный опыт Китая в использовании ИИ в судебной системе показывает, как эта технология развивалась поэтапно. Сначала ИИ применялся для оптимизации поиска информации и ускорения процессов, затем перешёл к анализу данных для выявления закономерностей. С появлением онлайн-судов ИИ научился анализировать доказательства и предсказывать решения по аналогичным делам, а умные суды используют ИИ для автоматизации процессов и ускорения работы системы. Опыт Китая подтверждает важность изучения и применения таких технологий в других странах для совершенствования судебных систем.

Важно отметить, что судебные решения часто принимаются с учетом сложных человеческих эмоций, контекста дела и моральных дилемм. ИИ пока не обладает способностью полностью понимать и учитывать эти факторы. Правосудие должно основываться на уважении человеческого достоинства и правах человека. ИИ может не обладать такой способностью к эмпатии и сопереживанию, что может привести к несправедливым решениям. С учётом этого полная замена судьи-человека искусственным интеллектом в ближайшем будущем маловероятна, так как правосудие требует

не только знания закона, но и понимания моральных и этических норм, а также способности к эмпатии и сопереживанию.

Исходя из вышесказанного, можно выделить преимущества и недостатки применения искусственно-интеллектуального помощника в судебной деятельности. Так, к плюсам можно отнести следующие сведения:

- повышение эффективности судебной системы за счёт автоматизации искусственным интеллектом многих рутинных задач, тем самым позволяя освобождать время судей для разрешения более сложных правовых коллизий;

- повышение точности при принятии решений благодаря минимизации рисков ошибок и предвзятости, поскольку искусственно-интеллектуальные системы будут развиваться на огромных объёмах данных, необходимых для устранения неприятных ситуаций в области правосудия;

- улучшение качества правоприменения за счёт помощи судьям со стороны искусственного интеллекта в интерпретации законодательства, анализе прецедентного права и прогнозировании возможных исходов дела;

- повышение доступности правосудия за счёт принимаемых ИИ решений, которые могут быть использованы для создания и дальнейшего улучшения онлайн-платформ, позволяющим людям получать доступ к правовой информации и услугам без необходимости личного посещения суда.

Несмотря на такие достойные преимущества использования «помощников», у них есть и существенные недостатки, из-за которых у многих правоведов и учёных до сих пор возникают споры по вопросам применения ИИ в судебной деятельности на территории нашего государства. Так, к минусам искусственного интеллекта относятся следующие препятствующие факторы:

- риски предвзятости и дискриминации, которые могут возникнуть за счёт обучения искусственного интеллекта на данных, содержащих предубеждения, что может привести к дискриминации в отношении определенных групп людей и противоречивости статье 19 Конституции Российской Федерации, запрещающей различные формы ограничения прав и свобод человека и гражданина по признакам той или иной принадлежности [7];

– проблема прозрачности и подотчётности, вызываемая за счёт сложного характера принимаемых искусственным интеллектом решений, которые могут быть не всегда понятными для многих людей, что делает действия их алгоритмов непрозрачными и затрудняет привлечение к ответственности в случае ошибки;

– риск снижения роли юристов, возникающий за счёт автоматизации ИИ некоторых задач специалистов в данной сфере, что может привести к сокращению рабочих мест и снижению роли юристов в судебном процессе;

– проблема защиты персональных данных актуальна, поскольку ИИ-системы могут обрабатывать конфиденциальную информацию, что требует дополнительных мер по защите указанных выше данных;

– упоминаемый ранее риск нарушения принципа «человеческого фактора» имеет немаловажное значение, так как судебная деятельность в первую очередь строится на оценке морально-этических аспектов дела, а не только на формальной юридической логике. Автоматизация этого процесса может привести к неправильным и несправедливым решениям.

Подводя итоги, можно утверждать, что применение ИИ в судебной деятельности требует взвешенного и ответственного подхода. Чтобы успешно внедрить ИИ в судебную систему, нужно тщательно проанализировать все преимущества и недостатки, разработать правовые и этические нормы, гарантирующие, что ИИ-системы не будут использоваться для дискриминации или нарушения прав граждан. Также необходимо обеспечить прозрачность и подотчетность ИИ-систем, чтобы люди понимали, как они работают, и могли обжаловать их решения в случае необходимости. Внедрение ИИ в судебную систему должно происходить постепенно, с постоянным контролем и учётом этических и правовых аспектов для обеспечения справедливости и защиты прав граждан. Только такой подход позволит реализовать потенциал ИИ в судебной системе и избежать негативных последствий.

В этом значительно могут помочь разработка специальных нормативных правовых актов, регулирующих использование ИИ в судебной деятельности, а также определяющих права и обязанности участников судебного процесса в отношении ИИ наряду с установлением стандартов разработки и применения ИИ-систем.

Также необходимо рассмотреть создание независимых органов, которые смогут контролировать применение ИИ в судебной системе и обеспечивать соблюдение законов и этических норм.

В свою очередь, разработка механизмов прозрачности работы искусственно-интеллектуальных систем позволит людям понимать, как данные алгоритмы принимают решения. В этом может помочь использование методов «explainable AI» (так называемый «объяснимый ИИ»), которые позволяют объяснить логику работы ИИ человеку [8, с. 6–9]. Немаловажную роль сможет сыграть и разработка механизмов подотчётности, которые смогут позволять привлекать к ответственности разработчиков и пользователей ИИ-систем в случае нарушения ими законов посредством использования данных алгоритмов.

Список литературы

1. Галкина Н. М., Кузнецова Д. В., Воробьев Д. В. Зарубежный опыт применения искусственного интеллекта в судебной системе // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2023. № 3 (54). С. 35–44.

2. Шундилов К. В. Искусственный интеллект в российском правосудии: состояние и перспективы // Образование и право. 2023. № 8. С. 315–321.

3. Число обращений через ГАС «Правосудие» превысило 5 млрд. URL: <https://pravo.ru/news/250241/> (дата обращения: 15.09.2024).

4. Лаптев В. А. Искусственный интеллект в суде – одна инстанция. URL: https://pravo.ru/opinion/254748/?utm_source=telegram&utm_medium=smm&utm_campaign=tg_channel (дата обращения: 15.09.2024).

5. О статусе судей в Российской Федерации : закон Российской Федерации № 3132-1 от 26.06.1992 : в ред. № 544-ФЗ от 27.11.2023 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 30. Ст. 1792.

6. Лаптев В. А. Искусственный интеллект в суде: как он будет работать. URL: <https://pravo.ru/opinion/232129/> (дата обращения: 15.09.2024).

7. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобрен в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-

портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2022).

8. Краснов А. Н., Ксенофонтов А. А., Шмелева Л. А. Искусственный интеллект как прорывная инновация // Инновации и инвестиции. 2023. № 5. С. 6–9.

Информация об авторах

Вадим Борисович Вершинин – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета.

vad1204@yandex.ru

Владислав Олегович Мухамедзянов – студент Юридического института Пензенского государственного университета.

v.muxamedzyanov@mail.ru

УДК 347.9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА

***Вадим Борисович Вершинин¹,
Маргарита Алексеевна Понамарева²***

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Исследуются правовые проблемы вынесения судебного приказа в гражданском судопроизводстве. По статистике приказное производство активно применяется судьями и является наиболее удобным способом разрешения ситуации. Однако регулирование данного института содержит большое количество пробелов, так как является не до конца усовершенствованным законодателем. Анализируются нормативные правовые акты, затрагивающие порядок процедуры вынесения и исполнения судебного приказа. Предложено правовое совершенствование данного института.

Ключевые слова: приказное производство, судебный приказ, злоупотребление правом, принцип добросовестности, упрощенный порядок, законная сила судебного приказа

На основании ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита прав личности. Основопологающий закон обязал государство беспрепятственно и в разумный срок обеспечивать должную защиту гражданину своего

права посредством обращения в соответствующие органы [1]. В настоящее время судебная система Российской Федерации модернизируется. Это объясняется тем, что правосудие должно отвечать современным вызовам государства, а также соответствовать новым стандартам правового развития. Для того, чтобы процесс защиты нарушенных прав стал результативнее, законодатель вносит изменения в процессуальные нормы с обязательным учетом материально-правовых особенностей дел, которые рассматриваются в гражданском судопроизводстве. Данное исследование будет посвящено анализу приказного производства в гражданском процессе.

Приказное производство – это вид гражданского судопроизводства, характеризующийся тем, что процедура упрощена, а именно судебное заседание не проводится, стадий подготовки и судебного разбирательства нет, протоколы не ведутся, спор о праве отсутствует. Понятие судебного приказа, требования по которым он выдается, содержание заявления о его выдаче и самого судебного приказа, а также порядок вынесения регламентированы в разделе II в подразделе «Приказное производство» Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [2].

Судебный приказ – это постановление мирового судьи, которое выдается на основании представленных взыскателем письменных документов, обосновывающих его требование, и направлено на взыскание денежных сумм или истребование движимого имущества от должника. Судебный приказ одновременно является исполнительным документом, правоприменительным актом государственной власти, который предписывает субъектам определенное поведение, предусмотренное материально-правовой нормой [3]. Он выдается судьей единолично. Механизм судебного приказа приводится в исполнение судебным приставом в соответствии с порядком, регламентирующим исполнение судебных постановлений.

Перечень требований, на основании которых выдается приказ является закрытым. Если взыскатель имеет притязания, которые не входят в перечень требований, установленный статьей 122 ГПК РФ, то он может обратиться в суд с исковым заявлением.

Судебная практика, показывает, что преимущественное количество приказов выдается мировым судьёй, по требованиям, основанным на сделках, совершенных в простой письменной форме. Помимо них, сюда относятся и договоры. При этом законодатель

не ограничивает данную сферу по видам сделок и договоров, ключевыми факторами будут являться то, что взыскиваются денежные средства или истребуется движимое имущество, отсутствует спор /о праве и приложены документы, подтверждающие заявленные требования. Перечень дел, в отношении которых, выносятся судебный приказ является ограниченным, но и в то же время допускает расширительное толкование. Приказное производство представляет собой наиболее «экономный» способ решения возникшей проблемы. Оно сокращает затраты, но при этом имеет ряд недостатков [4, с. 32].

Одним из наиболее спорных моментов является то, что судья имеет право отказать в принятии заявления о вынесении судебного приказа, если имеется спор о праве. Основная проблема заключается в том, что до настоящего времени так и не сложилось понимания, чем является «спор о праве».

Проанализировав анализ норм, а также мнения ученых-исследователей, можно сделать вывод о том, что спор о праве – /ситуация, в которой стороны имеют ряд разногласий, или судья считает, что представленные документы не соответствуют требованиям закона. Исходя из этого, для устранения коллизий в праве необходимо статью 125 ГПК РФ дополнить нормой, согласно которой судья отказывает в принятии заявления о вынесении судебного приказа, если считает, что представленные документы недостоверны.

Стоит отметить, что помимо вышеперечисленного, проблемой является вопрос об уведомлении должника, в отношении которого вынесен судебный приказ [5, с. 24]. Правоприменительная практика показывает, что должник может проживать по другому адресу и не знать, что в отношении его вынесен приказ.

Ещё одной проблемой является то, что должник представляет неаргументированные возражения. Поэтому данное лицо нарушает принцип добросовестности, что приводит к злоупотреблению правом. Необходимо разработать правовой механизм пресечения вышеуказанных коллизий в гражданском судопроизводстве.

Стоит обратить внимание на то, что законодательство не закрепляет понятие «законная сила судебного приказа», что противоречит части 2 статьи 13 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, другими словами, обязательно для исполнения только то, что вступило в законную силу. При этом, приказ

является и постановлением, и исполнительным документом, что также негативно отражается на деле.

Обратимся к мнению учёных. Например, С. К. Зайганова считает, что «поскольку судебный приказ окончательно разрешает требования о взыскании денежных средств или об истребовании движимого имущества, предусмотренные ст. 122 ГПК РФ, то он обладает законной силой» [6, с. 33] с таким мнением соглашается З. А. Папулова [7, с. 184]. По-другому считает Н. А. Громошина, что «утверждение о наличии у судебного приказа законной силы означает явное неуважение правосудия» [8, с. 34].

Так как сам факт вынесения судебного приказа и его составление не является сложной процедурой, то целесообразней это автоматизировать. С помощью специальной программы проводить проверку представленных документов с последующим вынесением приказа.

Алгоритм автоматизированной системы будет заключаться в следующем, взыскатель в электронном формате подает заявление, при этом в личный кабинет загружает все необходимые документы, а программа составит судебный приказ.

Автоматизация процедуры вынесения судебного приказа позволит:

- сократить время вынесения судебного приказа и его выдачи взыскателю;
- нагрузка на мировых судей понизится;
- позволит мировым судьям уделить больше времени на рассмотрение других дел в рамках гражданского судопроизводства.

Однако, правосудие осуществляется только судом в Российской Федерации. Никто больше не может вершить правосудие.

Отвечая на вопрос, правомерно ли вынесение судебного приказа с использованием компьютеризации, обратимся к мнению ученых. По мнению Ю. В. Галичкиной приказное производство в Российской Федерации может осуществляться с помощью автоматизированной процедуры, при условии, что все решения будут проверяться судьей [9, с. 162]. В тоже время, А. В. Чернышов считает, что в таком случае необходимость автоматизированной процедуры нецелесообразно [10, с. 55].

Считаем, что данные предложения на данный момент трудно реализовать в гражданском судопроизводстве. Однако, в долгосрочной перспективе данную процедуру возможно «претворить

в жизнь», поскольку современные технологии внедряются в абсолютно все сферы деятельности государства, считаем, данный процесс неизбежен.

Отметим, что приказное производство в будущем будет развиваться. Об это свидетельствует не только анализ российской судебной практики, но и практики зарубежных стран, в которых законодательство регламентирует автоматизированный процесс приказного производства.

Таким образом, полагаем, что совершенствование правового регулирования института приказного производства положительно повлияет на качество правосудия, посредством чего повысится его эффективность, доверие общества и будет способствовать оптимизации гражданского судопроизводства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2022).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ от 14.11.2002 : в ред. от 08.08.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

3. О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 62 от 27.12.2016 : в ред. от 05.04.2022 // Российская газета. 2017. 13 января.

4. Бахарева О. А. Приказное производство в современном гражданском процессуальном праве РФ: перспективы развития // Мировой судья. 2020. № 9. С. 32–35.

5. Потапенко Е. Г. Конкуренция видов производства в гражданском процессе и средства ее преодоления // Особое производство в гражданском процессе: проблемы доктрины, законодательства и практики : сб. науч. ст. по материалам Междунар.

науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 23 июня 2022 г.) / сост. и ред. Л. В. Войтович. СПб. : Астерион, 2022. С. 17–24.

6. Загайнова С. К. Пути развития приказного производства // Российская юстиция. 2007. № 7. С. 30–33.

7. Папулова З. А. Ускоренные формы рассмотрения дел в гражданском судопроизводстве. М. : Инфотропик Медиа, 2014. 184 с.

8. Громошина Н. А. О приказном производстве в арбитражном процессе // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 3 (31). С. 34–40.

9. Галичкина Ю. В. Судебный приказ: стадия или самостоятельный процесс // Символ науки. 2016. № 3. С. 160–162.

10. Чернышов А. В. Судебный приказ как разновидность правоприменительного акта // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Право. 2020. Т. 33, № 1. С. 53–56.

Информация об авторах

Вадим Борисович Вершинин – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета.

vad1204@yandex.ru

Маргарита Алексеевна Понамарева – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.

ponamarevamargo@yandex.ru

УДК 347.9

ПОВЫШЕНИЕ ГОСПОШЛИН ПРИ ОБРАЩЕНИИ В СУД: ЗА И ПРОТИВ

***Вадим Борисович Вершинин¹,
Анастасия Алексеевна Тюжина²***

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Рассматривается вопрос о повышении государственных пошлин в отношении физических и юридических лиц при обращении в суд. Анализируется мнение юристов, экспертов и судебного сообщества о целесообразности изменений размеров госпошлин.

Ключевые слова: госпошлина, суды общей юрисдикции, арбитражные суды, правосудие

Изменения в размерах госпошлины при обращении в суд, которые были внесены Федеральным законом от 08.08.2024 № 259-ФЗ [1], вступили в силу 9 сентября 2024 года. Больше всего в арбитражных судах увеличились сборы за подачу заявления о банкротстве для граждан, о признании решений госорганов незаконными и об оспаривании прав на результаты интеллектуальной деятельности – они выросли с 300 до 10 000 руб. Самый низкий прирост – в 2,5 раза – у госпошлин за подачу заявлений об оспаривании сделок и заявлений неимущественного характера. Раньше за их подачу нужно было заплатить 6000 руб., а сейчас – 15 000 руб. [2].

Стоит отметить, что многие госпошлины разделяют по цене в зависимости от статуса плательщика – физлицо или компания. В среднем госпошлины для юридических лиц выше аналогичных сборов для граждан в три раза. Помимо увеличения размеров были внесены 11 новых госпошлин. Теперь придется заплатить, в частности, за заявление о правопреемстве, выдаче дубликата исполнительного листа, повороте исполнения и пересмотре решения по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

На сегодняшний день тема является дискуссионной, т.к. одни юристы поддерживают изменения, а другие выражают негативное отношение, поскольку речь идёт прежде всего о доступности и об ограничении доступности правосудия.

Рассмотрим точки зрения юристов, которые позитивно относятся к изменениям.

Положительно оценивает изменения Дмитрий Марканов, управляющий партнер «BFL/PATENTUS», по его словам, в дальнейшем можно ожидать некоторого снижения числа обращений в суд, но «оно точно не будет критичным» [3].

По мнению Павла Коновалова, адвокат из КА «Монастырский, Зюба, Степанов & Партнеры», суды всех инстанций загружены лишней работой, и данную ситуацию необходимо исправить. Он отмечает, что в судебной системе в значительной степени недооценен труд проверяющих инстанций, таких как апелляционные, кассационные суды и Верховный Суд. Из-за этого наблюдается высокая распространенность жалоб на судебные постановления,

которые подаются «на авось», «ведь услуги судебной системы оказываются почти бесплатными».

В некоторых странах, таких как Великобритания и Германия, размер судебных пошлин в сотни раз превышает таковые в России. На это обратил внимание Юрий Николаев, управляющий партнер МКА «Николаев и партнеры». В упомянутых странах стороны знают, что ведение судебных дел обходится очень дорого, поэтому они подают иски лишь в тех случаях, когда не могут разрешить спор самостоятельно. В России же ситуация иная. Николаев отметил, что отечественные суды чаще всего рассматривают относительно малозначительные и недорогие дела.

Итогом изменений станет повышение качества правосудия и авторитета суда, утверждает П. Коновалов. Это значительно уменьшит количество необоснованных жалоб и облегчит нагрузку на судебные органы. Он также считает, что негативные последствия от увеличения госпошлин могут быть компенсированы возможностью отсрочки или рассрочки, которые суды активно применяют в настоящее время.

Денис Крауялис, руководитель практики разрешения споров «Томашевская и партнеры», эксперт, подчеркивает важность качества правосудия. Он выражает надежду, что новая стоимость судебных услуг будет соответствовать уровню их качества. Крайне важно, чтобы сторона, дошедшая до Верховного Суда и вложившая значительные средства, не получала лишь формальную отписку, а глубокий судебный акт, который в полной мере защищает права и свободы участников процесса.

Следует подчеркнуть, что Верховный Суд Российской Федерации также поддержал повышение госпошлин. Суд считает, что увеличенные пошлины могут побудить стороны исполнять свои обязательства добровольно, а в случаях возникновения разногласий – стремиться к мирному разрешению правовых споров. Предполагается, что обращение в суд будет актуально, когда методы разрешения конфликтов исчерпают себя. Это, в свою очередь, способствует формированию уважительного отношения участников процесса как к контрагентам, закону и суду.

Верховный суд также обратил внимание, что правосудие останется доступным для всех граждан. В законодательстве предусмотрены льготы, которые включают снижение размеров пошлин

ны, возможность отсрочки или рассрочки или освобождение от её уплаты. Кроме того, Кабмин предложил дополнительные меры, освобождающие от уплаты госпошлин детей-сирот, граждан-банкротов по спорам, касающихся формирования конкурсной массы, реестра требований кредиторов, а также освобождении от долгов. В рамках дел, связанных с защитой прав на единственное жильё, вводится новая льгота, позволяющая освободить от 70 % пошлины по искам.

«Уверены, что принятые поправки обеспечат соответствие государственной пошлины изменившимся экономическим реалиям, а также позволят повысить эффективность и качество судопроизводства при сохранении полноценного доступа к правосудию», – подытожили в ВС РФ [4].

Далее рассмотрим точки зрения юристов, которые выступают против изменений.

Михаил Гусев, руководитель практики разрешения споров в «Инфралекс», замечает, что подача исков станет менее выполнимой для людей с ограниченными финансовыми возможностями.

Александр Латыев, партнер юридической фирмы «INTELLECT», предполагает сокращение числа исков, а также меньшее количество случаев, когда стороны отказываются от обжалования неудовлетворительных решений. Хотя такие изменения вряд ли приведут к улучшению качества правосудия, они создадут значительные трудности для защиты прав граждан, считает Латыев.

Не верит в улучшение качества решений и Анастасия Ильясова, руководитель практики разрешения споров и международного арбитража «ART DE LEX». Качество судебных актов не изменится, так как на него не влияет и не может повлиять ни размер пошлин, ни количество дел в работе судьи, считает эксперт.

Елена Гладышева, управляющий партнер «РИ-консалтинг», отметила, что размер пошлин не пересматривался долгое время и требовал изменений. Однако, по её мнению, увеличение не должно быть столь резким.

Не могу не согласиться с Вице-президентом АБР Сергей Клименко, который утверждает, что «Новые пошлины будут затратительными для многих россиян – как истцов, так и ответчиков. Пройти суды в трех инстанциях им будет не по карману. Для кредиторов предлагаемые пошлины будут означать новые траты,

взыскание небольших долгов станет неэффективным. Все это они учтут в своей ценовой политике» [5].

Стоит подчеркнуть, в судебной системе существует проблема, связанная с квалификацией некоторых судей, что, к сожалению, может привести к тому, что спор окажется у некомпетентного судьи. Этот вопрос уже обсуждался на Совете судей в мае 2024 года, где Виктор Момотов, председатель Совета судей, отметил, что «Причины высокой текучести кадров и недостаточности кадрового резерва мы неоднократно обсуждали. Это и низкий уровень оплаты труда, и высокая нагрузка, и отсутствие необходимых навыков у впервые назначаемых кандидатов» [6].

На мой взгляд, увеличение государственных пошлин может помочь решить эту проблему, хотя и не в полной мере, поскольку в настоящее время, в условиях колоссальной нагрузки на судебную систему, активно привлекается «рабочая сила» для того, чтобы справиться с волной споров.

Таким образом, мера в виде повышения госпошлины будет производить эффект, как стимулирующее воздействие разрешить спор во внесудебном порядке. Ведь одним из факторов, препятствующих осуществлению права на доступ к правосудию, является стоимость судебных процедур, когда расходы на помощь адвоката или оплату государственной пошлины превышают финансовые возможности лиц, обращающихся за защитой своих прав в суд. Хотя для физических лиц закон предусматривает ряд льгот при подаче исков, а для юридических лиц таких льгот не предусмотрено. Повышение госпошлин со стороны законодателя может стимулировать развитие альтернативных методов решения конфликтов, таких как медиация и судебное примирение.

Список литературы

1. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах : федер. закон № 259-ФЗ от 08.08.2024 // Российская газета. 2024. 14 августа.
2. Президент повысил госпошлины за обращение в суд. URL: <https://pravo.ru/news/254549/> (дата обращения: 05.10.2024).
3. Повышение госпошлин: аргументы юристов за и против. URL: <https://pravo.ru/story/254187/> (дата обращения: 05.10.2024).

4. ВС поддержал повышение судебных госпошлин. URL: <https://pravo.ru/news/254269/> (дата обращения: 05.10.2024).

5. Кредиторы против повышения судебных госпошлин. URL: <https://pravo.ru/news/254171/> (дата обращения: 05.10.2024).

6. Повышение госпошлин и внесудебное взыскание: что обсудили на Совете судей. URL: <https://pravo.ru/story/253108/> (дата обращения: 05.10.2024).

Информация об авторах

Вадим Борисович Вершинин – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета.

vad1204@yandex.ru

Анастасия Алексеевна Тюжина – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.

a_tyuzhina@bk.ru

УДК 347.9

ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Дарья Алексеевна Викулова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Рассматриваются вопросы обеспечения единообразия в применении судами общей юрисдикции законодательства Российской Федерации и единства судебной практики в контексте реализации Верховным Судом Российской Федерации своих полномочий. Признается необходимость учета судами правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации, а также определяется их практическая ценность в осуществлении правосудия. Делается вывод о теоретической и практической значимости применения правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации в судебной деятельности.

Ключевые слова: правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации, судебная практика, судебное правоприменение, единство судебной практики

В современной системе отечественного права особое значение имеют правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации как высшего судебного органа в судебной системе страны. Эти позиции не только помогают нижестоящим судам разрешать сложные правовые вопросы, но и способствуют устранению пробелов в законодательстве.

Вопрос о влиянии практики Верховного Суда Российской Федерации на судебное правоприменение является дискуссионным ввиду того, что в юридической науке и практике на протяжении длительного времени нет однозначного мнения относительно её нормативности [1, с. 63].

Для установления роли правовых позиций Верховного Суда РФ в судебной деятельности, необходимо раскрыть значение данного понятия.

Под правовыми позициями Верховного Суда Российской Федерации И. В. Шульга предлагает понимать систему суждений, которая выражается в его актах и содержит понимание Судом правовых норм в процессе осуществления правосудия по различным категориям дел, относящимся к его подсудности [2, с. 9].

По мнению П. А. Гука и М. С. Чуниной, правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации представляют собой выводы Суда, содержащиеся в Постановлениях Пленума, Обзорах судебной практики и постановлениях по конкретным делам Президиума, позволяющие скорректировать несовершенства в действующем законодательстве [3, с. 25].

Основная функция вырабатываемых Верховным Судом РФ правовых позиций заключается в обеспечении единообразного толкования и применения законов. Согласно статье 126 Конституции РФ [4], Верховный Суд является высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным и иным делам, что придает его разъяснениям обязательный характер. В соответствии с пунктом 1 части 7 статьи 2 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации ВС РФ дает судам разъяснения по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения [5].

Фактически это означает, что нижестоящие суды должны учитывать правовые позиции Верховного Суда РФ при рассмотре-

нии судебных дел. Например, в пункте 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 41 «О подготовке административного дела к судебному разбирательству в суде первой инстанции» [6] указано, что на этапе подготовки административного дела к судебному разбирательству в целях единообразного применения норм материального и процессуального права судье необходимо проанализировать практику применения правовых норм, регулирующих спорные отношения, которая определена решениями Конституционного Суда Российской Федерации, постановлениями Пленума и Президиума Верховного Суда Российской Федерации, а также содержится в обзорах судебной практики, утвержденных Президиумом Верховного Суда Российской Федерации. Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» [7] содержит в себе положение о том, что судам при установлении противоречий между нормами права, подлежащими применению при рассмотрении и разрешении дела, необходимо учитывать разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, данные им в Постановлениях от 31 октября 1995 г. № 8 ... и от 10 октября 2003 г. № 5.

Правовые позиции, содержащиеся в Обзорах судебной практики, утверждаемым Президиумом Суда, являются значимыми для нижестоящих судов и должны учитываться ими, что подтверждается ссылками на них самим Верховным Судом РФ (см., например, Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1, утвержденный Президиумом ВС РФ 25 апреля 2025 г. [8]).

Исходя из изложенного, к числу обязательных фактически уже отнесены:

- правовые позиции высшего судебного органа, сформулированные в постановлениях Пленума и Президиума Верховного Суда РФ.

Кроме того, правовые позиции ВС РФ нередко становятся основой для законодательных изменений. Так, многие положения обновленных редакций Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [9], Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [10] и других процессуальных кодексов были внесены благодаря выработанным правовым позициям высшего судебного органа.

Правовые позиции Верховного Суда РФ имеют важное значение не только для нижестоящих судов, но и для законодателя, практических работников и участников судебных разбирательств.

Судьи обязаны анализировать актуальные разъяснения Верховного Суда РФ и учитывать их в мотивировочной части судебных актов. Это позволит снизить риск отмены либо изменения судебных актов вышестоящими судебными инстанциями.

Правовые позиции, выработанные Верховным Судом РФ в ходе его деятельности, позволяют выявлять пробелы и противоречия в законодательстве, что позволяет законодателю в последующем устранить эти несовершенства.

Применение правовых позиций Верховного Суда РФ юристами-практиками в аргументации своих доводов повышает шансы на успех в суде, поскольку суды чаще принимают решения в соответствии с практикой высшей судебной инстанции.

Подводя итог, следует признать, что правовые позиции Верховного Суда РФ играют ключевую роль в обеспечении единства судебной практики и стабильности правовой системы страны. Они не только помогают судам правильно применять законы, но и способствуют развитию законодательства. Однако для повышения эффективности их применения необходимо обеспечить строгое соблюдение судами правовых позиций Верховного Суда РФ. Только в этом случае можно достичь подлинного единообразия судебной практики и повысить доверие граждан к правосудию.

Список литературы

1. Гук П. А. Судебное правоприменение в современной России: общетеоретический аспект и реалии практики : монография. Пенза : Изд-во ПГУ, 2024. 198 с.

2. Шульга И. В. Понятие и виды правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации (вопросы теории) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2016. 207 с.

3. Гук П. А., Чунина М. С. Акты национального судебного нормотворчества: теория, техника и практика применения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 5 (148). С. 22–28.

4. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобрен в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2022).

5. О Верховном Суде Российской Федерации : федер. конституционный закон № 3-ФКЗ от 05.02.2014 : в ред. от 14.07.2022 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

6. О подготовке административного дела к судебному разбирательству в суде первой инстанции : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 41 от 17.12.2024 // Российская газета. 2024. 28 декабря.

7. О судебном решении : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 23 от 19.12.2003 : в ред. от 23.06.2015 // Российская газета. 2003. 26 декабря.

8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.04.2025. URL: <https://vsrf.ru/documents/practice/34367/> (дата обращения: 25.04.2025).

9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ от 14.11.2002 : в ред. от 08.08.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18.12.2001 : в ред. от 21.04.2025 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ч. I. Ст. 4921.

Информация об авторе

Дарья Алексеевна Викулова – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.
dasha.vikulova02@yandex.ru

УДК 340

ИННОВАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ

***Виктория Алексеевна Володина¹,
Алина Алексеевна Власова²,
Виктория Валерьевна Минакова³***

^{1,2,3}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Современное образование, как и многие сферы, в данное время сталкивается с необходимостью адаптироваться к технологическим новше-

ствам. Рассматриваются актуальные вопросы инновации и цифровизации образовательного процесса. Выделяются основные преимущества онлайн-обучения, а также инструменты интерактивного обучения. Приводятся примеры из зарубежного опыта.

Ключевые слова: инновации в образовании, цифровизация, онлайн-курсы, онлайн-обучение, мультимедийные ресурсы, образовательная система, инновационная политика

В настоящее время мир находится на стадии глобальных изменений, вызванных технологическим прогрессом. Сфера образования не стала исключением. Согласно Конституции Российской Федерации, каждый человек имеет право на образование [1]. Сложившаяся в мире обстановка привела к значительным переменам и быстрому развитию информационных технологий, что заставило трансформироваться образовательную систему и выдвигать к ней новые требования.

Внедрение новых технологий, изменение методов обучения и взаимодействия преподавателями и студентами, все это является одним процессом – цифровизацией образования.

Цифровизация образования охватывает весь спектр образовательного процесса, включая методы и способы предоставления информации и оценки знаний. Виртуальные классы, образовательные платформы, онлайн-курсы и мультимедийные ресурсы стали частью образовательной среды, способствующей более эффективно усвоению знаний [2, с. 120].

Под электронным образованием, согласно Федеральному закону от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», понимается «организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников. Под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников» [3].

Онлайн-обучение стало одним из главных достижений в сфере образования. Среди основных преимуществ выделяют:

- Доступность. Такой формат обучения позволяет людям из разных точек мира получить качественное образование в онлайн-формате.

- Гибкость. Получение информации в данном случае возможно в любое удобное время, особенно для тех, кто совмещает обучение с другими сферами жизни. А также, такой вид обучения значительно экономит время, так как зачастую протекает быстрее и эффективнее.

- Экономия. Онлайн уроки, как правило, выгоднее привычных нам очных форм обучения.

- Таким образом, онлайн-обучение является наиболее доступным для большего количества людей, при минимальных затратах.

- Популярность в России набирает интерактивное обучение, среди них выделяют следующие инструменты:

- Виртуальная реальность. Эта технология позволяет осуществлять практические задания с помощью создания полностью безопасной виртуальной реальности, где например студенты-медики могут практиковаться без вреда для пациентов.

- Дополнительная реальность. Данная технология проецирует визуальные элементы в реальный мир, тем самым обогащает учебный процесс и делает его интересным.

- Образовательные платформы и приложения. Эти платформы внедряют в обучение элементы игры, зачастую включают в себя викторины и задания на скорость, благодаря чему обучение становится более эффективным и понятным.

Такие методы повышают интерес у обучающихся, помогают быстрее и лучше усвоить необходимый материал, так как студенты сами являются активными участниками процесса.

Однако, несмотря на большое количество плюсов преобразования образовательной системы, необходимо выделить и решения ряда вызовов:

- Недостаточная подготовка преподавателей к новым методам обучения. Необходимо регулярно проводить обучение кадров в этой сфере.

– Проблема с необходимым оборудованием и стабильным интернетом. Некоторые регионы нашей страны до сих пор сталкиваются с проблемой отсутствия доступа к интернету и необходимой техники, включая компьютеры, необходимые для осуществления инновационного образования.

– Проблемы конфиденциальности и безопасности. Предоставление персональных данных в сети «Интернет» часто приводит к взломам и краже личной информации. Таким образом, сбор и обработка данных требует должных мер по обеспечению безопасности, что является серьезным вызовом для образовательных учреждений.

– Обновление актуальных материалов. Образование должно соответствовать задаваемым тенденциям, быть актуальным. Это требует постоянного обновления всех необходимых учебных материалов и онлайн-курсов [4, с. 66].

Эти вызовы требуют пристального внимания и комплексного подхода. Правильное внедрение технологий способно изменить образовательный процесс в лучшую сторону, сделать его более доступным и эффективным.

Мировая образовательная система гласит, что все образовательные учреждения так или иначе влияют на общественную жизнь. Всестороннее воспитание человека является главной задачей для каждого государства. Инновации в образовании являются приоритетом для всех стран, заинтересованных в развитии экономического, научного и социального роста.

Инновационная политика в Европейском Союзе основывается на проекте «ПРО ИННО Европа», который был создан для взаимодействия деятельности членов Европейского Союза. Этот проект базируется на политике анализа, знаний и политики развития. В 2000 году был разработан план, охватывающий все аспекты инновационной политики, который предполагает создание конкурентоспособной экономики, основанной на знаниях и идеях.

Таким образом, инновационные методы получения образования имеют огромный потенциал и демонстрируют бесспорное значение в современном мире. Благодаря цифровизации образования возможна глобализация учебного процесса и внедрение различных интерактивных методов обучения. Переподготовка преподавателей, постоянное обновление учебных программ, а также интегри-

рование технологий являются основными моментами, на которые стоит обращать пристальное внимание при внедрении инновационных технологий в сфере образования. Продвижение искусственного интеллекта, виртуальной и дополнительной реальности в будущем будет способствовать более гибкому и интересному процессу обучения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2022).

2. Велленова Г. Х. Инновационные методы обучения: вызовы и перспективы в современной педагогике // Символ науки. 2023. № 10-1. С. 119–121.

3. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 : в ред. от 28.02.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2025 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53. Ч. 1. Ст. 7598.

4. Непесова Г. Б. Инновационные методы обучения: вызовы и перспективы в современной педагогике // Символ науки. 2023. № 9-1. С. 65–68.

Информация об авторах

Виктория Алексеевна Володина – доцент кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета, помощник Пензенского транспортного прокурора.

viktorija.volodina@inbox.ru

Алина Алексеевна Власова – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.

alinavlasova25342@gmail.com

Виктория Валерьевна Минакова – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.

Minakova-Bika@mail.ru

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ВЛИЯНИЮ В ОТНОШЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Виктория Алексеевна Володина¹,
Кирилл Олегович Фёдоров²***

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Исследуются перспективы использования возможностей прокуратуры в направлении защиты населения России от информационно-психологического воздействия со стороны недружественных стран.

Ключевые слова: прокуратура, прокурор, противодействие, полномочия, координация, правоохранительные органы, влияние, угроза, взаимодействие, стратегия, планирование, информационные технологии

Прокуратура Российской Федерации всегда занимала одно из ключевых мест в системе государственного механизма по поддержанию стабильности общественных отношений путем поддержания законности и защиты нарушенных прав [1].

Однако устойчивость таких отношений в настоящее время может быть нарушена в результате неправомерных действий отдельных должностных лиц или государственных органов, а также со стороны недружественно настроенных государств, так как социум куда более сложная система, в которой деятельность отдельных групп или индивидов может принимать значительно более разрушительные формы. Поэтому, когда над обществом и государством нависла угроза терроризма и экстремизма, прокуратура, реализуя предоставленные ей надзорные полномочия, совместно с другими органами, взяла на себя задачу противодействия террористической и экстремисткой деятельности. Однако внешнеполитическая ситуация на сегодняшний день является крайне напряженной и для давления на Российскую Федерацию используются различные инструменты, в том числе, методы гибридной войны. Поэтому весьма актуальной стала угроза информационного воздействия на российское общество со стороны третьих стран с целью дестабилизации общества, путем распространения, в том числе недостоверной

информации, носящей экстремистский характер. Исходя из этого, органам прокуратуры Российской Федерации необходимо стать одним из механизмов противодействия и этой угрозе [2].

Согласно публикациям в средствах массовой информации, лозунг центра информационно-психологических операций недружественных государств, долгое время осуществляющих деструктивное информационное воздействие как на российское общество в целом, так и, в частности, на военнослужащих российской армии и членов их семей, звучат так: «Разум побеждает силу». Смысл данного утверждения имеет вполне логичное основание, ведь исследование потенциала психологического влияния на противника велось едва ли не с основания первых государств. Еще до нашей эры китайский мыслитель Сунь-Цзы в своем труде «Искусство войны», говоря о психологическом воздействии на противника, выделил основные моменты стратегии по сокрушению противника путем воздействия на мышление. Причем, если проанализировать положения его трудов, становится ясно, что, во-первых, такое воздействие должно быть долговременным и глубоким. А во-вторых, что представляется наиболее интересным, главным объектом такого воздействия представляется не войско противника, а вообще всё общество государства-противника, конечной целью которого должно быть психологическое и моральное разложение этого самого общества, ввиду того, что армия боеспособна только тогда, когда имеет возможность опереться на общество [3].

Исследования в области информационно-психологического воздействия и их возможного применения для достижения политических и военных целей наиболее активно стали проводиться в 20-веке, преимущественно западными странами. Настоящим катализатором для использования подобных методов стало глобальное развитие Интернета и сетей связи. Мы живём в эпоху тотальной информатизации всех сфер общества, а значит и систем. Вся повседневная жизнь связана с информацией. В России Интернетом пользуется 131 миллион человек.

Для населения нашей страны подобные методы являются достаточно новым явлением. Наиболее серьезно российское общество столкнулось с масштабным распространением деструктивного информационно-психологического влияния, начиная с 2022 года. Подобное психологическое воздействие на население несет пря-

мую угрозу не только самому обществу, но и наносит реальный экономический ущерб государству, дестабилизируя его работу.

Говоря о необходимости противодействия информационно-психологическому воздействию на население Российской Федерации, стоит обратить внимание на положительный опыт прокуратуры Российской Федерации по противодействию экстремисткой деятельности, так как, специфика осуществления и цели этих видов преступной деятельности схожи. Более того, в 2022 году на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры, генеральный прокурор в своем выступлении, говоря о работе по противодействию экстремисткой деятельности, особо отметил необходимость активизации надзора, а также принятия дополнительных мер в целях противодействия информационно-психологическому влиянию на население.

Таким образом, деятельность органов прокуратуры по противодействию информационно-психологическому влиянию на население – это одна из составных частей работы по противодействию терроризму и экстремизму [3, с. 46].

В данном направлении применимы инструменты, которые положительно зарекомендовали себя в рамках противодействия терроризму и экстремизму, а также системность и комплексность во взаимодействии с остальными государственными органами.

В то же время, следует усилить координационную роль прокурора на указанном направлении деятельности, с целью установления лиц, осуществляющих распространение информации, носящей экстремистский характер; а также побуждающей к противоправным и незаконным действиям граждан страны, в том числе путем совершения террористических актов, и привлечения их к установленной законом ответственности.

Участие органов прокуратуры в координационной деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью позволяет объединить усилия всех органов государственной власти, в рамках их компетенций, по противодействию информационно-психологическому влиянию, выработать стратегию и тактику противодействия, а также выявить и ликвидировать источники, содействующие осуществлению этого влияния – техническая инфраструктура, информационные источники, источники финансирования, пособники и т.д. Усиление координационной деятельности прокуратуры позволит осуществлять мониторинг состояния рассматриваемой

проблемы, научное и методологическое сопровождение разработки краткосрочных и среднесрочных прогнозов угрозы информационно-психологического влияния, выработка ведомственных и межведомственных планов мероприятий по предупреждению информационно-психологического воздействия на население, модернизация имеющихся и применение новых типов взаимодействия правоохранительных органов в контексте исследуемого вопроса [4, с. 245].

Для необходимости противодействия распространения в СМИ негативной информации, нагнетающей эскалацию в обществе, содержащей призывы к насилию, также следует усилить взаимодействие с поднадзорными правоохранительными и контролирующими органами для выявления Интернет-ресурсов и иных источников, содержащих в себе информацию, распространение которой запрещено в Российской Федерации. После ее анализа в целях блокирования установленных доменных имен, оперативно принимать меры по информированию Федеральной службы по надзору в сфере связи информационных технологий и массовых коммуникаций, в том числе путем незамедлительного направления соответствующих обращений на официальный сайт уполномоченного органа.

Успешному противодействию информационно-психологическому влиянию может способствовать и участие прокурора в разрешении судами дел о приостановлении деятельности, ликвидации общественного объединения либо о запрете ее деятельности, о прекращении деятельности СМИ, об ограничении доступа к аудиовизуальному контенту; о признании информации запрещенной; о признании материалов экстремистскими. Необходимым видится расширение перечня информации, для прекращения доступа к которой не требуется судебное решение.

Подводя итог, можно сказать, сложность данного направления работы прокуратуры связана с постоянным изменением методов осуществления информационно-психологического влияния и новизной подобного рода угрозы, однако прокуратура играет ключевую роль в системе противодействия данной угрозе, совокупность ее полномочий позволяет эффективно противодействовать данному воздействию на общество, а налаженное взаимодействие с другими государственными и правоохранительными органами позволит выработать эффективную систему противодействия новой угрозе.

Список литературы

1. О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон № 2202-1 от 17.01.1992 : в ред. от 25.12.2023 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета РФ. 1992. № 8. Ст. 366.
2. Прокурорский надзор : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А. В. Кикотя, О. В. Химичевой. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2022. 487 с.
3. Безсонов Д. В. Методы информационно-психологического влияния, применяемые украинскими подразделениями информационно-психологических операций против участников СВО, их родственников и других граждан : учеб. пособие / Министерство информации ДНР, 2023. 53 с.
4. Кувардин В. В., Богомолова К. И. Роль органов прокуратуры в противодействии экстремизму и терроризму в современной России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. № 2 (151). 2023. С. 244–250.

Информация об авторах

Виктория Алексеевна Володина – доцент кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета, помощник Пензенского транспортного прокурора.

viktorija.volodina@inbox.ru

Кирилл Олегович Фёдоров – студент Юридического института Пензенского государственного университета.

K.fedoroff@mail.ru

УДК 347

МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ ПРАВОВЫМИ ПОЗИЦИЯМИ ВЫСШИХ СУДОВ РОССИИ

Анастасия Игоревна Журавлева

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с механизмом воздействия правовых позиций высших судов на правоотношения. Доказывается, что ме-

механизм воздействия правовых позиций высших судов на правоотношения – это сложная система, объединяющая нормативное толкование, унифицированное регулирование и социально-правовую защиту. Значение такого механизма раскрывается через возможность адаптации права к постоянно изменяющимся условиям, в которых развиваются правоотношения, с сохранением конституционных принципов и обеспечением стабильности правовой системы.

Ключевые слова: правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации, правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, индивидуальное судебное регулирование, правовая природа, механизм регулирования

Механизм регулирования правоотношений правовыми позициями высших судов России (Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации) в современной системе отечественного права основан на их роли в толковании законодательства, обеспечении единства судебной практики и защите конституционных принципов. Исходя из этого, первостепенное значение для российской правовой науки приобретает правильное понимание элементов этого механизма.

В российской правовой литературе механизм регулирования правоотношений правовыми позициями высших судов исследуется сквозь призму их юридической природы, функций и взаимодействия с законодательством. Так, И. В. Шульга, анализируя природу правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации, указывал на то, что такие позиции имеют не нормативный, а интерпретационный характер, за счет чего обеспечивается переход от абстрактных норм права к обстоятельствам конкретного спора. При этом такие позиции содержат не только указание на применение положений законодательства применительно к конкретному делу или группе споров, но и включают в себя результаты преодоления правовых коллизий, особенности применения принципов права и толкования правовых норм [1, с. 183].

Такой подход указывает на то, что правовые позиции высших судов являются интерпретационными выводами, формирующимися в процессе разрешения конкретного спора (группы споров) и направленными на устранение пробелов или коллизий в законодательстве. С указанной позицией трудно не согласиться, поскольку интерпретационные выводы высших судов направлены на обеспечение единства правоприменения, динамичности правоприменения в условиях статичности законодательства и защиту конституционных основ.

П. А. Гук и М. С. Чунина выделяют корректирующие функции правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации, указывая, что выводы, содержащиеся в Постановлениях Пленума, Обзорах судебной практики и постановлениях по конкретным делам Президиума, позволяют скорректировать несовершенства в действующем законодательстве [2, с. 25].

В российской правовой литературе правовая природа позиций Конституционного Суда Российской Федерации исследуется через их нормативный, интерпретационный и прецедентный характер. Так, Н. В. Витрук указывает на то, что решения Конституционного Суда Российской Федерации представляют собой акты официального толкования Конституции Российской Федерации, обладающие нормативностью и создающие правовые позиции, обязательные для всех субъектов права [3, с. 254]. С. П. Маврин, в свою очередь, указывает на сочетание черт судебного акта и квазинормативного регулятора в правовой природе решений Конституционного Суда Российской Федерации [4, с. 89].

Таким образом, позиции Конституционного Суда Российской Федерации обладают общеобязательной силой и могут быть приравнены к источникам права, поскольку такие позиции не только отменяют неконституционные нормы, но и формируют новые правовые ориентиры. В качестве примера можно привести Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 3-П/1999 о запрете смертной казни до введения судов присяжных во всех регионах, которое создало новую правовую реальность, фактически введя мораторий на смертную казнь [5].

Интерпретационная функция правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации раскрывается через судебное толкование Конституции Российской Федерации путем устранения неопределённости в положениях законодательства за счет признания таких положений не соответствующими Конституции Российской Федерации. Так, Б. С. Ебзев справедливо отмечает, что решения Конституционного Суда Российской Федерации являются актами легальной интерпретации, которые восполняют пробелы в конституционном регулировании [6, с. 76]. В. Д. Зорькин, в свою очередь, отмечает, что интерпретационные решения Конституционного Суда Российской Федерации не создают новых норм, но раскрывают их смысл в контексте конституционно декларируемых принципов [7, с. 112].

Так, например, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации № 3-П от 20 января 2023 г. [8] были уточнены положения статьи 46 Конституции Российской Федерации в части права граждан на судебное обжалование действий (бездействия) Следственного комитета Российской Федерации.

Гражданин С. обратился в Конституционный Суд Российской Федерации, оспаривая положения части 1 статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [9], которые, по его мнению, ограничивали право на обжалование в суд действий следователей Следственного комитета Российской Федерации. Ранее суды отказывались рассматривать жалобы на отдельные процессуальные решения следователей (например, отказ в возбуждении уголовного дела), ссылаясь на то, что они не подлежат судебному контролю в рамках УПК РФ.

Согласно позиции гражданина С., невозможность обжаловать действия следователей Следственного комитета Российской Федерации нарушает положения статьи 46 Конституции Российской Федерации, гарантирующей право на судебную защиту, и такие законодательные пробелы создают «правовой вакуум», лишая граждан эффективного механизма защиты от произвола.

Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации по вышеуказанному делу основывалась на том, что должен быть обеспечен приоритет конституционных прав. В частности, Судом было подчеркнуто о недопустимости исключений для судебного обжалования действий любых государственных органов, включая Следственный комитет Российской Федерации, в рамках статьи 46 Конституции Российской Федерации. Кроме того, правоприменительная позиция сводилась к невозможности ограничения права на судебную защиту в зависимости от ведомственной принадлежности должностных лиц.

Конституционный Суд Российской Федерации признал часть 1 статьи 125 УПК РФ неконституционной в той части, где она исключала возможность обжалования в суд решений следователей СК РФ, не связанных с применением мер процессуального принуждения, и обязал законодателя внести соответствующие изменения в УПК РФ, установив ясный порядок обжалования действий (бездействия) соответствующих государственных органов.

Что касается прецедентной роли позиций Конституционного Суда Российской Федерации, то здесь важно отметить, что, как

и Верховный Суд Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации фактически формирует обязательные для нижестоящих судов правила [10]. Однако назвать такие позиции именно прецедентными с учетом специфики российской правовой системы и доктринальных подходов к судебным прецедентам не представляется возможным. Соответствующие позиции высших судов, содержащие определенные выводы и являющиеся обязательными для применения судами низших инстанций, являются актами индивидуального регулирования правоотношений. Индивидуальное судебное регулирование непосредственно направлено на разрешение споров, защиту прав и законных интересов граждан, что в конечном итоге позволяет осуществлять контроль за законностью действий органов власти и обеспечивает формирование единообразной судебной практики в соответствии с процессуальным законодательством.

Специфика индивидуального судебного регулирования заключается в дискретном характере регулирования конкретных правоотношений, где принимаемый судом акт обязателен для участников данного правоотношения, за исключением случаев преюдициальности. В свою очередь, эффективность индивидуального судебного регулирования зависит от качества законодательства, профессионализма судей, доступности правосудия и исполнения судебных решений, а также развития альтернативных способов разрешения споров.

Вместе с тем, в правовой литературе встречается и иная точка зрения. Так, Д. Г. Хохлов указывает на то, что правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации становятся ориентиром для судов общей юрисдикции, выполняя роль прецедента в условиях отсутствия формального прецедентного права [11, с. 211]. А. И. Петренко акцентирует внимание на том, что прецедентная сила решений Конституционного Суда Российской Федерации проявляется в их способности влиять на разрешение аналогичных дел [12, с. 48].

В качестве примера того, как акт индивидуального судебного регулирования, содержащий позицию высшего судебного органа, использовался нижестоящими судами, можно назвать Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 178-О/2024 о запрете увольнения работников за отказ от вакцинации [13].

Позиция, изложенная в указанном акте, использовалась в трудовых спорах в качестве аргумента.

Суть спора заключалась в том, что гражданка Н., работавшая в образовательном учреждении, была уволена по инициативе работодателя за отказ пройти обязательную вакцинацию против гриппа. Основанием для увольнения послужило нарушение требований статьи 76 Трудового кодекса Российской Федерации (отстранение от работы) (далее – ТК РФ) [14] и статьи 81 ТК РФ (расторжение трудового договора по инициативе работодателя).

Гражданка Н. оспорила увольнение, утверждая, что оно нарушает статью 37 Конституции Российской Федерации (право свободно распоряжаться своими способностями к труду) и статью 41 Конституции Российской Федерации (право на охрану здоровья и медицинскую помощь, включая добровольность медицинского вмешательства).

Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации сводилась к пониманию добровольности медицинских вмешательств. Суд подтвердил, что вакцинация относится к медицинским вмешательствам, требующим добровольного согласия гражданина в соответствии с законодательством об основах охраны здоровья граждан, поэтому принуждение к вакцинации, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом, недопустимо.

Также судом было указано об ограничениях для отдельных категорий работников при отказе от вакцинации. Так, увольнение за отказ от прививки возможно только для сотрудников, чья профессиональная деятельность связана с высокими эпидемиологическими рисками (например, медики, работники пищевой промышленности). Для остальных категорий увольнение является несоразмерной мерой.

В указанной правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации указывалось также на необходимость применения альтернативных мер со стороны работодателя. Работодатель обязан предлагать альтернативу увольнению: перевод на дистанционную работу или временное отстранение без расторжения трудового договора.

Исходя из вышеизложенной правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, следует, что увольнение за отказ от вакцинации противоречит Конституции Российской Федерации, если профессия работника не входит в перечень профессий

с высокими эпидемиологическими рисками, утвержденный соответствующим актом Правительства Российской Федерации. При этом работодатель не вправе применять крайние меры (увольнение) без анализа конкретных обстоятельств и попытки сохранить трудовые отношения.

В указанном примере прослеживается специфика индивидуального судебного регулирования за счет того, что Конституционный Суд Российской Федерации установил баланс между правом работодателя обеспечивать безопасность труда и конституционно декларируемыми правами работника на добровольность медицинских вмешательств и защиту от необоснованного увольнения, подчеркнув, что трудовые отношения не должны превращаться в инструмент принуждения к медицинским процедурам. Рассматриваемая правоприменительная позиция стала ориентиром для судов, защищающим права работников в условиях расширения практики обязательной вакцинации.

Таким образом, через юридическую природу правовых позиций высших судов раскрывается механизм воздействия таких позиций на правоотношения. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации направлены на устранение правовой неопределенности, унификацию и единообразие судебной практики, а также являются своего рода мерой воздействия на законодателя, поскольку могут указывать на пробелы в праве, стимулируя изменения законодательства.

Важно отметить, что механизм регулирования правоотношений, заложенный в правоприменительных позициях высших судов и раскрывающийся через их правовую природу, меняет качественный подход судов не только к толкованию правовых норм, но и к определению сущности правоотношений. В качестве примера можно привести Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 15-П от 26 апреля 2021 года, которое стало важным прецедентом в вопросе, касающемся жилищных прав граждан-банкротов [16].

В законе «О несостоятельности (банкротстве)» со ссылкой на ст. 446 ГПК РФ, указывается, что жилое помещение единственное пригодное для постоянного проживания не может быть реализовано.

Однако на практике в подобных делах стали встречаться жилые помещения от 100 м² и более, дорогие коттеджи, квартиры, в связи с чем, кредиторы, по значительной части дел стали задаваться вопросом о том, насколько, справедливо сохранение за должником очень дорого имущества, которое по факту является роскошным жильем.

Таким образом, в 2021 году Конституционный суд принял решение, разрешив судам обращать взыскание на единственное роскошное жилье должника-банкрота.

Правовые последствия вышеуказанной позиции заключались в изменении положений законодательства о банкротстве в части внесения поправок, об определении достаточного уровня обеспеченности единственным жильем гражданина-должника и членов его семьи.

Полагая их необходимыми, Конституционный Суд Российской указал на обязанность законодателя внести необходимые изменения в гражданское процессуальное законодательство, регулирующее пределы действия имущественного (исполнительского) иммунитета применительно к жилому помещению (его частям), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в данном жилом помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания, с тем чтобы обеспечить возможность удовлетворения имущественных интересов кредитора (взыскателя) в случае, когда соответствующий объект недвижимости по своим характеристикам явно превышает уровень, достаточный для удовлетворения разумной потребности гражданина-должника и членов его семьи в жилище, а также предусмотреть для таких лиц гарантии сохранения жилищных условий, необходимых для нормального существования.

Кроме этого, Конституционный Суд Российской Федерации признал необходимым законодательно урегулировать порядок обращения взыскания на жилое помещение, явно превышающее по своим характеристикам соответствующий уровень обеспеченности жильем, который позволял бы, в частности, выявить, является ли жилое помещение единственно пригодным для проживания собственника и членов его семьи, притом что и понятие (перечень) лиц, определяемых как совместно проживающие с гражданином-должником члены его семьи, также следовало уточнить сообразно предназначению этого регулирования.

Кроме того, вышеуказанная позиция Конституционного Суда Российской Федерации легла в основу защиты прав граждан в процедурах банкротства, по сути, уравнив интересы кредиторов и конституционные гарантии, запретив превращать банкротство в инструмент социальной незащищённости.

Между тем, Верховный суд РФ, так же неоднократно указывал, что замещающее жильё не может быть меньше нормы предоставления жилья и разрешил давать квартиры в пределах не только поселения, но и городской агломерации (№ А73-12816/2019). А позже и уточнил, что понимать под роскошным жильём: недвижимость, существенно превосходящую нормы предоставления помещений на условиях соцнайма в регионе (дело № А27-17129/2018). Для примера, в городе Пенза – это не менее 15 м² на 1 человека.

Правовые позиции высших судов, учитывая специфику их механизма воздействия на правоотношения, играют ключевую роль в регулировании правоотношений, выступая связующим звеном между нормами законодательства и их практическим применением. Их воздействие носит многоуровневый характер, затрагивая законодательство, правоприменительную практику и социальные отношения.

Так, на нормативно-преобразующем уровне правоприменительные позиции высших судов лежат в основе изменений положений законодательства. Высшие суды, формулируя правовые позиции, не создают новые нормы права напрямую, однако их решения оказывают косвенное нормативное воздействие и стимулируют законодательные изменения. Так, признание неконституционными тех или иных положений законодательства соответствующими актами Конституционного Суда Российской Федерации приводит к внесению поправок в соответствующие законодательные нормы.

На интерпретационном уровне посредством правоприменительных позиций Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации осуществляется толкование законодательных положений. Здесь правовые позиции высших судов выполняют функцию легального толкования, устраняя неоднозначности в законодательстве. В качестве примера можно привести Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 25 от 23.06.2015 г. [16], в котором Суд разъяснил, что

«злоупотребление правом» в гражданских спорах должно доказываться не формально, а с учётом реального ущерба.

На унификационном уровне обеспечивается единство правоприменительной практики. Нижестоящие суды обязаны применять законы в соответствии с правовыми позициями высших судебных инстанций, что предотвращает разночтения и обеспечивает единство практики и ее систематизацию.

На социально-правовом уровне посредством механизма регулирования правоотношений правовыми позициями высших судов обеспечивается защита конституционных ценностей за счет непосредственного влияния таких позиций на реализацию прав граждан и баланс публичных интересов. Так, запретив увольнение граждан за отказ от вакцинации при отсутствии законодательных ограничений, Конституционный Суд Российской Федерации защитил права граждан на труд, а ограничив возможность автоматического изъятия имущества в делах о банкротстве – права граждан на жилище. Такие акты создают социальный эффект, повышая доверие граждан к правосудию.

Подводя итог, следует признать, что механизм воздействия правовых позиций высших судов на правоотношения – это сложная система, объединяющая нормативное толкование, унифицированное регулирование и социально-правовую защиту. Их значение раскрывается через возможность адаптации права к постоянно изменяющимся условиям, в которых развиваются правоотношения, сохраняя конституционные принципы.

Список литературы

1. Шульга И. В. Юридическая природа правовых позиций Верховного Суда РФ // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 2. С. 180–187.
2. Гук П. А., Чунина М. С. Акты национального судебного нормотворчества: теория, техника и практика применения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 5 (148). С. 22–28.
3. Витрук Н. В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс. М. : Норма, 2020. 480 с.
4. Маврин С. П. Конституционная юстиция в России. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2018. 216 с.

5. По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судостроительстве РСФСР", Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях"» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 3-П от 02.02.1999 // Собрание законодательства РФ. 1999. № 6. Ст. 867.

6. Эбзеев Б. С. Конституционное право России : учебник. М. : Проспект, 2019. 768 с.

7. Зорькин В. Д. Конституция и права человека в XXI веке: к 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. М. : Норма, 2008. 222 с.

8. По делу о проверке конституционности части первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Саркисяна : постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 3-П от 20.01.2023 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 5. Ст. 914.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18.12.2001 : в ред. от 21.04.2025 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ч. I. Ст. 4921.

10. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2022).

11. Хохлов Д. Г. Конституционный Суд РФ и развитие права. М. : Статут, 2020. 318 с.

12. Петренко А. И. Судебная практика как источник права // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 40–52.

13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Поличинской Ирины Эдуардовны на нарушение ее конституционных прав положениями части первой статьи 76 Трудового кодекса Российской Федерации, а также ряда федеральных законов : определение Конституционного Суда Российской Федерации № 178-О от 30.01.2024 // КонсультантПлюс.

14. Трудовой кодекс Российской Федерации № 197-ФЗ от 30.12.2001 : в ред. от 24.02.2024 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 3.

15. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 25 от 23.06.2015 // Российская газета. 2015. 30 июня.

16. По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И. И. Ревкова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 15-П от 26.04.2021 // КонсультантПлюс.

Информация об авторе

Анастасия Игоревна Журавлева – аспирант кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета.
azz-58@mail.ru

УДК 347.9

АУДИО- И ВИДЕОЗАПИСИ КАК СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

***Валентина Ивановна Засыпалова¹,
Юлия Сергеевна Бутрова²***

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Рассматриваются аудио- и видеозаписи в качестве доказательств по гражданскому делу; исследуются проблемы, связанные с их предоставлением.

Ключевые слова: аудиозапись, видеозапись, доказательства, гражданское судопроизводство

Эпоха XXI века характеризуется резким возрастанием роли технических средств во всех сферах человеческой жизни. Безусловно, научно-технический прогресс коснулся и судопроизводства. В частности, это выражено в появлении новых средств дока-

зывания – аудио и видеозаписей. Как известно, возможность их использования была закреплена впервые в Гражданском процессуальном кодексе РФ (далее – ГПК РФ), принятом в 2002 году [1]. Несмотря на то, что прошло уже более 20 лет, остается много проблем, связанных с использованием аудио и видеозаписей в качестве средств доказывания. Это и обуславливает актуальность выбранной темы.

Следует начать с определения того, что же представляют собой доказательства в современном гражданском процессе. Законодатель в ч. 1 ст. 55 ГПК РФ дает следующее определение: «Доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела».

На основании анализа части 1 статьи 55 ГПК РФ могут быть выделены следующие признаки судебных доказательств:

- доказательства должны быть существенными для конкретного дела и иметь непосредственную связь с обстоятельствами по данному делу (относимость доказательств)
- доказательства могут быть получены только из источников, которые предусмотрены законом, данным признаком определяется процессуальная форма доказательств – объяснения участвующих в деле лиц, свидетельские показания, письменные и вещественные доказательства, экспертные заключения, аудиозаписи и видеозаписи;
- доказательства должны быть получены в установленном законом порядке, этим признаком определяется законность судебных доказательств как критерий их оценки, согласно которому, если сведения получены с нарушением закона, они не могут признаваться судами как доказательства. Аудио- и видеозаписи в случае принятия судом в качестве доказательств должны соответствовать этим требованиям.

Последний признак следует рассмотреть более подробно.

Конституция РФ в главе 2 закрепляет права и свободы человека и гражданина [2]. Среди них в рамках данного исследования наибольший интерес представляет закрепленное в ст. 23 право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Изучив судебную практику,

можно сделать вывод, что при отказе в принятии аудио и видеозаписей в качестве доказательств, суды чаще всего ссылаются именно на данную статью. Однако чаще всего ее смысл неправильно истолковывается, в том числе судьями. Ясность внесло Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1253-О [3], в котором сказано, что право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера; в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если не носит противоправный характер.

Мы считаем, что в случаях, когда могут быть нарушены ст. 23, 24 Конституции РФ, к примеру, если в записи помимо информации, непосредственно относящейся к делу, присутствует информация личного характера, сторона, которая не желает ее разглашения, может подать ходатайство об исследовании данного вида записи судом единолично.

Далее возникает закономерный вопрос, как быть с тем, что чаще всего аудио- или видеозаписи, предоставленные суду в качестве доказательств, получены в ходе скрытой записи? Для ответа на этот вопрос обратимся к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», в п. 55 которого разъяснено, что для признания аудио- или видеозаписи допустимым доказательством согласия на проведение аудиозаписи или видеосъемки того лица, в отношении которого они производятся, не требуется [4].

Изучив судебную практику, можно сделать вывод, что суды первой инстанции часто могут допускать ошибки при оценки аудио- и видео-доказательств. В таких случаях заинтересованные лица порой пытаются признать ролик недопустимым доказательством на основании ст. 152.1 и 152.2 ГК РФ, которые запрещают использовать изображение человека и любую информацию о его частной жизни без его согласия [5].

Подобным образом удалось оспорить видеозапись ИП Лидии Протопоповой в деле № 33-1404/2020. Предприниматель отказа-

лась продавать обувь Наталье Петровой* в своем магазине в Кемерово. Тогда покупательница сняла Протопопову на видео.

Петрова обратилась в Рудничный районный суд города Кемерово с требованием взыскать с продавца компенсацию морального вреда в размере 20 000 руб. и штраф на основании Закона РФ «О защите прав потребителей» за то, что Протопопова отказалась продать ей товар. В качестве доказательства Петрова предоставила в суд видеозапись. Но суд первой инстанции признал ролик недопустимым доказательством, так как он был снят без согласия продавца. Суд посчитал, что подобная запись нарушает положения ст. 152.1 ГК РФ.

С выводами первой инстанции не согласился Кемеровский областной суд [6]. В своем определении суд апелляционной инстанции сослался на положения п. 55 Постановления Пленума ВС от 23.04.2019 № 10 [4]. На основании этих положений областной суд решил, что видеозапись – допустимое доказательство. Здесь речь идет не об обнародовании изображения, а о доказательствах по гражданскому делу, пояснил суд второй инстанции.

Позиция областного суда законна и соответствует сложившейся практике. Согласно ст. 152.1 и 152.2 ГК РФ согласие на съемку действительно не требуется, когда она необходима в государственных, общественных или иных публичных интересах. В соответствии с п. 44. Постановления Пленума ВС от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» им соответствует съемка, которая проводится для целей правопорядка и государственной безопасности [7]. Законна также съемка в местах, открытых для свободного посещения, в том числе на открытых судебных заседаниях или на публичных мероприятиях (п. 45 того же постановления).

Также одним из проблемных вопросов является легкость фальсификации аудио и видеозаписей, предоставляемых суду в качестве доказательств.

Известно, что аудио-, видеозаписи могут быть аналоговыми либо цифровыми. Под аналоговой записью понимается, что звуки, изображения передаются в исходном виде, а значит в них невозможно внести какие-либо изменения и их подделать: в качестве примера видеозаписи можно привести магнитную плёнку. Цифровые записи отличаются тем, что они разделены на определённое

число участков – информационных данных. К цифровым носителям относятся: флеш-карты, дискеты, CD и DVD диски, современные жёсткие диски. В них, в отличие от аналоговых носителей возможно внести изменения, поэтому суд не всегда при их оценке подтверждает подлинность данных доказательств. В свою очередь, некоторые цифровые доказательства могут быть приняты судом в качестве достоверных.

В целях проверки подлинности могут быть привлечены специалисты, способные провести соответствующую экспертизу. Однако данный вид экспертизы является дорогостоящим. Также проблема заключается в том, что если при исследовании представленных аудио–, видеозаписей одной стороной, от противоположной стороны гражданского дела было подано заявление фальсификации таких доказательств, то сторона, подавшая такое заявление, обязана доказать факт его подложности, что возможно сделать только при помощи дополнительных доказательств. Это касается как оригиналов, так и копий аудио, видео-доказательств, потому что не всегда есть возможность предоставить носители информации, на которых находятся оригиналы аудио–, видеозаписи. Например, это может быть мобильный телефон третьего лица.

В качестве решения данной проблемы предлагаем предоставить суду самостоятельное право истребовать оригиналы аудио- и видеозаписей, а в случае невозможности их предоставления в суд руководствоваться ст. 57 ГПК РФ.

Таким образом, аудио- и видеозаписи являются важным и эффективным средством доказывания в судебных процессах. Их объективность, наглядность и неопровержимость делают их ценными доказательствами, способными существенно повлиять на ход и исход судебного разбирательства.

Вместе с тем использование аудио- и видеозаписей в качестве доказательств имеет ряд ограничений и недостатков, которые необходимо учитывать. Возможность манипуляций с записями, нарушение прав граждан, технические ограничения и проблемы с допустимостью доказательств – все это требует тщательного подхода к их применению в суде.

Несмотря на эти сложности, аудио- и видеозаписи остаются важным инструментом в арсенале правосудия. При соблюдении всех необходимых правовых процедур и тщательном анализе, они способны предоставить суду объективную и убедительную картину

событий, лежащих в основе рассматриваемого дела. Их использование может стать ключевым фактором в установлении истины и вынесении справедливого судебного решения.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ от 14.11.2002 : в ред. от 08.08.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2022).

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации № 1253-О от 28.06.2012 // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.05.2025).

4. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 от 23.04.2019 // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.05.2025).

5. Гражданский кодекс Российской Федерации № 51-ФЗ от 30.11.1994 : в ред. от 08.08.2024 // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ч. 1. Ст. 3301.

6. Апелляционное определение Кемеровского областного суда № 33-1404/2020(2-1770/19) от 13.02.2020 по делу // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.05.2025).

7. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 25 от 23.06.2015 // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.05.2025).

Информация об авторах

Валентина Ивановна Засыпалова – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета, судья в почетной отставке.

vizasypalova@mail.ru

Юлия Сергеевна Бутрова – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.

butrowa.julya@yandex.ru

УДК 347.9

РОЛЬ СУДЕБНОГО ПРЕЦЕДЕНТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

***Валентина Ивановна Засыпалова¹,
Мейлис Муратгелдиевич Гошжанов²***

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Анализируется место судебного прецедента в правовой системе РФ, а также перспективы судебного прецедента в РФ в гражданском процессе.

Ключевые слова: судебный прецедент, источник права, правовая система, прецедентное право

Сегодня вопрос, касающийся исследования судебного прецедента как источника современного права России, в том числе гражданского процессуального права, приобретает особую актуальность. Это связано, во-первых, с тем, что в теории права уже давно назрела необходимость в определении таких категорий как «источник права», «прецедентное право» и «судебная практика» (с четким механизмом взаимовлияния и взаимодействия). В этом случае, прецедент предлагается рассматривать как непосредственный источник права, который должен содержать в себе определенное правовоположение, на которое можно ссылаться при принятии юридически значимых решений [1]. Во-вторых, многие ученые-юристы, такие как, например В. Б. Недиков и Д. Б. Булах, в своих трудах поднимают вопрос о необходимости продвижения судебной реформы в Российской Федерации, в ходе которой нельзя замыкаться на конкретной модели тех или иных систем правосудия, или тем

более подражать системам других стран [2, с. 39; 3, с. 112]. Как было отмечено авторами выше, здесь описывается влияние прецедентов на процесс правотворчества и правоприменения в России, а также на формирование юридической практики в целом. Поэтому юристы утверждают, что для совершенствования в России судебного производства, необходимо решить вопрос прецедентности.

Важно понимать, что судебный прецедент всегда вырабатывается в ходе судебной деятельности, то есть, суд таким образом создает новые правовые нормы, выражает толкование закона, излагая их в своем решении, но не стоит забывать, что не каждый судебный орган имеет право на создание судебного прецедента, а лишь тот, который находится на вершине судебной системы. В России – это Конституционный Суд РФ, а также Верховный Суд РФ.

В России судебный прецедент не является источником права, в том числе гражданского процессуального права. Это связано с тем, что судебные органы должны выполнять функции правоприменителя, а не создавать право. Но при разрешении дел судам рекомендуется принимать во внимание сложившуюся судебную практику. Так, согласно ст. 391.9 ГПК РФ нарушение «единообразия в толковании и применении судами норм права» является прямым основанием для отмены решения в порядке надзора [4].

Необходимо более конкретнее рассмотреть данные аспекты и ответить на вопросы, касающийся судебного прецедента, его места в правовой системе РФ, как источника права. Обратимся к мнениям ряда ученых, которые против судебного прецедента, и тех ученых, которые «за» данный источник права в правовой системе РФ.

Так, противники судебного прецедента считают, что все примеры прецедентности в России – это лишь примеры «интерпретационных прецедентов». По мнению ученых-правоведов М. Н. Марченко и Б. Н. Топорнина в российской правовой системе, принадлежащей к романо-германской системе, судебные прецеденты не являются и не могут быть признаны источником права, их можно рассматривать лишь как норму, которая заключена в судебном решении [5, с. 15; 6, с. 35]. В защиту данной позиции правоведы приводят следующие аргументы: во-первых, судебная практика не может рассматриваться в качестве источника права, поскольку это противоречит принципу разделения властей; во-вторых, в романо-германской правовой семье судебная практика не признается

источником права; в-третьих, идея признания судебной практики в качестве источника права несовместима с правотворческой деятельностью российского парламента.

Брянцева В. А., Карев Д. А. пишут, что говоря о возможности судебного прецедента в отечественной правовой системе, следует отметить, что действующее российское законодательство не содержит в себе ни одной нормы, которая напрямую и однозначно одобряла бы данный феномен или запрещала бы рассматривать его в качестве источника права [7]. Единственная норма, которая могла бы содержать соответствующее правовое регулирование, а именно ст. 1 ГПК РФ «Законодательство о гражданском судопроизводстве», определяющая состав соответствующего законодательства, не содержит такого прямого запрета, что оставляет достаточно места для обсуждения данного вопроса в научном сообществе. Более того, указанная статья, как следует из ее наименования, определяет не состав источников гражданского процессуального права, а состав конкретно законодательства о гражданском судопроизводстве, к которому судебный прецедент отнесен не может, также как и судебная практика.

Также Брянцева В. А., Карев Д. А. отмечают, что судебный прецедент не был присущ континентальной системе права, к которой принадлежит право российское, элементы прецедентного права внедряются в российское право в силу объективно существующих процессов глобализации и конвергенции (сближение) правовых систем, выражающихся во взаимном проникновении феноменов, присущих одной системе, в другую [7]. Тезис о том, что судебные прецеденты по своей сути несовместимы с российской правовой системой остается полностью верным, если считать в качестве судебного прецедента решения не высших судебных органов, а иных, нижестоящих судов.

Подводя итоги, отметим, что судебный прецедент – это понятие многогранное. По его поводу высказываются самые разные точки зрения. Судебный прецедент, как источник права имеет как положительные, так и отрицательные аспекты. Несмотря на то, что в России прецеденты не обладают формальной обязательной силой, практика высших судов и их решения все же оказывают значительное влияние на нижестоящие инстанции. Мы считаем, что судебный прецедент как источник права может существовать, как предпосылки для него в судебной системе уже имеются. Это можно

увидеть на примере деятельности высших судов в РФ. Кроме этого, у юристов есть понимание того, насколько судебный прецедент близок к нынешнему российскому правосудию. Также следует отметить, что прецедент может сыграть положительную роль в правовой системе РФ. Прецеденты играют ключевую роль в обеспечении правовой определенности и последовательности, особенно в случаях, когда законодательство не дает четких ответов. Они служат гарантией того, что аналогичные дела будут рассматриваться одинаково, что, в свою очередь, укрепляет правовые основания для защиты прав граждан.

Судебный прецедент в России имеет значительный потенциал для развития правовой системы, однако, для его полноценного функционирования необходимо преодолеть существующие недостатки и проблемы. Эффективное использование судебных прецедентов может стать одним из ключевых факторов в построении правового государства, обеспечивая защиту прав граждан и способствуя качественному развитию правоприменительной практики.

Список литературы

1. Крючкова Г. А. Судебный прецедент в системе источников современного российского права // Вестник магистратуры. 2023. № 3-1 (138). С. 57–58.
2. Недиков В. Б. Судебный прецедент в системе источников современного российского права // Вопросы российской юстиции. 2020. № 10. С. 38–43.
3. Булах Д. Б. О судебном прецеденте как источнике российского права // Евразийская адвокатура. 2020. № 6 (49). С. 111–115.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ от 14.11.2002 : в ред. от 08.08.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
5. Марченко М. Н. Является ли судебная практика источником российского права // Журнал российского права. 2000. № 12. С. 14–15.
6. Топорнин Б. Н. Система источников права: тенденции развития // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 35–36.
7. Брянцева В. А., Карев Д. А. О перспективах судебного прецедента в российской правовой системе // Синергия наук.

URL: <http://synergy-journal.ru/archive/article4228> (дата обращения: 12.05.2025).

Информация об авторах

Валентина Ивановна Засыпалова – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета, судья в почетной отставке.

vizasypalova@mail.ru

Мейлис Муратгелдиевич Гошжанов – студент Юридического института Пензенского государственного университета.

meilisgoshanow@gmail.com

УДК 347.9

УЧАСТИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

***Валентина Ивановна Засыпалова¹,
Валерия Сергеевна Денисова²,
Екатерина Олеговна Люсева³***

^{1,2,3}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Анализируется участие искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве, а также его потенциальные возможности и ограничения. Представлены точки зрения ученых и экспертов на данную проблему, выявляются ключевые проблемы и перспективы внедрения этих технологий в российскую судебную практику.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гражданское судопроизводство, судебная деятельность

В современном информационном обществе, характеризующемся стремительным развитием цифровых технологий, судебная система Российской Федерации стоит перед новыми возможностями. Одним из наиболее перспективных направлений внедрения этих технологий является использование искусственного интеллекта (далее – ИИ) в гражданском судопроизводстве. Искусственный интеллект уже начинает активно применяться в различных сферах жизни, включая судебную деятельность.

Цифровизация судебной системы, которая набирает обороты, как в России, так и в мире, открывает новые возможности для оп-

тимизации судебных процессов, уменьшения судебной нагрузки и повышения скорости принятия решений. Однако это также поднимает ряд важных вопросов о правовых последствиях, моральных и этических аспектах использования решений машин в судебной практике.

Понимание участия ИИ в гражданском судопроизводстве имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку он может существенно улучшать качество и эффективность правосудия в современных условиях. Все это и обуславливает актуальность темы исследования.

Для того, чтобы рассмотреть данный вопрос, в первую очередь необходимо обратиться к понятию «искусственный интеллект», которое закреплено в Указе Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). Искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [1].

Системы ИИ принято делить на два класса – сильный ИИ и слабый ИИ. Сильный ИИ сравнивают с человеческим, так как он может учиться и не уступать по уровню развития большинству людей, а иногда даже превосходить его. Хотя сильный ИИ еще не используется в практике, некоторые исследования и статьи предполагают, что в будущем он может стать полноценным участником гражданских правоотношений, но это требует значительного развития законодательной базы и технологий. Слабый ИИ может совершать только одну операцию, например, осуществлять поиск по запросам в сети Интернет и т.д. В России система «Правосудие Онлайн» должна использовать ИИ для автоматизированного составления проектов судебных актов на основе анализа текста процессуального обращения и материалов судебного дела.

Внедрение ИИ в гражданское судопроизводство учеными оценивается по-разному. Теоретический анализ научной литературы (П. М. Морхат; Е. А. Войникас; Э. М. Пройдаков; М. Зелен; М. Д. Журавлева) показывает, что применение слабого ИИ помогает определять новые возможности в гражданском судопроизводстве. В то же время другие ученые (В. Барышев; В. В. Момотов; И. Постный, и др.) выражают мнение о том, что при использовании ИИ возникает ряд правовых рисков и нерешенных вопросов [2, с. 707].

По мнению А. К. Нестеренко, ИИ может быть использован только в качестве помощника судьи, но не его замены, потому что конечное решение должно оставаться за судьей, а ИИ помогает только в решении типовых и алгоритмических задач.

Председатель Совета судей РФ В. В. Момотов считает, что сильный искусственный интеллект (ИИ) не способен заменить судью, так как ИИ не сможет разобраться в психологических мотивах человека. При этом В. В. Момотов отмечает, что использование слабого ИИ может повысить эффективность правосудия, потому что ИИ будет помогать в осуществлении механической работы. Также он не исключает возможность использования ИИ при рассмотрении бесспорных требований, когда работа судьи носит технический характер, но окончательно решение все же должен принимать человек.

Когда встает вопрос о внедрении ИИ в гражданский процесс, многие авторы полагают, что такое внедрение можно сделать только двумя способами: заменой судьи или созданием помощника судьи. Но мы считаем, что данный перечень не является исчерпывающим. Некоторые авторы (П. М. Морхат и др.) придерживаются мнения, что ИИ может выступать в качестве отдельного участника гражданско-процессуальных правоотношений, так называемым «электронным лицом». Данная позиция подразумевает наделение ИИ определенными правами и обязанностями, что характеризует его как субъекта права, но в отличие от физических лиц его правоспособность ограничена.

Рассмотрим подробнее ситуации, в которых возможно применение способов внедрения ИИ в гражданский процесс.

Замена судьи искусственным интеллектом. Применение ИИ в гражданском процессе возможно при помощи в решении типовых задач или в той сфере, в которой уже существует выработанный алгоритм действий. Например, ИИ может применяться при решении

дел о выдаче судебного приказа. В ст. 122 ГПК РФ содержатся требования, по которым выдается судебный приказ [3]. В п.3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» разъяснено, что требования, которые рассматриваются в порядке приказного производства, должны быть бесспорными [4]. Это делает возможным использование ИИ в приказном производстве без реального участия судьи, так как здесь не требуется состязательность сторон и оценка доказательств судьей, следовательно, кибермозг может вынести решение и разгрузить суд от простых дел.

Но мы считаем, что при вынесении решения ИИ нарушается основной принцип правосудия, а именно осуществление правосудия только судом, закрепленный в статье 118 Конституции РФ, поэтому полная замена судьи ИИ невозможна [5]. ИИ не обладает перечнем человеческих качеств, таких как эмпатия, справедливость, уважение к участникам и порядочность, которые являются критически важными для судебного процесса. Судьи способны видеть скрытые мотивы поведения и распознавать истинные причины действий участников, что невозможно для машинных алгоритмов.

Создание помощника судьи в лице ИИ

В других видах производства (исковом, особом, упрощенном, заочном и т.д.) в гражданском процессе ИИ может применяться при:

- автоматизации рутинных задач (упорядочить документы, сформировать дело, отправить корреспонденцию или составить судебные повестки);
- анализе данных (анализировать огромный объем информации);
- прогнозирование решений (прогнозировать исходы судебных дел на основе судебной практики);
- решении типовых дел (дел на основании похожих исковых заявлений и заявлений на выдачу судебных приказов);
- цифровом протоколировании.

Все эти функции, кроме прогнозирования решений, осуществляет секретарь судебного заседания. В связи с рассмотренным выше, возникает вопрос: «А может ли ИИ стать полноценной заменой данного участника гражданского процесса?».

Е. Р. Крайнова и Е. С. Кованов считают, что в предмет ведения, ориентированный на успешное замещение, могут входить:

- ✓ протоколирование происходящего на судебном заседании в любой форме выражения (аудио и видео);
- ✓ проверка лиц, явившихся в зал суда;
- ✓ осуществление приема документов от граждан и представителей юридических лиц;
- ✓ составление и ведение статистических отчетов, форм первичного учета, учет деловороты;
- ✓ извещение сторон о вызове на судебное заседание, об иных процессуальных действиях в электронном виде;
- ✓ выдача дела и связанных с ним документов по запросу стороны или требованию судьи;
- ✓ передача цифрового варианта дел в вышестоящие судебные инстанции, архив;
- ✓ автоматическое размещение на сайте суда и профильной интернет-платформе списков дел, подлежащих разрешению в корпусе суда, сведений о движении судебного дела, совершенных процессуальных действиях и принятых судебных актах;
- ✓ контролирование процессуальных сроков, установленных для судебных действий.

По мнению Е. Р. Крайновой и Е.С. Кованова, институт секретаря судебного заседания требует упразднения с постепенным переходом на роботизированный аналог, потому что иначе коренным образом модернизировать судебную систему невозможно [6, с. 57]. Однако мы не согласны с данной точкой зрения, потому что секретарь выполняет не только описанные выше функции, но и коммуницирует с участниками процесса и т.д., поэтому возможна только частичная замена данного участника гражданского процесса.

Участие ИИ в гражданском процессе в качестве «электронного лица»

Концепция «электронного лица», предлагаемая для урегулирования искусственного интеллекта как субъекта, является качественно новой и ранее неизвестной праву. Джоанна Брайсон, Михалис Диамантис и Томас Грант особо подчеркивают, что введение термина «электронное лицо» указывает на ясное намерение придать некоторым интеллектуальным артефактам (в том числе и юниту искусственного интеллекта) статус личности, а значит,

наделить соответствующей правосубъектностью. Учитывая позицию, что сущность (субъект), которая каким-либо образом разумна или сознательна, имеет моральное право на собственный правовой статус, указанная концепция демонстрирует, что приобретающая автономность и саморегулирование система искусственного интеллекта начинает претендовать на то, чтобы иметь определенные способности и права. Несмотря на то, что она не является человеком, может презюмироваться, что система обладает необходимым интеллектом, уровнем психологического развития и даже самосознанием, что и человек, чтобы считаться правосубъектной, а также равна по своим возможностям физическому лицу [7, с. 41].

На наш взгляд, наиболее ярко участие ИИ в гражданском процессе в качестве «электронного лица» выражено в создании объектов авторских прав, которые пользуются правовой защитой. Однако российская система права не имеет надлежащей правовой базы, регулирующие вопросы внедрения ИИ в качестве субъекта авторских прав, поэтому участие ИИ в гражданском процессе в качестве «электронного лица» пока невозможно.

На основе изучения различных концепций и подходов к изучению данного вопроса мы сделали вывод о том, что ИИ на современном этапе развития не может являться полноценным участником гражданского судопроизводства, но может выступать в качестве помощника. Он может быть использован для автоматизации рутинных задач, таких как: обработка документов, составление проектов судебных актов, анализ больших объемов данных и прогнозирование решений судебных дел. Это может существенно уменьшить судебную нагрузку и повысить эффективность гражданского процесса. ИИ является перспективным вспомогательным инструментом в гражданском судопроизводстве, но для использования данных возможностей законодателю необходимо разработать нормативно-правовую базу для использования систем на основе ИИ в судах. Для решения этой проблемы мы предлагаем сбалансировать электронный и бумажный оборот документов, обеспечить доступность современных технологий для всех участников процесса и безопасность данных, решение вопросов ответственности за действия ИИ. Только таким образом можно реализовать все преимущества ИИ в судебной системе, сохраняя при этом основополагающие принципы справедливости и прав человека.

Список литературы

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») : указ Президента Российской Федерации № 490 от 10.10.2019 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

2. Адещенко К. Р. Возможности искусственного интеллекта в гражданском процессе // Экономика. Информатика. 2023. Т. 50, № 3. С. 704–711.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ от 14.11.2002 : в ред. от 08.08.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

4. О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 62 от 27.12.2016 : в ред. от 05.04.2022 // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.05.2025).

5. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2022).

6. Крайнова Е. Р., Кованов Е. С. Элементы искусственного интеллекта в организации судебного заседания в гражданском процессе // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 4 (65). С. 54–59.

7. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13, № 2. С. 36–55.

Информация об авторах

Валентина Ивановна Засыпалова – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета, судья в почетной отставке.
vizasypalova@mail.ru

Валерия Сергеевна Денисова – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.

valeriya.denisowa2016@yandex.ru

Екатерина Олеговна Люсева – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.

katyalyuseva4mo13@mail.ru

УДК 347.9

ИСКОВАЯ ФОРМА ЗАЩИТЫ ПРАВА КАК ОСНОВНАЯ ФОРМА СУДОПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

***Валентина Ивановна Засыпалова¹,
Рустам Ильдарович Кадышев²***

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Исследуется сущность исковой формы защиты права в гражданском процессе как основного механизма реализации конституционного права на судебную защиту. Раскрывается двойственная природа иска, включающая как процессуальный, так и материально-правовой аспекты. Рассматриваются структура и классификация исков, условия реализации права на иск, а также средства защиты интересов сторон – обеспечение иска, возражения и встречный иск. Анализируются диспозитивные полномочия участников процесса.

Ключевые слова: иск, гражданский процесс, защита права, исковое заявление, элементы иска, право на иск, обеспечение иска, встречный иск, диспозитивность, судебная защита

Исковая форма защиты права представляет собой ключевое правовое средство, обеспечивающее реализацию конституционного права граждан и организаций на судебную защиту нарушенных или оспариваемых прав и свобод. В условиях правового государства именно обращение в суд с иском позволяет гражданину воспользоваться правосудием в полном объеме и в рамках установленного законом процессуального порядка. Согласно статье 46 Конституции Российской Федерации, каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод [1]. При этом иск выступает не только формой обращения в суд, но и способом осуществления субъективного материального права. Он включает как процессуальную, так и материально-правовую составляющие.

В юридической доктрине сложились три подхода к пониманию иска. Процессуальный подход, сторонниками которого являются М. А. Гурвич и А. А. Добровольский, рассматривает иск

исключительно как процессуальное средство возбуждения дела в суде. С точки зрения материально-правового подхода, развиваемого Н. Б. Зейдером, иск – это требование, основанное на субъективном праве и направленное к конкретному ответчику [2, с. 145; 3, с. 64]. Смешанная теория, поддерживаемая В. М. Семёновым и другими учёными, объединяет обе эти позиции и трактует иск как правовую конструкцию, включающую обращение в суд и изложение спорного материально-правового требования [4, с. 56; 5, с. 23].

Двойственная природа иска подтверждается как юридической практикой, так и положениями действующего законодательства. Иск инициирует судопроизводство и формирует рамки рассмотрения спора, включая в себя определенные структурные элементы, обязательные для любой судебной процедуры. К таким элементам относятся предмет и основание иска, а в ряде научных подходов также выделяется его содержание [6]. Предмет иска – это требование истца, выраженное в его просьбе к суду (например, взыскать долг, признать право собственности), а основание иска – это фактические обстоятельства, на которых это требование основывается. Некоторые авторы включают в число элементов и содержание иска, под которым понимается способ защиты: признание, присуждение, преобразование правоотношений [7, с. 479].

Правильное понимание структуры иска имеет практическое значение, поскольку элементы иска необходимы для установления его тождественности с ранее рассмотренными делами (что может повлечь отказ в принятии искового заявления), для определения объема судебного разбирательства и предмета доказывания. Исковое заявление должно соответствовать требованиям статьи 131 ГПК РФ, а в случае несоблюдения этих требований суд возвращает или оставляет заявление без движения [8, с. 254].

В зависимости от содержания исков, в теории гражданского процесса выделяют три основные группы: иски о присуждении, иски о признании и преобразовательные иски. Иски о присуждении являются самыми распространёнными в судебной практике и направлены на понуждение ответчика к исполнению обязанностей, например, передать имущество, уплатить денежные средства, устранить нарушения. Они обладают исполнительной силой, поскольку по ним выдаются исполнительные листы [9]. Иски о признании направлены на установление наличия или отсутствия юридического правоотношения. Эти иски не влекут за собой принудительных мер, но важны для устранения правовой неопре-

деленности. Примером является иск о признании права собственности или признание сделки недействительной [10, с. 76]. Преобразовательные иски используются для изменения или прекращения материальных правоотношений. Их результатом становится конститутивное решение суда, которое изменяет правовое положение сторон, например, решение о расторжении брака, разделе имущества, изменении условий договора.

Неразрывно с понятием иска связано понятие права на иск. Оно включает в себя как материально-правовой, так и процессуальный аспекты. В материальном смысле право на иск – это возможность субъекта принудительно реализовать свое право в судебном порядке. В процессуальном смысле – это право обратиться в суд с требованием рассмотреть дело. Право на подачу иска связано с рядом предпосылок, предусмотренных гражданским процессуальным законодательством. Такими предпосылками являются наличие процессуальной правоспособности сторон, подведомственность дела суду, отсутствие обстоятельств, исключающих возможность рассмотрения дела (например, наличие вступившего в законную силу решения по тому же спору) [6, с. 473; 7, с. 68].

Значимым элементом механизма исковой защиты является обеспечение иска. Согласно статье 139 ГПК РФ, обеспечение иска представляет собой меры, принимаемые судом в целях предотвращения возможного затруднения или невозможности исполнения решения суда. К таким мерам относятся арест имущества, запрет на совершение определенных действий, приостановление операций по счетам и другие. Суд рассматривает заявление об обеспечении иска в день его поступления, и такие меры могут быть приняты на любой стадии процесса, включая апелляцию и кассацию [6, с. 480; 9].

Необходимость обеспечения иска обусловлена интересами истца, который вправе требовать защиты от недобросовестного поведения ответчика. Однако такие меры также могут повлечь убытки для ответчика, в связи с чем закон предусматривает возможность возмещения причинённого ущерба, если иск будет признан необоснованным.

Ответчик, в свою очередь, наделен правом защищать свои интересы различными способами. Наиболее простым способом являются возражения против иска, которые могут быть как процессуальными (например, указание на неподведомственность, пропуск срока), так и материальными (опровержение обстоятельств, представленных истцом). Более активной формой защиты интересов ответчика явля-

ется подача встречного иска, то есть самостоятельного требования к истцу, поданного в рамках того же дела. Условием принятия встречного иска является его связь с первоначальным требованием: взаимозачет, исключение удовлетворения первоначального иска или целесообразность их совместного рассмотрения [8, с. 154].

Особое значение в исковой форме защиты имеет диспозитивность сторон. Стороны обладают правом распоряжаться своими процессуальными средствами и материалами дела. Истец вправе изменить предмет или основание иска, полностью или частично отказаться от иска. Ответчик может признать иск, а стороны могут заключить мировое соглашение. Все эти действия должны быть одобрены судом, который проверяет их на соответствие закону и недопущение нарушения прав и законных интересов третьих лиц [6, с. 473; 8, с. 127]. Отказ от иска влечет прекращение производства по делу, признание иска – удовлетворение требований истца, а мировое соглашение оформляется определением суда и подлежит исполнению как судебное решение.

Нужно отметить, что исковая форма защиты прав постоянно совершенствуется, о чем свидетельствует правоприменительная практика.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2022).

2. Гурвич М. А. Право на иск. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949. 216 с.

3. Судебное заседание и судебное решение в советском гражданском процессе : учеб. пособие. Саратов : Сарат. юрид. ин-т им. Д. И. Курского, 1959. 99 с.

4. Добровольский А. А. Основные проблемы исковой формы защиты права. М. : Изд-во МГУ, 1979. 159 с.

5. Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса: субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М. : Статут, 2016. 624 с.

6. Жеруолис И. А. Сущность советского гражданского процесса // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2006. № 5. С. 473–639.

7. Шаповалова А. Н. Исковая форма защиты гражданских прав // Российская юстиция. 2018. № 2. С. 65–69.

8. Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под общ. ред. П. Е. Недбайло и В. М. Горшенева. М. : Юрид. лит., 1976. 278 с.

9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ от 14.11.2002 : в ред. от 08.08.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

10. Щеглов В. Н. Советское гражданское процессуальное право (понятие, предмет и метод, принципы, гражданское процессуальное правоотношение) : лекции для студентов. Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 1976. 81 с.

Информация об авторах

Валентина Ивановна Засыпалова – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета, судья в почетной отставке.

vizasypalova@mail.ru

Рустам Ильдарович Кадышев – студент Юридического института Пензенского государственного университета.

хрyctuk007@mail.ru

УДК 347.9

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

***Валентина Ивановна Засыпалова¹,
Марина Александровна Пустовалова²,
Ольга Александровна Шилина³***

^{1,2,3}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Исследуются проблемы реализации принципа доступности правосудия в гражданском судопроизводстве в условиях активной цифровизации судебной системы Российской Федерации; приводится анализ влияния цифровых технологий на обеспечение доступности правосудия, а также роли человеческого фактора в данном процессе. Особое внимание уделено противо-

речиям, возникающим при внедрении электронных инструментов, и их взаимодействию с традиционными принципами гражданского процесса. На основе анализа норм Гражданского процессуального кодекса РФ и практики их применения делаются выводы о необходимости сбалансированного подхода к цифровизации, учитывающего как технологические возможности, так и потребности участников процесса.

Ключевые слова: доступность правосудия, гражданское судопроизводство, цифровизация, человеческий фактор, Гражданский процессуальный кодекс РФ, электронное правосудие, принципы гражданского процесса

Принцип доступности правосудия является одним из ключевых элементов гражданского судопроизводства, закрепленным как в международных, так и в национальных правовых актах.

Внедрение электронных технологий, направлено на упрощение доступа к правосудию. Однако наряду с очевидными преимуществами цифровизации возникают и новые вызовы, связанные с техническими, организационными и социальными барьерами.

Особую актуальность приобретает вопрос о взаимодействии цифровизации и человеческого фактора в гражданском судопроизводстве. С одной стороны, технологии призваны сделать судебный процесс более прозрачным, быстрым и удобным. С другой стороны, недостаточная цифровая грамотность граждан, технические сбои и неготовность судей к работе с новыми инструментами могут создать дополнительные препятствия для реализации принципа доступности правосудия.

Цель данной статьи – проанализировать проблемы реализации принципа доступности правосудия в условиях цифровизации гражданского судопроизводства, уделив особое внимание роли человеческого фактора. В работе используются методы анализа нормативных актов, включая ГПК РФ, а также обобщение научной литературы.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска баланса между технологическими инновациями и традиционными принципами гражданского процесса, такими как равенство сторон, состязательность и справедливость.

Принцип доступности правосудия является одним из фундаментальных начал гражданского судопроизводства, закрепленных как в международных, так и в национальных правовых актах. В статье 46 Конституции Российской Федерации [1] гарантируется право каждого на судебную защиту, что подчеркивает важность

обеспечения реальной возможности для граждан обращаться в суд за восстановлением нарушенных прав. Этот принцип находит свое отражение в Гражданском процессуальном кодексе РФ (ГПК РФ), в частности, в статьях 3 и 35 [2], которые регулируют право на обращение в суд и равенство сторон в процессе. Доступность правосудия предполагает не только формальную возможность подачи иска, но и создание условий, при которых каждый гражданин, независимо от его социального статуса, места проживания или уровня дохода, может эффективно реализовать свое право на судебную защиту.

Цифровизация, происходящая повсеместно и затронувшая судопроизводство, способствует доступности правосудия. Действительно, введение возможности подачи в суды документов в электронном виде, использование систем видеоконференции и веб-конференции при проведении судебных заседаний, всё это упрощает обращения в суд. Те граждане, место жительства которых удалено от места нахождения суда, получили возможность защитить свои нарушенные права практически не выходя из дома. Электронные сервисы, такие как «ГАС правосудие», позволяют участникам процесса своевременно направлять документы, отслеживать статус дел и получать информацию без необходимости личного присутствия. Конечно, несмотря на все положительные моменты, возникают и трудности, обусловленные как цифровой неграмотностью населения, так и техническими неполадками в системах. Все это требует пристального внимания со стороны законодателя, правоприменителей всех уровней.

Стоит выделить несколько положительных аспектов электронного правосудия:

- экономия средств, как для граждан, так и для судов при обращении в суды общей юрисдикции в рамках электронного судопроизводства. Конечно, не всегда можно говорить об экономии средств для юридических лиц, когда для взаимодействия с судом, им необходимы дополнительные материальные затраты для обновления техники и программного обеспечения;

- экономия времени работников суда и участников процесса. Естественно, что электронный документооборот должен сократить затрачиваемое на каждый гражданский процесс время, но не секрет, что если не работник суда, то уж точно не каждый участник

гражданского процесса хорошо разбирается в современных технологиях. Как следствие, излишне затраченное время на подачу в суде электронных документов и их обработка работниками суда;

– доступность и открытость судебной системы. Но по данному аспекту профессор А.Т. Боннер высказал точку зрения о том, что «существенным недостатком электронного обмена документами через каналы Интернет, равно как и недостатком электронного документа вообще, является легкость внесения в него изменений и, как следствие, отсутствие уверенности достоверности» [3].

Несмотря ни на что, в условиях активной цифровизации судебной системы человеческий фактор остается ключевым элементом, определяющим эффективность реализации принципа доступности правосудия. Но внедрение цифровых технологий заставляет предъявлять новые требования к профессиональным навыкам судей, работников аппарата суда, включая умение работать с электронными системами. Это касается и представителей, оказывающих юридическую помощь на договорной основе, поскольку для многих граждан, особенно пожилых или малограмотных в цифровом отношении, использование электронных сервисов в самостоятельном порядке не редко является затруднительным.

При всей необходимости развития информатизации судебной системы существует необходимость сохранения базовых элементов российской судебной системы, интеллектуальная деятельность судьи, судоговорение, принятие решений на основе гуманистического правосудия. Среди высказываний юристов существуют скептические мнения о сохранении в связи с нововведениями базовых фундаментальных принципов гражданского процесса [4].

Одной из основных проблем является отсутствие единого подхода к внедрению цифровых технологий в гражданское судопроизводство. В некоторых регионах техническая инфраструктура развита недостаточно, что создает неравные условия для доступа к правосудию. Кроме того, не все судьи и участники процесса готовы к активному использованию цифровых инструментов.

По нашему мнению, для решения этих проблем необходимо: Развивать образовательные программы для судей и участников процесса, направленные на повышение цифровой грамотности; обеспечить равный доступ к технической инфраструктуре во всех регионах страны; учитывать потребности уязвимых групп насе-

ния, таких как пожилые люди и лица с ограниченными возможностями, при разработке электронных систем.

Проблемы реализации принципа доступности правосудия в гражданском судопроизводстве в условиях цифровизации носят комплексный характер и требуют сбалансированного подхода, учитывающего как технологические инновации, так и человеческий фактор. Для решения этих проблем необходимо развивать образовательные программы, обеспечивать равный доступ к цифровым технологиям во всех регионах страны и создавать механизмы поддержки для тех, кто испытывает трудности при использовании электронных сервисов.

Таким образом, реализация принципа доступности правосудия в условиях цифровизации возможна только при условии комплексного подхода, который учитывает как технологические возможности, так и человеческие аспекты. Только в этом случае можно достичь баланса между инновациями и традиционными принципами гражданского процесса, обеспечив реальную доступность правосудия для всех граждан в соответствии с нормами ГПК РФ и международными стандартами в области прав человека.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2022).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ от 14.11.2002 : в ред. от 08.08.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

3. Боннер А. Т. Доказательственное значение информации, полученной из Интернета // Закон. 2017. № 12. С. 85–98.

4. Петрунина Д. Актуальные проблемы применения электронного правосудия в России. URL: https://zakon.ru/blog/2012/01/12/aktualnye_problemy_primeneniya_elektronnogo_pravosudiya_v_rossii (дата обращения: 25.03.2025).

Информация об авторах

Валентина Ивановна Засыпалова – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета, судья в почетной отставке.

vizasypalova@mail.ru

Марина Александровна Пустовалова – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.

marina.pustovalova.2004@bk.ru

Ольга Александровна Шилина – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.

olga.shilina.24@mail.ru

УДК 347.9

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

***Валентина Ивановна Засыпалова¹,
Виктория Алексеевна Стрелина²***

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Рассматривается институт медиации как важный элемент альтернативного разрешения споров в России. Анализируются принципы медиации, выделяются положительные черты, а также освещаются проблемы данного института.

Ключевые слова: институт медиации, принципы медиации, посредник, медиатор

Медиация – внесудебный способ урегулирования спора при содействии независимого посредника – медиатора, который помогает участникам конфликта прийти к взаимосогласованному решению.

Появление медиации в российском законодательстве было закреплено с принятием Федерального закона от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон) [1]. С тех времен, исходя из требований времени, законодательство о медиации изменялось и дополнялось, что и обуславливает научный интерес к изучению данного института, в том числе изучению его принципов. Анализ данного Закона позволяет выделить следующие принципы института медиации: добровольность; беспри-

страстность и независимость медиатора; конфиденциальность; сотрудничество и равноправие сторон [2, с. 88].

Рассмотрим более подробно каждый принцип института медиации.

Добровольность. Сущность данного принципа заключается в том, что медиатор является лицом свободно выбранным, все решения принимаются только на основе взаимного согласия сторон процесса, при этом каждая из них имеет право отказаться от медиации и прекратить ведение переговоров.

Беспристрастность и независимость медиатора. Посредник не может быть лицом, заинтересованным в конкретном заключении спора и лицом, зависящим от мнения какой-либо стороны процесса или в привилегированном отношении к одной из них в ходе процесса.

Конфиденциальность. Данная особенность подразумевает приватность примирительной процедуры сначала и до конца для лиц, не участвующих в ее проведении. Разглашение решения возможно только в случаях, установленных законом.

Сотрудничество и равноправие сторон. Ни одна сторона не имеет процедурных преимуществ, они имеют равное право высказать свое мнение, оценивать условия соглашения, определять содержание переговоров и другие пункты [3, с. 18].

Медиация в России способствует развитию высокого уровня ответственности за свои действия, самостоятельному разрешению разногласий у граждан.

Вместе с тем у института медиации, как и других элементов, существуют несовершенства, т.е. отрицательные аспекты. К ним относятся:

1. Неопределенный круг вопросов, по которым может применяться процедура медиации. Так, в части 2 статьи 1 Закона включает в сферу своего регулирования споры, возникающие из гражданских правоотношений (в том числе споры, возникающие при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности), а также из трудовых и семейных правоотношений. В то же время часть 5 статьи 1 Закона исключает применение процедуры медиации, если споры, регулируемые частью 2 статьи 1, затрагивают или могут затронуть права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации, или публичные интересы. В Законе нет уточнений, каким образом и какие права и за-

конные интересы третьих лиц для исключения применения могут быть затронуты в процессе спора. Такая правовая неопределенность влечет неоднозначное толкование, что приводит к возникновению трудностей в практической деятельности.

2. Двоякость принципа добровольности. В соответствии с пунктом 1 статьи 4 Закона в случае, если стороны заключили соглашение о применении процедуры медиации и в течение оговоренного для ее проведения срока обязались не обращаться в суд или третейский суд для разрешения спора, который возник или может возникнуть между сторонами, суд или третейский суд признает силу этого обязательства до тех пор, пока условия этого обязательства не будут выполнены, за исключением случая, если одной из сторон необходимо, по ее мнению, защитить свои права. Таким образом, закрепленное в примирительном соглашении обязательство спорящих сторон не обращаться в суд может быть легко преодолено путем обращения одной из сторон в суд или третейский суд. Эта особенность медиации подтверждается пунктом 3 статьи 7 Закона, который устанавливает, что, если иное не предусмотрено федеральным законом, проведение процедуры медиации не является препятствием для обращения стороны спора в суд или третейский суд. Кроме того, любая из спорящих сторон имеет возможность предотвратить применение процедуры медиации к спору, оставив открытым предложение другой спорящей стороны о применении процедуры медиации. В соответствии с пунктом 5 статьи 7 Закона о медиации, если сторона в споре не получит согласия другой стороны на медиацию в течение 30 дней с даты направления предложения другой стороне или в любой другой разумный срок, указанный в предложении, предложение считается отклоненным. Таким образом, медиация может превратиться из быстрого и гибкого механизма разрешения споров в бесполезный процесс, приводя в лучшем случае к обращению в суд для разрешения споров, а в худшем – к постоянно растущему числу споров [4, с. 171].

3. Платность и неопределенная стоимость. В отличие от института судебного примирения, услуги медиатора являются платными. При этом Закон не устанавливает ограничений на стоимость услуг медиатора, нельзя исключать возможность монополизации этой сферы рыночной экономики.

4. Возможность прекращения процедуры медиации по инициативе медиатора. Так, медиатор имеет право прекратить процедуру медиации, направив спорящим сторонам заявление о нецелесообразности продолжения медиации, как это предусмотрено в пункте 3 статьи 14 Закона, свидетельствует о том, что он сам может управлять процедурой, но это может иметь отрицательный итог разбирательства, поскольку ставит под сомнение позицию медиатора как независимого лица, способствующего разрешению спора.

5. Недостаточная востребованность института. В нашей стране население мало информировано о преимуществах медиации. Не все профессиональные юристы подробно знают о процедуре и преимуществах медиации до разрешения спора в суде, а некоторые из них даже никогда не сталкивались с медиацией в своей практике. Таким образом, если профессионалы, основной сферой деятельности которых является помощь в разрешении правовых споров, не имеют опыта использования подобных методов, то что можно сказать о широкой общественности? [5, с. 635].

Введение института альтернативного разрешения споров с участием медиатора имеет и ряд положительных аспектов:

1. Уменьшение потока исковых заявлений в суды, так как примирительные процедуры позволяют учесть интересы обеих сторон.

2. Уход от модели «выигрыш-проигрыш» в судебных разбирательствах, где решение основано на нормах права, а не деловой этике.

3. Конфиденциальность примирительных процедур, позволяющая обсуждать вопросы без ограничений судебного процесса.

4. Сокращение сроков разрешения споров и добровольное исполнение соглашений, достигнутых при помощи медиатора.

5. Возможность договориться о любых условиях урегулирования спора, отвечающих интересам сторон и не противоречащих законодательству.

6. Относительная быстрота процесса медиации, особенно в условиях перегруженности судов и длительных сроков рассмотрения дел.

Подводя итог, следует отметить, что процедура медиации является важной частью гражданского судопроизводства и дает сторонам реальную возможность разрешить спор на взаимовыгодных

условиях. Развитие и распространение этой процедуры в нашей стране не только облегчит работу судебной системы Российской Федерации, но и будет способствовать совершенствованию гражданского общества и повышению правовой культуры населения. Медиация как альтернативный способ разрешения споров имеет ряд важных преимуществ перед судебным разбирательством. В то же время существует ряд проблем, которые не позволяют этой процедуре эффективно работать в рамках гражданского судопроизводства. Для их решения желательно проводить просветительские мероприятия, направленные на информирование населения об альтернативных способах разрешения споров во внесудебном порядке. Также необходимо внести дополнительные нормы, регулирующие данную процедуру.

Тем не менее, государство уже приняло необходимые меры для развития процедуры медиации и повышения востребованности и эффективности применения медиативных процедур в рамках гражданского процесса.

Список литературы

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федер. закон № 193-ФЗ от 27.07.2010 // Российская газета. 2010. 30 июля.
2. Вирченко Ю. А. Жизнь и здоровье пациента как объект компенсации морального вреда // Новый университет. Сер.: Экономика и право. 2011. № 3 (3). С. 87–89.
3. Вирченко Ю. А., Самохвалов Н. А. Процедура медиации в Российской Федерации: плюсы и минусы // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2016. № 4. С. 16–20.
4. Давыденко Д. Л. Из истории примирительных процедур в Западной Европе и США // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 1. С. 165–176.
5. Федюшкина М. С. Проблема процедуры медиации как альтернативы судебному разбирательству в гражданском процессе // Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства : материалы межвуз. науч.-практ. конф. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2019. С. 634–638.

Информация об авторах

Валентина Ивановна Засыпалова – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета, судья в почетной отставке.

vizasypalova@mail.ru

Виктория Алексеевна Стрелина – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.

blossom_08@mail.ru

УДК 347.9

ТРЕТЬИ ЛИЦА КАК УЧАСТНИКИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

***Валентина Ивановна Засыпалова¹,
Владислав Юрьевич Чернов²,
Мария Дмитриевна Юдина³***

^{1,2,3}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Рассматривается понятие третьего лица как участника гражданского судопроизводства. Изучаются история становления данного правового института, виды третьих лиц, особенности их правового статуса.

Ключевые слова: третьи лица, гражданское судопроизводство, участники процесса

В современном правовом обществе очень широко применяется гражданское судопроизводство, как урегулированная гражданским процессуальным законом деятельность суда и других участников процесса, направленная на рассмотрение и разрешение гражданских дел, отнесённых к компетенции судов общей юрисдикции, исполнению судебных актов, а также по альтернативному разрешению споров.

Участниками гражданского судопроизводства, кроме названных судов общей юрисдикции, являются:

- лица, которые выступают сторонами по делу
- лица, которые представляют интересы этих сторон,
- субъекты, оказывающие содействие правосудию [1, с. 274].

Среди лиц, являющимися сторонами по спорному делу, наряду с истцом и ответчиком, выступает такой важный институт участников гражданского судопроизводства как ***третьи лица***.

Если изучить историю становления института третьих лиц, можно сказать, что изначально данный институт зарождался из другого, не менее важного института – представительства.

Во времена Русской правды и Псковской судной грамоты в споры между двумя сторонами (т.н. истцом и ответчиком) имели строго закрытый характер. Никто не мог вмешиваться в их отношения по спорному объекту [2, с. 110].

Позже, с усложнением гражданского права, появляется институт представительства. Это можно заметить в договорных отношениях кредитора и должника, где для взятия долга, должнику надо было привести лиц, подтверждающих имущественное положение предполагаемого должника. Также вскоре стало возможным переложить обязанность выплаты долга на третье лицо [3, с. 1135].

Кроме того, упоминается о такой форме участия третьих лиц в договорных отношениях как дача согласия на совершение сделки. Она возможна, когда одно лицо хочет заключить сделку с другим, но при этом право на объект сделки имеет и третье лицо, которое и даёт согласие на совершение такой сделки.

В советском гражданском праве можно выделить окончательное закрепление института поручительства как одной из форм участия третьих лиц в спорных гражданских правоотношениях сторон. Так, поручитель мог оставлять в залог своё имущество, а также вступать в судебный процесс до вынесения судебного решения первой инстанции на стороне истца или ответчика (например, как гаранта возврата долга должником) [4].

В современном гражданском и гражданско-процессуальном праве закреплён весь опыт института третьих лиц. Так, например, в гражданско-процессуальном кодексе третьим лицам посвящены статьи 42 и 43 [5].

В статье 34 ГПК РФ выделяется понятие третьего лица, как заинтересованного лица гражданского судопроизводства.

Третьи лица отнесены гражданско-процессуальным правом к равноправным участникам гражданского судопроизводства. Такое понимание данного института является вполне обоснованным, так как споры о праве могут затрагивать не только истца и ответчика, но других лиц. Так же может быть и такое, что другое лицо обладает важной информацией для конечного решения данного судебного разбирательства, поэтому возникает необходимость включения данного лица как стороны дела.

Гражданский процессуальный кодекс РФ различает два вида третьих лиц в зависимости от их заинтересованности по предмету спора:

- третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора (ст. 42 ГПК РФ);
- третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора (ст. 43 ГПК РФ).

Для наиболее точного понимания данной категории участников, мы предлагаем шире раскрыть их содержание.

Третьи лица, *заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора*, имеют те же права и обязанности, что и истец (за исключением обязанности соблюдения претензионного или иного досудебного порядка урегулирования спора). Закон наделил их этими правами для эффективной защиты своего права, поскольку они, как и истец с ответчиком имеют право на предмет спора. Следовательно, можно сделать вывод: этот вид третьего лица имеет те же характеристики, что и первоначальные стороны спора, а именно:

- они заинтересованы по предмету спора;
- они также несут судебные издержки;
- на них распространяется сила судебного решения по делу.

Третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора, могут предъявлять иск к любой из сторон, будь то ответчик или истец, а также к одному из них. При этом после предъявления иска к обеим из сторон, все первоначальные стороны становятся ответчиками по иску третьего лица [6, с. 196].

Поскольку третье лицо данного вида наделяется правами истца, следует сравнить данные категории участников.

Как и у истца, у заинтересованного третьего лица возникает спор о предмете, но при этом есть и ряд отличий:

- у истца и третьего лица могут быть разные основания для спора. Например, истец может предъявить иск на получение наследства в законном порядке, а после начала судебного разбирательства третье лицо может предъявить иск на право получения наследства по завещанию;
- у истца и третьего лица может быть различная заинтересованность, т.к. третье лицо может предъявить иск против истца;
- истец вступает в спорные отношения гораздо раньше, чем третье лицо (собственно, поэтому третье лицо так и называется) [7, с. 127].

Третьи лица, *не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора*, могут присоединиться к разрешению дела при условии, если оно может повлиять на их права или обязанности по отношению к одной из сторон. Они пользуются теми же правами и несут те же обязанности, что и любая сторона по спорному делу, за исключением права:

- 1) на изменение основания или предмета иска;
- 2) на увеличение или уменьшение размера исковых требований;
- 3) на отказ от иска;
- 4) на признание иска;
- 5) на предъявление встречного иска;
- 6) на требование принудительного исполнения решения суда.

Также третьи лица, *не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора*, вправе выступать участниками мирового соглашения в случаях, если они приобретают права либо на них возлагается обязанность по условиям данного соглашения.

Для такого вида третьих лиц характерны следующие признаки:

- они не заявляют самостоятельных требований на предмет спора;
- они выступают на одной из сторон;
- так же они вступают в дело по инициативе истца, суда или ответчика;
- имеют правовую связь только с той стороной, на чьей стороне выступают.

Если третье лицо выступает на стороне ответчика, то он имеет правовую связь только с ним и несёт ответственность, только перед ним, ведь оно не заявляет требований относительно предмета спора.

Данное третье лицо не претендует на объект спора, а вступает в дело лишь потому, что решение по делу может повлиять на его права или обязанности по отношению к одной из сторон.

У двух категорий третьих лиц есть *определённые сходства*.

Так, например, третьи лица вступают в уже начатое судебное разбирательство. Причём вступить в спорное дело они могут до принятия судом первой инстанции постановления по делу (фактически до удаления суда в совещательную комнату). При этом при вступлении третьего лица в разбирательство по делу судебный процесс начинается с самого начала.

Также, если третье лицо присоединяется к начатому делу, выносится судебное определение о признании его третьим лицом в конкретном судебном процессе. При этом следует уточнить, что если лицо, претендует на участие в деле как третье лицо, заявляющее самостоятельные требования, то суд может отказать ему в этом. На такое определение может быть подана частная жалоба. Но, при этом, если судебным определением отказано в признании лица третьим лицом, не заявляющим самостоятельных требований относительно предмета спора, то такое определение не может быть обжаловано, так как не препятствует дальнейшему движению дела [8, с. 9].

Несмотря на конкретное закрепление института третьих лиц в российском гражданско-процессуальном законодательстве, существует ряд проблем, решение которых, на наш взгляд, позволит развить этот институт в гражданском процессе.

Как уже упоминалось ранее, со вступления третьего лица в судебное разбирательство, рассмотрение дела начинается с самого начала. Это затягивает судебный процесс и способствует нарушению сроков для рассмотрения гражданских дел в первой инстанции [9], так как в последующем потребуются новые доказательства, привлечение новых лиц в дело и др. В данном случае стоит сократить сроки вступления третьего лица в дело, например, на стадии подготовки дела к судебному разбирательству.

Второй проблемой является определение судом статуса третьих лиц. Перед тем, как третье лицо вступит в судебное разбирательство, суду необходимо вынести определение о признании либо об отказе в признании их таковыми. На данном этапе возможно неправильное определение судом процессуального статуса третьих лиц, вследствие чего выносится определение об отказе признания лиц третьими лицами. Стоит сказать, что законодатель даёт возможность обжаловать данное определение отношении третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования, но это как говорилось ранее, только затягивает судебное разбирательство.

Также следует обратить внимание на случаи, когда требуется исключить третье лицо, ошибочно привлечённое к участию в деле, из числа лиц, участвующих в деле. По общему правилу, привлечённое ошибочно третье лицо должно присутствовать в гражданском деле до конца судебного разбирательства, т.е. до вынесения судебного решения. Исключение третьего лица из судебного раз-

бирательства способствует уменьшению процессуальных издержек, к которым в соответствии со ст. 94 ГПК относятся в том числе и расходы на проезд и проживание сторон и третьих лиц, понесенные ими в связи с явкой в суд. Поэтому требуется законодательно детально урегулировать способы и обстоятельства, при которых возможно исключения лица, имеющего в деле статус третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования, из числа участников процесса [10].

Стоит сказать, что суду в соответствии с законодательством представляется возможность привлекать к участию третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, по собственной инициативе. Так, в п. 61 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» указывается, что, когда в деле страховщик несет ответственность за станцию технического обслуживания, суд обязан привлекать станцию в дело в качестве третьего лица, не заявляющее самостоятельных требований относительно предмета спора. [10].

В завершение хотим сказать, что роль третьих лиц в гражданском процессе велика. Благодаря этому институту выполняется главная функция судопроизводства – законное и обоснованное решение по делу, а также правильное решение спора между сторонами. Вступая в дело, третье лицо представляет доказательства и привлекает других лиц, что имеет большое значения для полного и объективного разрешения дела. Также участие третьих лиц помогает исключить вынесение неправильных судебных решений, что исключает их обжалование и затягивание судебного разбирательства.

Список литературы

1. Коваленко А. Г., Мохова А. А., Филиппова П. М. Гражданский процесс : учебник. М. : КОНТРАКТ : ИНФРА-М, 2008. 448 с.
2. Чернобель Я. А. Развитие учения о третьих лицах в источниках российского гражданского права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 8 (93). С. 109–118.

3. Свод законов Российской Империи: издание 1876–1917 гг. СПб., 1876–1917. 3361 с.
4. Гражданский Кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 11.06.1964 : в ред. от 26.11.2001 // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.05.2025).
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ от 14.11.2002 : в ред. от 08.08.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
6. Мирошниченко И. Р. Некоторые проблемные вопросы участия третьих лиц в гражданском судопроизводстве // Вопросы студенческой науки. 2021. № 6 (58). С. 193–197.
7. Цепцова Д. С. Третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора // Молодёжь и наука : сб. материалов VI Всерос. науч.-технич. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных. Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2011. С. 126–128.
8. Везеничев В. В. Роль третьих лиц в гражданском процессе // Аллея Науки. 2021. № 1 (52). С. 6–11.
9. Халилулин Д. Ш., Капцинель М. В. Актуальные проблемы участия третьих лиц в гражданском процессе // Новый юридический вестник. 2023. № 3 (42). С. 47–55.
10. О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 31 от 08.11.2022 // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.05.2025).

Информация об авторах

Валентина Ивановна Засыпалова – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета, судья в почетной отставке.

vizasypalova@mail.ru

Владислав Юрьевич Чернов – студент Юридического института Пензенского государственного университета.

vladchernov20004@icloud.com

Мария Дмитриевна Юдина – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.

yudinamariya2014@yandex.ru

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАБОТЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

*Татьяна Сергеевна Львова¹,
Екатерина Викторовна Баранова²*

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. В период стремительного развития цифровых технологий правоохранительные органы сталкиваются с новыми вызовами и возможностями. Цифровые технологии, с одной стороны, предоставляют правоохранительным органам беспрецедентные инструменты для борьбы с преступностью, а с другой – расширяют возможности преступников, создавая новые формы и методы совершения правонарушений. Рассмотрены конкретные примеры использования цифровых технологий в работе правоохранительных органов, на основании чего выявлены преимущества и недостатки их применения.

Ключевые слова: правоохранительные органы, цифровые технологии, органы внутренних дел, искусственный интеллект

Функционирование и деятельность демократического правового государства невозможна без обеспечения стабильности и безопасности его населения. Данная цель положена в основу правоохранительной функции государства и является основой деятельности правоохранительных органов.

Реализуя данную цель, правоохранительные органы приобрели важную роль в обществе и государстве. Сейчас они обеспечивают безопасность и сокращают преступность, стимулируют правопорядок, сотрудничают с населением.

Исходя из этого, значимость деятельности правоохранительных органов трудно переоценить. Однако, чтобы эта деятельность была более эффективной, необходимо обеспечить определённые условия, которые позволят правоохранительным органам работать на высоком уровне [1]. Одним из таких условий в настоящее время выступает возможность применения цифровых технологий.

Цифровые технологии предлагают для современного общества и государства новые возможности и условия развития [2, с. 114]. Они уже прочно вошли во все сегменты общества и динамично развиваются. Однако цифровизация общественных отношений как положи-

тельно, так и отрицательно сказывается лицах, задействованных в этих процессах.

Так, например, законопослушный гражданин обращается к цифровым технологиям для комфортного доступа к государственным услугам (например, дистанционно заполняет электронную форму на сайте ФНС России, а не лично идет в орган). В тоже время в преступном мире те же цифровые технологии используются для совершения преступлений (например, создание веб-страницы похожей на веб-страницу популярного сервиса с целью получения доступа к данным банковской карты (фишинг).

Для формирования представления о преимуществах и недостатках применения цифровых технологий в работе правоохранительных органов считаем необходимым рассмотреть ряд примеров цифровых технологий, уже внедренных в правоохранительную систему России.

С 2014 года на территории всей страны стал внедряться аппаратно-программный комплекс «Безопасный город» (АПК). Согласно Концепции построения и развития АПК, утв. Распоряжением Правительства РФ от 03.12.2014 № 2446-р, целью данной автоматизированной информационной системы выступило решение задач в сфере обеспечения безопасности населения и инфраструктуры, безопасности на транспорте и экологической безопасности, а также обеспечение координации и взаимодействия между органами государственной власти и местного самоуправления для решения этих задач [3].

Обращаясь к правоохранительному блоку данного АПК, отметим, что камеры видеонаблюдения, которые фиксируют нарушения общественного порядка и правил дорожного движения, установлены и функционируют во всех субъектах и обеспечивают круглосуточный мониторинг общественных мест и ключевых объектов.

При этом важно отметить, что «Безопасный город» направлен не только на фиксацию уже свершившегося нарушения, но и на предупреждение нештатных, чрезвычайных ситуаций до момента их появления.

В связи, с чем возможность правоохранителей обращаться к использованию данных видеоматериалов позволяет не только ускорить расследование уже свершенного преступления, но и предотвратить его на ранней стадии. Также посредством городских

видеокамер, возможно, осуществить и поиск подозреваемых, отследить маршрут их передвижений и так далее.

В настоящее время одной из передовых технологий, совершенствующих методы обработки информации, внедряемых в деятельность государственных органов по борьбе с преступностью, является технология нейросетей, искусственного интеллекта [4].

В качестве примера внедрения и реализации данных технологий стоит обратиться к Распоряжению МВД России от 11.01.2022 № 1/37 «Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2022–2024 годы». Так, программа акцентирует внимание на методах машинного обучения и необходимости их внедрения в деятельность органов внутренних дел [5].

Реализация данного положения осуществляется в том числе за счет следующего. В деятельности правоохранительной системы безусловным лидером применения систем искусственного интеллекта выступает российская компания NtechLab.

NtechLab на базе искусственного интеллекта и биометрической идентификации разработана платформа мультиобъектной видеоаналитики FindFace Multi, обеспечивающая распознавание лиц и силуэтов, объектов и автомобилей, а также действий с целью решения широкого спектра задач [6].

Наиболее ярким примером внедрения указанной платформы в деятельность МВД России выступило задержание в период Чемпионата мира по футболу в 2018 году 98 преступников, найденных при помощи технологии NtechLab. Так, посредством доступа к камерам, оборудованным по программе «Безопасный город», алгоритм FindFace Multi анализировал лица болельщиков и сравнивал их с изображениями преступников заранее загруженных в базу данных. Если находилось сходство, об этом сразу же сообщалось в правоохранительные органы. После этого с января 2020 года данная система была внедрена в г. Москва и в настоящее время уже применяется более чем в 20 регионах России.

Высокую результативность также показал цифровой продукт российской компании VOCORD. Так, VOCORD Traffic представляет собой многофункциональную интеллектуальную систему контроля движения для распознавания автомобильных номеров и фотовидеофиксации более 15 видов нарушений ПДД [7].

Интерес представляет сохраняющее постоянство взаимодействие органов внутренних дел с еще одной российской компанией –

«Интернет-розыск», которой разработаны цифровые продукты, имеющие своей целью поиск лиц, использующих интернет-технологии для совершения правонарушений [8].

Стоит также обратить внимание и на запущенную Роскомнадзором в феврале 2023 года систему «Окулус», предназначенную для обнаружения нелегальных фото- и видеоконтентов. Так, за счет применения данной системы предполагается выявлять нарушения российского законодательства в графическом и видеоконтенте (например, такие нарушения как экстремистская деятельность, самоубийство, наркотический контент и другое). Для этого система обеспечена технологиями распознавания изображений и символов, действий, не соответствующих закону, а также анализа текст в фото- и видеоматериалах [9].

Приведенные примеры не являются исчерпывающими поскольку несмотря на возможности цифровых технологий, охватить ими все существующие общественные отношения невозможно. Вместе с тем приведенные примеры позволяют нам выявить ряд преимуществ и недостатков применения цифровых технологий в работе правоохранительных органов.

К основным недостаткам применения цифровых технологий следует относить:

1. Низкая готовность инфраструктуры правоохранительных органов к внедрению цифровых технологий, а также нехватку цифровых компетенций у сотрудников.

2. Трудности обеспечения информационной безопасности, а также конфиденциальности данных.

3. Необходимость соблюдения законодательства, которое не успевает за изменением технологий.

4. Этические проблемы применения цифровых технологий, включая нарушение приватности граждан, дискриминацию отдельных категорий людей, цифровое неравенство, риски злоупотреблений со стороны самих сотрудников и так далее.

Вместе с тем, указанные недостатки не являются непреодолимыми и их можно преодолеть, ввиду наличия следующих преимуществ:

1. За счет развития новых каналов коммуникации (социальных сетей, приложений, аудиовизуальных сервисов и так далее) улучшена и существенно упрощена процедура взаимодействия между сотрудниками правоохранительных органов, а также между

ними и населением. Внедрение цифровых платформ в работу правоохранительных органов позволяет координировать деятельность структур, оперативно получать информацию, имеющую значение для правоохранителей, а также оперативно управлять ресурсами.

2. Повышение эффективности расследований и сбора доказательств. Цифровые технологии позволяют оперативно и эффективно собирать, анализировать и обрабатывать большие объемы информации в целях дальнейшего принятия решений на её основе. За счет этого обеспечивается более эффективное прогнозирование преступности, её предупреждение, а также последующее расследование преступлений.

3. Повышение безопасности и защиты информации. Внедрение цифровых технологий распределенного реестра позволяет уменьшить риски потери данных, их несанкционированного изменения.

4. Автоматизация процессов и сокращение затрат (как финансовых, так и трудовых).

5. Повышение уровня безопасности за счет возможностей дистанционного мониторинга.

Рассматривая данные преимущества, можно отметить, что в будущем следует ожидать дальнейшего прогресса цифровых технологий в сфере правопорядка. Так, предполагается расширение использования искусственного интеллекта, разработка новых средств анализа больших объемов данных, улучшение алгоритмов распознавания лиц и речи, совершенствование систем видеонаблюдения. Важно, чтобы развитие цифровых технологий в правопорядке сопровождалось ответственным подходом, учитывающим этические аспекты и права человека. При соблюдении этих условий цифровые технологии смогут стать действенным инструментом для создания более безопасного и справедливого общества.

Список литературы

1. Глухова Е. О., Мельник А. С. Значимость деятельности правоохранительных органов в предотвращении и пресечении преступности // Базис. 2023. № 2 (14). С. 52–57.

2. Рамалданов Х. Х. Использование цифровых технологий при производстве следственных действий // Теория и практика современных информационных технологий при реализации функций

органов прокуратуры : монография / под. ред. Т. И. Отческой, Н. В. Мишаковой. М. : Блок-Принт, 2023. С. 113–118.

3. Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» : распоряжение Правительства РФ № 2446-р от 03.12.2014 : в ред. от 05.04.2019 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 50. Ст. 7220.

4. Волкова В. В., Галдина Э. О. Использование цифровых технологий в органах внутренних дел // Современная научная мысль. 2022. № 6. С. 287–291.

5. Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2022–2024 годы : распоряжение МВД России № 1/37 от 11.01.2022 : в ред. от 30.06.2022. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=422847&dst=110971#0XR1RQUtCLOqUEPP> (дата обращения: 06.10.2024).

6. Платформа мультиобъектной видеоаналитики Findface Multi. URL: <https://ntechlab.ru/findface-multi/> (дата обращения: 06.10.2024).

7. Распознавание номеров и фиксация нарушений ПДД. URL: <https://www.vocord.ru/products/vocord-traffic/> (дата обращения: 07.10.2024).

8. Расследование преступлений, совершенных с помощью интернет-технологий. URL: <https://интернет-розыск.рф/internet-rozysk> (дата обращения: 07.10.2024).

9. Роскомнадзор запустил систему автоматического поиска запрещенного контента «Окулус». URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/02/13/962682-roskomnadzor-zapustil-sistemu-poiska-okulus?ysclid=m1krnpzq3y205943387> (дата обращения: 07.10.2024).

Информация об авторах

Татьяна Сергеевна Львова – доцент кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета, юрисконсульт ООО «Юридическая компания».

lts.lvova@yandex.ru

Екатерина Викторовна Баранова – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.

b84ranova@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЙ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ И СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ В РОССИИ

*Анна Федоровна Мещерякова¹,
Эльдар Музафьярович Дашкин²*

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Исполнение судебных решений представляет собой завершающую стадию судебной защиты, от эффективности которой зависит реализация прав граждан и организаций. Однако в России сохраняется ряд институциональных и правовых барьеров, снижающих эффективность этой стадии. Рассматриваются ключевые проблемы исполнения судебных актов с акцентом на специфику арбитражной и общей юрисдикции, анализируются причины неисполнения решений, а также предлагаются меры по повышению результативности исполнительного производства.

Ключевые слова: исполнительное производство, судебное решение, арбитражный суд, общая юрисдикция, Федеральная служба судебных приставов, имущественный иммунитет, цифровизация, эффективность правосудия

Исполнение судебных актов – завершающая и ключевая стадия судебной защиты прав. Без реального исполнения судебных решений провозглашенная судебная защита превращается в формальность. В Российской Федерации, несмотря на наличие разветвленной системы органов принудительного исполнения и формально закрепленных процессуальных механизмов, сохраняются многочисленные проблемы, препятствующие полной реализации вынесенных судебных решений.

Согласно статистике Федеральной службы судебных приставов (далее – ФССП), В 2024 году для принудительного исполнения поступило 72,3 млн. исполнительных документов (в 2023 году – 71 млн.) [1].

Эти цифры лишь подчеркивают возросшую нагрузку на органы исполнения и необходимость комплексного анализа факторов, препятствующих достижению целей правосудия. Рассмотрим ключевые из них.

Одной из наиболее устойчивых проблем в механизме принудительного исполнения остается затягивание сроков исполнения судебных актов. Несмотря на установленные законом временные

рамки, как в рамках добровольного исполнения, так и в рамках исполнительного производства, предусмотренного ФЗ «Об исполнительном производстве» [2]), сроки исполнения нередко существенно превышают допустимые пределы. Такая ситуация подрывает саму идею своевременного и эффективного правосудия, нарушая принцип правовой определенности.

Серьезным препятствием на пути реализации судебных решений выступает также низкая эффективность деятельности судебных приставов-исполнителей. На практике они сталкиваются с чрезмерной нагрузкой, нехваткой материальных и кадровых ресурсов, административным давлением и коррупционными рисками, что в совокупности приводит к снижению качества и результативности их работы. По официальным данным, в среднем на одного судебного пристава-исполнителя приходится около 5 тысяч производств, что в 18,8 раза превышает установленную норму нагрузки, утвержденную постановлением Минтруда России и Минюста России от 15.08.2002 № 60/1 «Об утверждении Норм нагрузки судебных приставов» [1].

Особенно остро проблема проявляется при исполнении решений в отношении юридических лиц, обладающих высоким потенциалом для уклонения от исполнения. Эффективность взыскания в таких случаях остается низкой, что в значительной степени обусловлено не только недостатками в организации деятельности ФССП, но и объективными факторами – отсутствием у должников ликвидных активов, массовым применением ими схем фиктивного банкротства. Перегруженность персонала, формальный подход к выполнению функций, слабая цифровая инфраструктура и недостаточная мотивация сотрудников создают предпосылки для фактической пассивности органов исполнения. Все эти факторы в совокупности размывают содержание и смысл базовых принципов и задач правосудия, а также снижают доверие общества к судебной системе [3, с. 464].

Дополнительную сложность в реализации исполнительных документов представляет злоупотребление со стороны должников. Широко распространены практики сокрытия имущества, оформления активов на аффилированных лиц, инициирования фиктивных процедур банкротства. Обнаружение и доказывание таких схем требует значительных ресурсов, временных затрат и координации

между различными органами, что в большинстве случаев тормозит процесс взыскания.

В части исполнения решений арбитражных судов, так же можно выделить ряд проблем. К примеру, исполнение судебных актов, вынесенных арбитражными судами, сопровождается рядом специфических трудностей, особенно когда речь идет о юридических лицах-должниках. Несмотря на установленную обязательность исполнения решений, значительное количество исполнительных документов остается неисполненным. Наиболее типичны ситуации, когда должник представляет собой предприятие с признаками преднамеренного банкротства либо формально зарегистрированную компанию без реальных активов, так называемую «фирму-однодневку».

Дополнительным фактором, затрудняющим исполнение, выступает недостаточный контроль со стороны государственных органов. На практике взыскателю приходится самостоятельно отслеживать ход исполнения, обращаться с жалобами на бездействие судебных приставов и инициировать административные либо судебные процедуры, что требует значительных временных и финансовых ресурсов, особенно для субъектов предпринимательства.

Особого внимания заслуживает вопрос исполнения решений иностранных арбитражных судов. В соответствии с положениями Нью-Йоркской конвенции 1958 года, такие решения подлежат признанию и приведению в исполнение на территории Российской Федерации. Однако на практике процедура сопряжена с многочисленными задержками и отказами, нередко аргументируемыми ссылками на нарушение публичного порядка. Это создает риски для участников международного коммерческого оборота и снижает инвестиционную привлекательность юрисдикции.

В отдельную группу можно отнести проблемы исполнения решений судов общей юрисдикции. Так, решения, вынесенные судами общей юрисдикции, нередко касаются вопросов социальной направленности – взыскания алиментов, заработной платы, компенсации морального вреда и иных выплат, связанных с личными неимущественными отношениями. Основная проблема в этой сфере заключается в невозможности исполнения актов из-за отсутствия у должников официального дохода или имущества, подлежащего взысканию. В ряде случаев затруднения обусловлены социальной уязвимостью сторон – как должника, так и взыскателя.

Нередко затруднения в реализации судебных решений связаны не с действиями или бездействием органов принудительного исполнения, а с пассивной позицией самого взыскателя. Бывают случаи, когда лицо, выигравшее судебное дело, не предпринимает дальнейших действий по его исполнению (не обращается за исполнительным листом, не инициирует исполнительное производство или сознательно отказывается от получения взысканного, например, из-за высоких издержек на процедуру исполнения). Это приводит к тому, что само судебное решение приобретает формальный характер.

Стоит, отметить и отдельные проблемы правового характера.

К числу ключевых правовых затруднений следует отнести неоднозначность регулирования института имущественного иммунитета. Согласно действующему законодательству, отдельные категории имущества не подлежат взысканию: в их число входят единственное жилье, детские пособия, определенные виды социальной помощи и иные средства, защищенные от принудительного изъятия. Вследствие этого, даже при формальном наличии активов, исполнение судебного акта может оказаться невозможным.

Кроме того, несмотря на внедрение электронных сервисов, включая систему «Цифровой исполнительный лист» и платформу «ФССП-онлайн», уровень цифровизации остается недостаточным [4, с. 97]. Интеграция с базами данных Росреестра, налоговых органов, ГИБДД, банковских учреждений и иных регистрационных систем реализована лишь частично. Это препятствует своевременному выявлению имущества и финансовых активов должников, снижая оперативность исполнения.

Отдельного внимания заслуживает вопрос нечеткой регламентации субъектов исполнительного производства, уполномоченных на исполнение решений арбитражных судов. Перечень таких субъектов не классифицирован на уровне нормативного регулирования, что вызывает правовую неопределенность при установлении конкретного органа, ответственного за реализацию судебного акта в каждой конкретной ситуации [5, с. 392].

Нами были рассмотрены многие, но далеко не все проблемы исполнения решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции, однако даже они показывают существенные сложности, которые существуют в данной сфере. Решение данным проблем, является важной задачей стоящей перед органами юстиции.

Так, анализ существующих проблем в исполнительном производстве свидетельствует о необходимости реализации целого комплекса взаимосвязанных правовых, организационных и институциональных мер, направленных на повышение эффективности реализации судебных актов. Одним из первоочередных направлений реформирования должно стать усиление юридической ответственности за уклонение от исполнения решений суда. Данный подход предполагает не только ужесточение действующих норм Уголовного кодекса РФ и Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, но и расширение практики применения санкций имущественного характера к недобросовестным должникам, в том числе юридическим лицам, умышленно создающим условия для уклонения от исполнения. Важно при этом четко разграничивать меры воздействия на физических и юридических субъектов, что позволит избежать чрезмерной репрессии в социально чувствительных категориях дел, сохранив при этом элемент превентивного воздействия.

Вторым направлением выступает всесторонняя цифровизация процессов, связанных с розыском имущества и иных активов должников. В частности, Р. А. Дич справедливо указывает на необходимость обеспечить полноценную интеграцию информационных систем ФССП с базами данных Росреестра, Федеральной налоговой службы, органов ГИБДД, а также кредитных организаций и государственных реестров (ЕГРЮЛ, ЕГРИП) [4, с. 98]. Такая унификация должна быть не формальной, а действующей в реальном времени, что обеспечит сокращение сроков выявления и ареста имущества и исключит злоупотребления со стороны должников. В долгосрочной перспективе внедрение интеллектуальных алгоритмов обработки данных в рамках единого цифрового интерфейса позволит не только автоматизировать отдельные элементы процедуры, но и повысить прозрачность и контролируемость всего исполнительного производства.

Особое внимание следует уделить пересмотру процессуального статуса взыскателя. В современных условиях ограниченные полномочия этой стороны создают существенные барьеры для защиты ее законных интересов. Расширение прав взыскателя должно включать возможность самостоятельного направления запросов в органы власти и управления в случае бездействия судебного пристава, а также право на получение информации об активах должни-

ка из государственных реестров и баз данных. Подобные меры не только снизят нагрузку на органы ФССП, но и повысят степень правовой активности участников производства, способствуя формированию новой правовой культуры исполнения.

Проблема контроля за деятельностью судебных приставов требует разработки действенного механизма как внутреннего, так и внешнего надзора. Речь идет о создании системы внутреннего аудита, обладающей полномочиями по оценке профессиональных действий исполнителей и проведению служебных проверок по обращениям граждан. Параллельно необходимо нормативно закрепить институт процессуальной подотчетности приставов суду, в том числе в форме регулярной отчетности о принятых мерах и ходе исполнения решений, что усилит подлинную правовую связь между судом и органом исполнения.

Дополнительно заслуживает обсуждения инициатива введения модели государственной компенсации в случае невозможности исполнения решений по объективным причинам. Речь идет о формировании специального фонда, финансируемого за счет федерального бюджета, из которого производилось бы возмещение средств взыскателю при условии исчерпания всех доступных законных инструментов исполнения. Подобная практика успешно применяется в ряде европейских стран и может быть адаптирована к российским реалиям при условии прозрачного правового регулирования и жесткого бюджетного контроля. В перспективе такая мера будет способствовать не только укреплению доверия к правосудию, но и формированию стабильного инвестиционного и предпринимательского климата в государстве.

Таким образом, предлагаемые меры представляют собой многоуровневую систему, направленную на устранение ключевых причин неисполнения судебных решений и формирование в Российской Федерации эффективной, транспарентной и социально ориентированной модели исполнительного производства. Только комплексный подход, сочетающий правовое обновление, технологическое развитие и институциональные гарантии, способен обеспечить надлежащее исполнение судебных актов и восстановление нарушенных прав и законных интересов граждан и организаций.

Список литературы

1. Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2024 году. URL: https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/itogovyj-doklad-o-rezultatah-deyatelnost_2024?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 20.05.2025).
2. Об исполнительном производстве : федер. закон № 229-ФЗ от 02.10.2007 : в ред. от 23.11.2024 // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
3. Ярков В. В. Основные мировые системы принудительного исполнения // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов : сб. ст. / отв. ред. Л. Ф. Лесницкая, М. А. Рожкова. М. : Статут, 2008. 512 с.
4. Дич Р. А. Некоторые проблемы исполнения судебных актов арбитражных судов в России // Право и управление. 2023. № 4. С. 95–98.
5. Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщакова Т. Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М. : Наука, 1979. 392 с.

Информация об авторах

Анна Федоровна Мещерякова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета.

fuga9@yandex.ru

Эльдар Музафьярович Дашкин – студент Юридического института Пензенского государственного университета.

e.dashkin@bk.ru

УДК 340

УГОЛОВНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ РУССКИХ КРЕСТЬЯН НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

***Екатерина Сергеевна Сидельникова¹,
Екатерина Максимовна Писарева²***

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Исследуется правовая система русских крестьян второй половины XIX – начала XX в., которая характеризуется собственной классификаци-

ей «преступлений», отличающейся от официального законодательства. Основная тема работы заключается в изучении обычного права, которое определяло тяжесть преступлений на основе норм, переплетенных с религиозными и моральными ценностями. Это право не только формировало правовую жизнь русской деревни, но и отражало правосознание и ментальность сельского общества.

Проблемы в данной работе включают анализ взаимодействия официального законодательства и крестьянского правосознания, а также исследование того, как религия и мораль влияли на восприятие и оценку преступлений в крестьянском сообществе.

Цель работы состоит в выявлении механизма, посредством которого крестьяне определяли и классифицировали преступления, основываясь на нравственных началах, а не на формальных законах, часто остававшихся им неизвестными.

Результаты исследования показывают, что крестьяне руководствовались нравственными принципами и религиозными убеждениями в оценке преступлений, что подчеркивает значимость моральных аспектов в их правоприменении. Раскрываются исторические и культурные факторы, формировавшие правовую культуру русских крестьян, и предлагается более глубокое осознание их социально-правовых норм.

Ключевые слова: обычное право, уголовные преступления, преступления против личности, корыстные преступления, половые преступления, закон, наказание

На рубеже XIX и XX веков российское общество переживало значительные социальные и экономические изменения, повлиявшие на крестьянскую жизнь. Обычное право крестьянства, формировавшееся веками, продолжало существовать. В этой статье мы рассмотрим, как обычное право повлияло на восприятие и регулирование уголовных преступлений среди русских крестьян того времени.

Обычное право – это система норм и правил поведения, которые исторически основаны на традициях и обычаях и передаются из поколения в поколение. В отличие от официальных указов, обычное право не зафиксировано в письменной форме и основывается на устных традициях и коллективном сознании.

Обычное право соответствовало мировоззрению крестьянина, оно придерживалось справедливости и нравственного начала. Именно поэтому крестьяне не стремились придерживаться официального закона. Обычное право представляло собой некий синтез религии и морали. Именно в правосудии проявилось обыденное сознание и основные черты крестьянской ментальности.

Обычное право регулировало все аспекты жизни, включая семейные, имущественные и экономические отношения, защищая при этом интересы семьи. Оно проникло в крестьянскую среду под влиянием таких факторов, как вероотступничество, участие крестьян в судебных процессах, создание институтов присяжных адвокатов и возможность подачи апелляций в мировые суды после реформы 1864 года. Два типа правовых систем – закон и обычаи – стремились к справедливости, и крестьяне иногда использовали термин «закон», имея в виду обычаи. Таким образом, после либеральных реформ стало очевидным существование двух параллельных правовых систем, отражающих изолированность крестьянского общества.

Принципы обычного права XIX и XX веков играли важную роль в правосознании и особенно в крестьянской среде. К ключевым принципам обычного права того времени относятся:

1. Правосудие и мораль: обычное право основывалось на идее справедливости и моральных нормах, принятых в обществе. Судебные разбирательства часто проводились с учетом не только формальных правил, но и моральных аспектов, что позволяло учитывать индивидуальные обстоятельства дела.

2. Общие принципы: одним из основных принципов обычного права было коллективное решение проблем, связанных с порядком. Деревенские и общинные собрания играли важную роль в разрешении споров и конфликтов. Это способствовало укреплению союза и солидарности внутри общины.

3. Неписанные нормы: обычное право часто не являлось письменным, а передавалось устно из поколения в поколение. Это создает гибкость и адаптируемость норм, позволяя им изменяться в соответствии с обстоятельствами и потребностями общества.

4. Принципы местного самоуправления: община имела право самостоятельно решать проблемы, связанные с ее собственной жизнью и повседневным бытом. Это подчеркивало автономию общины в рамках более широкой правовой системы.

5. Принципы примирения: обычное право стремилось примирить стороны, причем довольно разными способами, что подчеркивало важность поддержания социальных связей. Конфликты часто разрешались с помощью переговоров, при которых нейтральный посредник помогал сторонам в конфликте найти взаимовыгодное решение.

6. Невмешательство государства: в некоторых случаях обычное право действовало независимо от официальной государственной структуры. Крестьяне предпочитали решать проблемы внутри своих общин, редко прибегая к помощи государства. Особенно в отдаленных районах с ограниченным доступом к официальным судам.

7. Равенство сторон: в большинстве случаев обычное право стремилось обеспечить равенство сторон в процессе разрешения споров. Это означало, что все участники имели право выражать свое мнение, а также прислушиваться к мнению другой стороны.

8. Санкции и взыскания: согласно обычному праву, наказание за преступления часто было неформальным и зависело от особенностей общества. Оно могло включать общественное осуждение, штрафы, физические наказания и даже депортацию из общины. Наказание было направлено не только на исправление преступников, но и на восстановление общественного порядка.

Обычное право в XIX и XX веках играло важную роль в жизни крестьян и стало основой их правового сознания. Его принципы отражали культурные и социальные особенности того времени, а также стремление поддерживать общественный порядок и гармонию в обществе [1].

Уголовные преступления были той сферой правоотношений жителей русской деревни, где действие норм обычного права было особо зримо. Это несмотря на то, что власть в исторической ретроспективе последовательно ограничивала действия норм обычного права в этой области.

Преступления по обычному праву – это нарушение существующих норм и обычаев, принятых в определенном сообществе. Такие преступления могут быть связаны с различными аспектами жизни, включая личные отношения, имущественные проблемы и общественный порядок.

Согласно общепринятой в правовой науке классификации преступления против личности можно разделить на три группы: убийства, сексуальные преступления, телесные повреждения.

К категории «убийство» относятся непреднамеренное убийство, отравление, покушение на убийство, покушение на отравление, детоубийство, неосторожные деяния, повлекшие смерть, непреднамеренное убийство, аборт.

К категории «сексуальные преступления» относятся дела об изнасиловании, покушении на изнасилование, растление, прелюбодеяние.

К группе телесных повреждений относятся дела об избиении, нанесении побоев, нанесении тяжких увечий, нанесении тяжкой раны, обезображивании, смертельных истязаниях, жестоком обращении, самоубийстве.

Самым тяжким преступлением в русском селе, наряду с конокрадством и поджогом, традиционно считалось убийство. Намеренно лишить человека жизни, сознательно «загубить человеческую душу» в глазах крестьян являлось тяжким грехом и страшным преступлением, за которое должна следовать виновному особенно строгая и суровая кара. Наличие злого умысла воспринималось жителями села как отягощающее вину обстоятельство. Предумышленное убийство, совершенное с заранее обдуманном намерением, предполагающее в субъекте присутствие хладнокровия, злой воли и решимости, признавалось крестьянами особенно преступным и совершенном при обстоятельствах, увеличивающих вину преступника. Таким образом, в вопросе квалификации убийства обычно-правовые воззрения русских крестьян были практически тождественны положениям уголовного законодательства того времени.

Степень важности этого вида преступления в крестьянском восприятии зависела от мотива его совершения. Наиболее тяжким, в глазах жителей села, было убийство, совершенное из-за корыстных побуждений и материальных интересов. Средним – когда оно произошло во время ссоры или обоюдной драки; легким – при измене жены; извинительным – во время обороны от нападения противников и при защите, при тех же условиях, родителей, жены и детей [2].

В представлениях русских крестьян убийство по неосторожности преступлением не являлось. По обычному праву ответственность не наступала при убийствах, произошедших в результате случайного выстрела на охоте, при валке леса и т. п. Также не считалось преступлением убийство, совершенное во время драки. Его крестьяне считали обстоятельством случайным или без намеренным. Оставались безнаказанными убийство или увечье при самозащите и охране имущества и по убеждению требовало только церковного покаяния.

Состояние аффекта рассматривалось как обстоятельство, смягчающее вину за содеянное преступление. Поэтому лицо, совершившее убийство под влиянием гнева, в состоянии запальчивости и раздражения, из ревности, под влиянием сильного испуга и т.п., по нормам обычного права совершило деяние хотя и преступное, но при обстоятельствах, уменьшающих его вину.

В отличие от уголовного закона, обычное право допускало примирение с убийцами вне зависимости от мотивов преступления, но обязательно при желании родственников убитого. Получая деньги от убийцы, родственники рассуждали: «мертвого не воскресишь, а живого загнешь, и пользы никакой не получишь». Случалось, что общество, получив деньги от преступника, скрывало факт совершенного убийства от властей. Это не означало, что убийство в крестьянской среде являлось нормой, напротив, аномалией, стерео типизированным обычным правом и допускаемым общиной вариантом неправомерного поведения.

Убийство иноверца, по суждениям русских крестьян, было менее преступно, чем убийство своего, потому что он – нехристь, немного лучше собаки; но так, как и в нем имеются образ и подобие Бога, то и лишение его жизни считается тоже греховным [3].

Квалифицированным преступлением крестьяне считали убийство восходящего родственника (матери, отца, деда, бабушки), благодетеля, усыновителя, работником – своего хозяина. Также к отягчающим вину обстоятельствам относилось убийство лиц, не имеющих возможности защитить себя от насилия, т.е. беззащитных женщин, детей, престарелых, больных, калек и т.п. Основой для квалификации здесь являлась, с одной стороны, беспомощность объекта, с другой – проявленная субъектом особая жестокость и нравственная испорченность. Вполне закономерно, что убийство беременной женщины в русской деревне признавалось двойным квалифицированным преступлением.

В крестьянском обществе убийства могли быть классифицированы по различным мотивам, включая корыстные мотивы, месть, конфликты и суеверия. Пол также играл важную роль в совершении преступлений. Мужчины чаще совершали убийства ради материальной выгоды, в то время как женщины совершали убийства под влиянием таких эмоций, как ревность и месть. Согласно исследованиям, многие убийства женщин были направлены против их мужей, и часто причиной было желание освободиться от жестоких

или агрессивных партнеров. Например, многие женщины, осужденные за убийства, убивали своих мужей из-за любви к другим или в ответ на насилие. Ситуация в семье отражает патриархальные нормы, из-за которых многие женщины предпочитали преступление пребыванию в невыносимых семейных отношениях.

В российской сельской местности убийства часто совершались женщинами, которые хотели избавиться от постоянных пыток своих мужей. Не обладая физической силой, они проявляли талант к убийствам с использованием различных предметов, и большинство из них действовали ночью, когда те были беззащитны. Некоторые женщины предпочитали «особые» методы, такие как отравление или распыление кислоты, и часто эти преступления планировались заранее, иногда за несколько лет. Наиболее распространенным методом было отравление, и, согласно данным, каждая третья осужденная жена использовала яд для убийства. Крестьяне рассматривали отравление как менее тяжкое преступление, поскольку оно не требует проявления открытой храбрости.

Наибольшее количество тяжких преступлений, совершенных женщинами в 1876-1885 годах, было связано с убийством младенцев. По данным исследователей, женщины составляли 98,5 % осужденных за этот вид преступлений, и это явление было более распространенным в деревнях, чем в городах. Из 7445 случаев массового убийства младенцев, зарегистрированных с 1888 по 1893 год, 6269 произошли в деревне. Почти все обвиняемые (96 %) были крестьянами. Закон 1832 года рассматривал массовое убийство младенцев как серьезное преступление, а с 1845 года оно было признано привилегией ввиду особых обстоятельств, таких как стыд и страх, которые могли сбить женщин с толку во время совершения преступления.

Оценка тяжести преступления по нормам обычного права была созвучна положениям официального законодательства. Правовой обычай русской деревни признавал убийство женщиной своего незаконнорожденного ребенка столь же тяжким преступлением, как и другие убийства.

В деревне властям немедленно сообщали о случаях убийства младенцев, и в нескольких деревнях были приняты меры предосторожности. Например, в Новгородской области ее глава собрал собрание, на котором беременную девушку, которая не была заму-жем, предупредили о необходимости заботиться о ребенке, и в том

числе родители девушки должны были следить за ребенком и оказывать при необходимости помощь. Такое поведение и общественный контроль действовали в качестве превентивной меры. До середины 19 века статистика убийств младенцев была скудной, поэтому оценить это явление было невозможно, но во второй половине века число подобных преступлений возросло. В 1879–1888 годах 1481 женщина была привлечена к уголовной ответственности, а в 1889–1898 годах – 2276 [4, с. 399].

В российской сельской местности в начале XX века не было ничего необычного в том, что матери убивали своих младенцев. Описания местных событий, таких как убийство новорожденных, показывают, что эти преступления часто происходили в деревнях, особенно среди крестьянок. Например, в декабре 1917 года было зафиксировано несколько случаев, когда матери хоронили своих новорожденных в Курской области. Такие случаи свидетельствуют о распространенности убийств младенцев и о том, как их скрывали.

Имели место и пассивные убийства младенцев. В частности, оставление детей при низких температурах может привести к смерти от переохлаждения. Учет таких преступлений был затруднен из-за их запоздалости, поскольку многие случаи можно отнести к случайным преступлениям.

Нежеланные дети, как правило, страдали от недостаточного ухода или, умирали от «случайных» причин. По статистике, смертность детей, создающихся вне брака, была гораздо выше, чем у законных детей. Однако такие случаи редко становились предметом судебного разбирательства, требуя лишь церковного покаяния.

В российской сельской местности детоубийство часто происходило под давлением общественного мнения. Крестьянки, родившие внебрачных детей, подвергались осуждению. Женщины, боясь позора, пытались избавиться от нежеланных детей. Объективные факторы, такие как бедность и материальные потребности, также сыграли важную роль в совершении этих преступлений. Матери, убивавшие младенцев в российских деревнях, часто не имели возможности спрятать тела новорожденных. Поэтому бросали своих детей в реку, складывали в кучу или оставляли их на улице. Примером может послужить, случай в Тамбовской области, когда мать закопала труп младенца вместе с домашним скотом. Убийства обычно происходили во время родов или вскоре после них, совер-

шались различными способами, в том числе путем завязывания шей. На самом деле, многие преступления не проходили бесследно, но суд проявлял снисхождение к подсудимым, часто оправдывая их или назначая легкие наказания. В период с 1897 по 1906 год большинство дел о детоубийстве заканчивались прекращением дела или вынесением оправдательного приговора [5, с. 20].

Аборт также считался преступлением против личности и подлежал суровому наказанию. В 1903 году меры ответственности за аборты были смягчены, но церковь считала аборт серьезным грехом, требуя от женщин, делающих аборты, серьезного искупления.

В дореволюционной России было трудно определить их количество, поскольку статистика абортов фактически не велась. С 1892 по 1905 г. 306 женщин были обвинены в том, что они производили плод, из которых 108 были осуждены. С 1910 по 1916 год число заключенных ежегодно составляло от 20 до 51 человека, но эти числа не отражали реальных масштабов проблемы. Основным мотивом этого преступления являлось желание скрыть последствия внебрачных связей и боязнь общественного осуждения.

Некоторые девушки пытались вызвать выкидыш, используя опасные методы, в том числе механическое давление на живот или химические препараты. Попытки спровоцировать выкидыш часто приводили к трагическим последствиям, включая серьезные травмы или смерть. Это подтверждает, что страх перед позором и желание его избежать были основными факторами, побудившими сделать аборт [6, с. 69].

Семейные отношения также регулировались в соответствии с особыми принципами. Легкие побои не считались тяжким преступлением, и жена не могла подать в суд на мужа. Это отражало широко распространенную терпимость к мужчинам в семьях, где насилие было обычным явлением.

Случаи возникновения претензий часто разрешались путем примирения, и соответствующие записи заносились в документы волостного суда, подтверждая общее состояние насилия и конфликтов в крестьянских семьях.

Отношения в крестьянской семье были далеки от идиллии, а ругань и брань между родными были делом обычным. В делах об оскорблении между родителями и детьми крестьянское общество

всегда становилось на сторону родителей. А суд строго карал тех, кто, нарушив сыновний долг послушания, позволял себе оскорблять или, хуже того, бить родителей.

До конца 19 века в русских деревнях не подтверждали обвинений в адрес своих детей, поскольку считали, что родители не могут клеветать на своих отпрысках. Родители имели право наказывать своих детей, и, если они не могли этого сделать по причине своего возраста или состояния здоровья, они подавали апелляцию в главный или приходской суды. Из-за неуважения к родителям дети подвергались физическому наказанию или аресту, но из-за распространенных стереотипов о семейных конфликтах обращения в суд в этих случаях были редкостью. Местные жители обвиняли родителей в том, что они доводят до суда внутренние семейные проблемы. Согласно законодательству, того времени, оскорбления детьми своих родителей не считаются преступлением, и жалобы детей на родителей обычно не принимались, но в крестьянском обществе подобное поведение считали не допустимым.

В конце 19 века, с ростом сознательности крестьян и эмансипацией женщин, количество дел о семейных побоях в волостном суде увеличилось. Судьи начали защищать честь и достоинство женщин, наказывая мужей-диктаторов. Например, муж, ударивший свою жену, может быть приговорен к 10-20 ударам палкой. Однако такие дела заканчивались миром, поскольку муж требовал уважать жену, а жена – подчиняться мужу.

Некоторые суды получали подписки от мужей, которые обещали должным образом относиться к своим женам, но этот обычай иногда приводил к ухудшению отношений. Но все же обращение женщин в суд за защитой было редким явлением так как суды, состоящие из мужчин, могли встать на сторону мужей, опасаясь подрыва их авторитета перед женой.

Жалобы мужей на непослушание своих жен поступали нечасто, и в таких случаях суд обязывал подчиняться мужу, а родителям запрещалось принимать дочерей, которые уходили из семьи. Такие конфликты чаще разрешались самостоятельно, не прибегая к помощи судов.

Если супруги не могли жить вместе, и муж выгонял жену, волостной суд назначал ей денежное пособие. Например, в 1882 году Слободской волостной суд обязал мужа выплачивать жене 3 рубля

в месяц. В другом деле, в 1888 году, суд обязал мужа заплатить 3 рубля 50 копеек и подарить жене корову с соломой. Эти решения свидетельствуют о том, что эти обычаи все еще практиковались в начале 20 века. Такие исследователи, как Л. А. Зецев, отмечали, что волостной суд активно защищал крестьянских женщин, наказывая не только их мужей, но и других членов семьи за домогательства к невесткам. Например, в 1871 году суд Бойчовской волости наказал ее мужа, его жену и ее сына за то, что они мучили ее невестку.

Грубость деревенских нравов и приверженность крестьян к насилию в быту являлись причиной преступлений против личности. Обычным правом драки на сельском сходе были запрещены, но общественное мнение деревни считало допустимым выяснение отношений на базаре и в кабаке.

Но с введением волостного суда крестьяне, особенно женщины, получили возможность защищать свою честь и достоинство в судебном порядке. В большинстве случаев суд становился на сторону потерпевшего, а виновный мог получить денежную компенсацию. Например, крестьянин, избивший солдата, был оштрафован на 5 рублей. Многие решения предусматривали штрафы и телесные наказания. Оскорбления в адрес замужних женщин наказывались жестче, чем оскорбления в адрес вдов или девственниц, что отражало высокий социальный статус замужних женщин. Практика волостного суда показывает, что физические и моральные оскорбления сурово наказывались, а увеличение числа обращений в суд свидетельствует о повышении осведомленности крестьян [7, с. 295–296].

Корыстные преступления

В российских деревнях существовали значительные различия между государственными законами и обычаями в области имущественных преступлений. В то время как официальное законодательство защищает права собственности и сурово наказывает за любые посягательства на чужую собственность, обычное право иногда использует дифференцированный подход, не рассматривая некоторые кражи как преступления, и рассматривает смягчающие обстоятельства, такие как прощение жертв и преступников на деревенских собраниях.

Реформы 1860-х годов освободили многих крестьян и ослабили государственный контроль, в то время как в деревне увеличилось количество преступлений, в том числе имущественных. Например, в 1860 году в Тамбовской губернии было зарегистрировано 289 краж со взломом, а в 1866 году – 829. В Екатеринбургском окружном суде с 1874 по 1917 год рассматривалось 19,3 % уголовных дел о преступлениях против собственности, 11 % из которых были кражами.

Мелкие правонарушения составляли наибольшую часть противоправных действий в русской деревне. По мнению современного исследователя Б. Н. Миронова, мелких преступлений в селе совершалось в 3–4 раза больше, чем регистрировалось. Дела о сельских кражах в большинстве своем находились в юрисдикции волостных судов. По данным за 1905 г., в 232 волостных судах Воронежской губернии в производстве было 35397 дел, из них 4888 дел о краже, мошенничестве и обмане. Следует отметить, что более половины дел в волостных судах заканчивались примирением сторон, в том числе и по кражам, а, следовательно, не фиксировались. Как правило, мелкие кражи в селе не становились предметом судебного разбирательства. В случае обнаружения виновного и возвращения им похищенного дело заканчивалось миром. Потерпевшая сторона в суд не обращалась, а удовлетворялась магарычом, который выставлял уличенный вор.

Похищение чужого имущества в сельском быту было делом обыденным. Жительница деревни Талызиной Орловского уезда А. Михеева так описывала нравы своих односельчан: «Летом друг у друга воруют с поля намолоченный хлеб с тока, насыпают в голенища сапог, карманы. В рабочую пору воруют с поля снопы, верхние с конца или нижние, чтобы не было заметно [5, с. 38].

Особое место занимают случаи воровства пчел, которые считаются тяжкими грехами, равными убийству, и могут иметь фатальные последствия для воров. При этом не всякое воровство признается преступлением: кража фруктов или овощей из садов и огородов воспринимается как безобидное баловство, что подтверждается народными пословицами. Однако кража на огороженных территориях уже считалась преступлением. В любом случае, размер штрафа за такую кражу зависит от возраста нарушителя.

Чаще всего объектом посягательства становилось имущество богатых односельчан. Так, из Орловской губернии сообщали, что «у зажиточных крестьян бедные крадут без всякого смущения, и не считается грехом во время возки хлеба утащить с поля полкопны, но бедные у бедных крестьян редко воруют, разве в случае крайней нужды». Оценка крестьянами ущерба от кражи зависела, прежде всего, от имущественного положения потерпевшего. В правовых воззрениях крестьян, основанных на обычном праве, субъективный фактор («глядя по человеку») являлся преобладающим [3].

Половые преступления

В пореформенный период на фоне ухудшения криминальной ситуации в России в целом был отмечен и рост числа сексуальных преступлений. Число таких преступлений, зафиксированных полицией, составляло в среднем в год (тыс.): 1874–1883 гг. – 1,8; 1884–1893 гг. – 3,1; 1894–1905 гг. – 9,7655. Данные статистики указывают на то, что за три десятилетия количество сексуальных преступлений в стране выросло более чем в пять раз. Причина заключалась в том, что в ходе модернизации общественной жизни менялись ценностные ориентации и стандарты поведения, а это неизбежно вело к росту отклоняющегося поведения и преступности [8, с. 4–5].

По уголовному праву Российской империи изнасилование квалифицировалось как тяжкое преступление. Действующее законодательство за преступления против чести и целомудрия женщины или девицы, достигшей 14 лет, предусматривало наказание в виде лишения всех прав состояния и ссылку на каторжные работы сроком от четырех до восьми лет. В сельской действительности посягательство на честь и достоинство женщины редко становилось предметом судебного разбирательства. Если это случалось, наказание преступников было не таким строгим, как в официальном законодательстве.

В повседневности русского села сексуальное насилие над детьми не относилось к преступлениям, часто совершаемым. К изнасилованию несовершеннолетних девушек в русской деревне относились строже всего, по мнению крестьян, «тот человек, кто совершил такое, становился наравне с сатаной». О статистике преступлений, связанных с сексуальным насилием над детьми, говорить сложно, поскольку учет их не велся.

Одним из видов половых преступлений, преследуемым уголовным законом, являлся инцест (кровосмешение). По канонам Православной Церкви, половая связь в кровном родстве и по свойству считалась тяжким грехом. В соответствии с требованием церковного устава, на кровосмесителей накладывалась епитимья. Российский закон признавал инцест деянием преступным, уголовно наказуемым и жестоко карал виновных в нем. Воинским уставом Перта I артикулом 173 за кровосмешение в восходящей или нисходящей линии предусматривалась смертная казнь. В правовой традиции русского села кровосмешение воспринималось как грех и преступление, виновник которого, по убеждению крестьян, должен был быть подвергнут осуждению и тяжелому наказанию. Исходя из таких взглядов, сельские жители, как правило, передавали преступника в руки властей. По понятию крестьян, кровосмешение разграничивалось по степени важности и преступности. Считая тяжким грехом и преступлением половые отношения в кровном родстве (отца с дочерью, матери с сыном), жители села придавали меньшее значение случаям кровосмешения при свойстве (свекра с невесткой, зятя с тещей), еще меньшее – при духовном родстве (кума с кумой).

Среди преступлений на сексуальной почве наибольшее распространение в русском селе имело снохачество. Следует признать, что половая близость между главой крестьянской семьи (большаком) и снохой не была явлением исключительным, а для патриархального уклада сельского быта – в какой-то мере и обыденным. Хотя эта форма кровосмешения была осуждаема просвещенным обществом, крестьяне ее не считали серьезным правонарушением.

Гомосексуальность в крестьянской среде была ограничено распространена. Законы Российской Империи сурово карали за подобные действия, но сам по себе факт признания гомосексуальности в крестьянском обществе был редкостью. Крестьяне относились к половым актам с отвращением, а обвинения считались серьезными оскорблениями.

Также в крестьянском обществе наблюдались факты скотоложства. Скотоложство, как и мужеложство воспринималось крестьянами, прежде всего, как великий грех, а лишь потом как преступление, что приводило к общественному осуждению и изгнанию из общества. Считая соитие со скотиной делом греховным и бого-

мерзким, крестьяне верили, что Бог непременно покарает скотоложников [9, с. 295].

Религиозные установки, осуждающие проявления сексуальной активности вне рамок семьи, являлись фактором, сдерживающим девиантное поведение в половой жизни русских крестьян. Отношение деревенских жителей к изнасилованиям определялось правовыми традициями села и социальным статусом потерпевших. Самочинная расправа с насильником, а в большей мере примирение сторон, при условии материальной компенсации, в делах такого рода являлись действием норм обычного права. По мере роста правосознания сельских женщин, они стали чаще обращаться в судебные органы с целью защиты своей чести и достоинства. Противоестественные пороки традиционно воспринимались в русском селе как тяжкий грех перед Богом и в меньшей мере – как преступление перед законом. Для правотворческой деятельности и судебной практики российского государства изученного периода характерно как смягчение наказания, так и увеличение числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности за половые преступления [10, с. 167].

Таким образом, у крестьян существовала своя классификация понятия «преступления» в отличие от официального закона. Тяжесть преступления определялась нормами обычного права. Обычное право не является чисто юридическим понятием. Оно тесно переплетено с религией и моралью, отражает обыденное сознание, определяет основы общественного самоуправления. Правовой обычай и правосудие как предметы изучения выступают не только проявлением правовой жизни русской деревни, но и выражением правосознания сельского социума, глубинных черт крестьянской ментальности. Обычное право русских крестьян второй половины XIX – начала XX в. является историческим феноменом, вобравшим в себя многовековой правовой опыт русского народа. В крестьянском правосознании не было четкой грани между действиями, караемыми официальным законодательством, и деяниями греховными, осуждаемыми церковью. В оценке преступления жители русского села руководствовались нравственным началом, а не формальными положениями законодательства, которые им, в большинстве своем, и не были известны.

Список литературы

1. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. I. Лекции. СПб., 1902. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/tagancev_ns_russkoe_ugolovnoe_pravo_chast_obshchaya_tom_i_lekcii/ (дата обращения: 10.10.2024).
2. Неклюдов Н. А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Т. 1. Преступления и проступки против личности. СПб. : Типография П. П. Меркульева, 1876. 543 с.
3. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Новгородская губерния / сост.: Т. А. Зими́на, О. Н. Фо́някова. СПб. : Навигатор, 2009. 567 с.
4. Спасович В. Д. Уголовная статистика // Вестник Европы. 1876. № 5. С. 399–445.
5. Бондаренко В. Н. Очерки Кирсановского уезда Тамбовской губернии // Этнографическое обозрение. 1890. № 4. С. 1–24.
6. Гернет М. Н. Детоубийство: социологическое и сравнительно-юридическое исследование. М. : Типография Императорского Московского университета, 1911. 318 с.
7. Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства в XIX веке – начале XX века : сб. материалов / сост., авт. вступ. ст., коммент. и глоссария А. А. Никишенков, авт. теорет. введ. и ред. Ю. И. Семенов ; Рос. акад. наук, Центр по изуч. межнац. отношений Ин-та этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М. : Современные тетради, 2003. 402 с.
8. Архив Российского этнографического музея. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 4–5.
9. Тютрюмов И. Крестьянская семья. Очерк обычного права // Русская речь. СПб., 1879. Кн. 10. 197 с.
10. Кистяковский А. Ф. К вопросу о цензуре нравов у народа. СПб. : тип. В. Киршбаума, 1878. 231 с.

Информация об авторах

Екатерина Сергеевна Сидельникова – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.

sidelnikova_ekaterina04@mail.ru

Екатерина Максимовна Писарева – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.

katymp@rambler.ru

ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ И ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗЬ В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ: ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ УДАЛЕННОЙ ЮСТИЦИИ

*Марина Сергеевна Чунина¹,
Дарья Сергеевна Марщикова²*

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Исследуется механизм веб-конференций и видеоконференцсвязи на судебных заседаниях. Рассматриваются основные достоинства и недостатки данного подхода к удаленной юстиции. Удобство участия, экономия времени и доступность – важные плюсы. Однако существуют и недостатки, такие как риск упустить важные моменты спора, технические сбои и нарушения конфиденциальности. Также акцентируется внимание на изменениях в законодательстве, которые позволяют использовать данную технологию в судопроизводстве.

Ключевые слова: веб-конференция, видеоконференцсвязь, гражданский процесс, суд общей юрисдикции, удаленная юстиция, судебный процесс

В условиях ограничений, связанных с пандемией COVID-19, многие суды по всему миру начали использовать видеоконференцсвязь для проведения заседаний, что позволило не только сохранить рабочий процесс, но и обеспечить безопасность участников. Однако, несмотря на очевидные преимущества, такие как экономия времени, снижение затрат на транспорт и возможность участия в судебных разбирательствах из любой точки мира, существуют и значительные недостатки, которые могут негативно сказаться на качестве правосудия. К ним относятся технические сбои, риск упустить важные моменты из-за недостаточной визуализации, а также вопросы, касающиеся конфиденциальности и защиты данных.

Веб-конференция и видеоконференцсвязь

Гражданско-процессуальным законодательством, в рамках статьи 155.1 ГПК РФ, предусмотрены положения об участии в судебном заседании путем использования системы видеоконференцсвязи (далее – ВКС) [1, с. 70].

Видеоконференц-связь – это телекоммуникационная технология интерактивного взаимодействия трех и более удалённых

абонентов, при которой между ними возможен обмен аудио- и видеоинформацией в реальном времени, с учётом передачи управляющих данных в основном по гарантированным каналам связи. Гражданским процессуальным кодексом установлены основные условия использования рассматриваемых технологий, а именно: наличие в судах технической возможности осуществления ВКС, наличие ходатайства участника дела или инициатива суда для участия в судебном заседании путем использования ВКС.

Данный вид связи может быть применен при объяснении сторон и третьих лиц, при проведении предварительного судебного заседания и судебного заседания на любой стадии гражданского процесса, кроме закрытого судебного заседания [2, с. 15]. Помимо этого, порядок ее организации регулируется Регламентом организации применения видеоконференц-связи в федеральных судах общей юрисдикции. В рамках данного акта подробно указаны правила технического обеспечения, организации, подготовки к судебному заседанию, проведения судебного заседания с использованием ВКС. Таким образом, можно сделать вывод, что нормативно-правовое регулирование вопроса использования ВКС является достаточно полным и обеспечивает правовую регламентацию вопросов.

Веб-конференция – это форма проведения судебного заседания с применением цифровых технологий, обеспечивающих участие в данном заседании участников процесса в дистанционном режиме [3, с. 8].

Вопрос использования веб-конференции при проведении судебных заседаний имеет правовую регламентацию только в рамках Постановлений Президиума ВС РФ и Президиума Совета судей РФ № 821, 822. Система веб-конференции используется при проведении судебных заседаний при наличии технической возможности, с учетом мнения участников судопроизводства, которое выражается путем «подачи заявления в электронном виде с приложением электронных образов документов, удостоверяющих личность и подтверждающих полномочия»

Имея 20-летний опыт применения видео-конференц-связи Верховный Суд Российской Федерации с 2019 года стал активно использовать проведение судебных заседаний граждан с помощью веб-конференции.

Такая технология позволяет уже сейчас с помощью средств современной техники участвовать в судебном заседании, находясь при этом в офисе или даже дома. Этот процесс будет сопровождаться внедрением в судебную деятельность технологии биометрической аутентификации участника судебного заседания по лицу и голосу.

Преимущества удаленной юстиции

Преимущества удаленной юстиции обеспечивают её привлекательность для многих участников судебного процесса. Одним из основных аспектов, способствующих утверждению удаленной юстиции, является значительное сокращение временных издержек. Стороны процесса освобождаются от необходимости физически перемещаться в суд, что экономит время, особенно в условиях больших расстояний [4, с. 12].

Удаленная юстиция помогает минимизировать финансовые ресурсы, которые требуются для участия в судебных разбирательствах.

Введение практики удаленных заседаний позволяет не только упростить взаимодействие адвокатов и их клиентов, но также содействует ускорению процесса рассмотрения дел [5, с. 50]. Судебные заседания могут проходить более регулярно, так как нет необходимости согласовывать графики участия сторон в физических заседаниях. Это ведет к более быстрым решениям и снижению нагрузки на судебные органы.

Наконец, стоит акцентировать внимание на том, что внедрение удаленной юстиции также открывает новые возможности для образования и повышения квалификации юристов [6, с. 30]. Они могут участвовать в семинарах, мастер-классах и специализированных курсах, находясь в любой точке мира.

Таким образом, преимущества удаленной юстиции охватывают широкий спектр аспектов, начиная от практических удобств и заканчивая возможностями для повышения качества правосудия. Системное применение технологий видеоконференцсвязи и веб-конференций в судебной системе помогло устранить некоторые барьеры, которые ранее мешали эффективному предоставлению правосудия и обеспечению равенства перед законом

Недостатки удаленной юстиции

Одним из основных недостатков удаленной юстиции является риск нарушения требований к безопасности и конфиденциальности. При использовании видеоконференцсвязи информация может стать доступной для третьих лиц, если не будут соблюдены все необходимые меры предосторожности.

Технические проблемы также могут значительно осложнить проведение судебных заседаний. Сбои связи, низкое качество изображения и звука, использование устаревшего оборудования могут затруднить восприятие информации и даже привести к искажению фактов [7, с. 38]. Важные моменты могут быть упущены, а возможности провести полноценный допрос свидетелей или допрос обвиняемого могут оказаться ограниченными.

Право на справедливый суд – это основополагающий принцип, и удаленное судебное разбирательство может нарушать его, особенно когда у участников процесса возникают трудности с доступом к необходимым техническим средствам. Не все граждане имеют одинаковый доступ к интернету, высокоскоростным соединениям и компьютерам, что создает неравные условия для участников [8, с. 24].

Логистика проведения виртуальных судебных заседаний иногда предполагает сложные процедуры. Участникам необходимо заранее установить программное обеспечение, пройти обучение и адаптироваться к новой среде. Эти требования могут вызвать затруднения у некоторых участников, особенно у тех, кто не имеет достаточного опыта работы с цифровыми технологиями.

Недостатки удаленной юстиции проистекают из множества различных факторов, и их влияние на судебную систему нельзя недооценивать. Эти аспекты требуют тщательного анализа и дальнейшего изучения.

Применение вебконференции и видеоконференцсвязи в судах общей юрисдикции

Суды общей юрисдикции имеют техническую возможность для проведения судебных заседаний по системе веб-видеоконференц-связи. Для этих целей участникам процесса предоставлено право через личные кабинеты заблаговременно до даты судебного заседания направить в суд соответствующее ходатайство

и документы, подтверждающие их полномочия, а также пройти идентификацию и аутентификацию через портал государственных услуг [9, с. 20]. В случае удовлетворения судом такого заявления участник судебного заседания получит на электронную почту гиперссылку на подключение к виртуальному залу судебного заседания. Эта же ссылка отразится в личном кабинете.

Участники судебного процесса подключаются к системе видео-конференц-связи с помощью своей техники, для подтверждения своей личности авторизуются на портале госуслуг, их личность и полномочия проверяются судом, после чего они могут быть допущены к участию в судебном заседании [10, с. 45].

В заключении можно сделать несколько важных выводов, касающихся внедрения веб-конференций и видеоконференцсвязи в судах общей юрисдикции. В последние годы наблюдается значительный рост интереса к удаленной юстиции, что обусловлено не только стремлением к оптимизации судебных процессов, но и необходимостью адаптации к современным условиям. В этом контексте технологии видеоконференцсвязи становятся не просто альтернативой традиционным методам, но и важным инструментом, способствующим повышению доступности и эффективности правосудия.

Обзор технологии видеоконференц-связи показывает, что она предоставляет множество возможностей для улучшения судебного процесса. Участие сторон в судебных заседаниях из удаленных локаций позволяет значительно сократить время, что особенно актуально для граждан, находящихся в отдаленных регионах или имеющих ограниченные возможности передвижения.

Однако, несмотря на все преимущества, нельзя игнорировать и недостатки, связанные с удаленной юстицией. Риск упустить важные моменты в процессе судебного разбирательства, технические сбои, которые могут произойти в ходе видеосвязи, а также возможные нарушения конфиденциальности – все это вызывает обоснованные опасения. Эти недостатки подчеркивают необходимость тщательной подготовки и технического обеспечения судебных заседаний, а также разработки четких регламентов, которые бы минимизировали риски и обеспечивали защиту прав всех участников процесса.

Список литературы

1. Ефимова Н. Г. Судебные заседания в формате видеоконференции: эффективность и проблемы // Российская юстиция. 2023. № 6. С. 70–75.
2. Иванов С. А. Веб-конференции в судебной системе: новые технологии в правоприменении // Судебный журнал. 2021. № 3. С. 15–22.
3. Михайлов А. В. Правовые аспекты видеосвязи в суде: от теории к практике // Актуальные проблемы права. 2020. № 11. С. 8–14.
4. Кузнецова М. Е. Влияние удаленной юстиции на правосознание граждан // Право и общество. 2022. № 4. С. 12–18.
5. Лебедев С. П. Психологические аспекты участия сторон в удаленных судебных заседаниях // Психология и право. 2021. № 1. С. 50–56.
6. Петрова Л. В. Дистанционное судебное разбирательство: плюсы и минусы // Правовое обозрение. 2020. № 8. С. 30–35.
7. Никитина Т. Ю. Доступность правосудия через цифровые технологии: возможности и ограничения // Судебная практика. 2022. № 2. С. 38–44.
8. Федоров К. А. Эффективность использования технологий видеосвязи в судах: анализ практики // Юридическая наука. 2020. № 9. С. 24–29.
9. Орлов В. Д. Видеоконференция как механизм обеспечения прав сторон // Правовая экспертиза. 2023. № 7. С. 20–27.
10. Сидоров И. Н. Особенности видеоконференцсвязи в судебной практике: теоретический и практический аспекты // Журнал российской юстиции. 2019. № 5. С. 45–50.

Информация об авторах

Марина Сергеевна Чунина – старший преподаватель кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета.
chunina.usd.pnz@yandex.ru

Дарья Сергеевна Марщикова – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.
daramarsina@gmail.com

СУДЕЙСКИЙ ИММУНИТЕТ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ПРИВИЛЕГИЯ?

*Марина Сергеевна Чунина¹,
Валерия Сергеевна Пенкина²*

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Рассматривается институт судейского иммунитета в России, закрепленный в Конституции Российской Федерации и федеральных законах, который играет ключевую роль в обеспечении независимости судебной власти. Судейский иммунитет как правовой термин представляет собой освобождение определенной категории субъектов (в данном случае – судей) от действия общих норм, дабы они могли исполнять свои профессиональные обязанности без страха преследования. Выделяется два основных вида иммунитета: функциональный и личный. Функциональный иммунитет защищает судей от ответственности за действия, произведенные в рамках выполнения служебных обязанностей, в то время как личный иммунитет охраняет их от уголовного преследования и других форм ответственности, не связанных с их профессиональной деятельностью.

Обращается внимание на сложность правового регулирования иммунитета судей в России, его значимость для обеспечения независимости судей и борьбы с коррупцией, а также на необходимые изменения в законодательстве для устранения правовой неопределенности и для более четкого установления процедур привлечения судей к ответственности. Также рассматривается конфликт между необходимостью защиты судей и рисками коррупции и злоупотребления положением.

Ключевые слова: судейский иммунитет, неприкосновенность судей, проблемы судейского иммунитета, реформа судебной системы, судейская этика, злоупотребление иммунитетом

Судейский иммунитет установлен статьей 122 Конституции Российской Федерации [1], согласно которой судьи неприкосновенны. Порядок привлечения судьи к уголовной ответственности может быть установлен исключительно федеральным законом. Данное положение конкретизируется в статье 16 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [2].

Анализируя определение судейского иммунитета, прежде всего, стоит сказать об «иммунитете» как о правовом термине в целом.

Как сказано в Большом юридическом словаре, «иммунитет (от лат. *immunitas* – освобождение от чего-либо) – общеправовой термин, означающий неприменимость действия общих правовых норм к определенному кругу субъектов права» [3, с. 244].

Судейский иммунитет можно разделить на два основных вида: функциональный и личный. Функциональный иммунитет связан с защитой судей от ответственности за действия, совершенные в рамках осуществления их профессиональных обязанностей. Это включает защиту от преследования за вынесенные решения, если они не связаны с умышленным нарушением закона. Функциональный иммунитет направлен на обеспечение свободы судей в принятии решений без страха перед последствиями, что способствует объективности и беспристрастности правосудия. Личный иммунитет, в свою очередь, предусматривает защиту судей от уголовного преследования, административных взысканий или гражданских исков, не связанных с их профессиональной деятельностью. Этот вид иммунитета может включать особый порядок привлечения к ответственности, например, необходимость получения согласия квалификационной коллегии судей. Личный иммунитет призван защитить судей от необоснованных обвинений и преследований, которые могут быть использованы как инструмент давления на судебную систему [4, с. 44].

Принципы судейского иммунитета, закрепленные в статье 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», основываются на неприкосновенности судей и обеспечивают их независимость и защиту при осуществлении правосудия [5]. Это неприкосновенность личности судьи, неприкосновенность имущества и жилища, особый порядок привлечения к уголовной и административной ответственности, запрет на задержание и заключение под стражу без особого порядка, ограничение на проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

Неприкосновенность судьи охватывает как его личность, так и принадлежащее ему имущество. Судья не может быть привлечен к ответственности за действия, совершенные в рамках осуществления правосудия, включая выраженное им мнение или принятое судебное решение. Исключение составляют случаи, когда вступившим в законную силу приговором суда будет доказана вина судьи в преступном злоупотреблении или вынесении заведомо неправосудного решения.

Личный досмотр судьи запрещен, за исключением случаев, прямо предусмотренных Федеральным законом, например, для обеспечения безопасности других людей. Неприкосновенность распространяется также на жилые и служебные помещения судьи, его транспортные средства, документы, багаж и иное имущество. Тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений судьи охраняется законом.

Возбуждение уголовного дела в отношении судьи или привлечение его в качестве обвиняемого требует соблюдения специальной процедуры. Для судей Конституционного Суда РФ необходимо согласие самого Конституционного Суда, а для судей иных судов – согласие Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. Решение о даче согласия принимается в течение 10 дней с момента поступления соответствующего представления от Председателя Следственного комитета РФ [6, с. 123].

Аналогичный порядок действует при привлечении судьи к административной ответственности. Решение по этому вопросу принимается судебной коллегией в составе трех судей Верховного Суда РФ (для судей высших судов) или соответствующего суда субъекта РФ (для судей иных судов) по представлению Генерального прокурора РФ.

Судья, задержанный по подозрению в совершении преступления, подлежит немедленному освобождению после установления его личности. Заключение судьи под стражу возможно только с согласия Конституционного Суда РФ (для судей Конституционного Суда) или квалификационной коллегии судей (для судей иных судов). Соответствующее представление вносится Председателем Следственного комитета РФ, а решение принимается в течение пяти дней с момента поступления ходатайства [6, с. 124].

Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия, связанные с ограничением прав судьи или нарушением его неприкосновенности, допускаются только на основании решения судебной коллегии. Для судей высших судов такое решение принимается коллегией из трех судей Верховного Суда РФ, а для судей иных судов – коллегией соответствующего суда субъекта РФ.

После возбуждения уголовного дела в отношении судьи или привлечения его в качестве обвиняемого оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия производятся в общем

порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством.

Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» [2] запрещает принятие законов и иных нормативных правовых актов, отменяющих или уменьшающих независимость судов и судей. Лица, виновные в незаконном влиянии на судей и ином вмешательстве в деятельность суда, несут ответственность в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) [7]. Судьи их семьи и имущество находятся под особой охраной государства. Внутренние органы обязаны принять необходимые меры для обеспечения безопасности судьи, членов его семьи и сохранности их имущества, если поступило соответствующее заявление судьи или жалоба председателя суда, а также, если органы безопасности получили оперативную информацию о наличии угрозы безопасности этих людей. Судья имеет право владеть и носить огнестрельное оружие. Независимость судей гарантируется их несменяемостью.

Порядок привлечения судей к уголовной ответственности дополнительно регулируется Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) [8]. В статье 448 УПК РФ установлен особый порядок возбуждения уголовного дела в отношении судей, который требует согласия квалификационной коллегии судей. Это положение направлено на защиту судей от необоснованного преследования, но также может создавать барьеры для привлечения их к ответственности в случаях коррупции или других правонарушений.

Принципы независимости судей и неприкосновенности судебной власти в целом закреплены в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации». В статье 9 этого Закона подчеркивается, что судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и Федеральным законам, что является основой для их иммунитета [2].

Кроме того, важную роль в регулировании поведения судей играет Кодекс судейской этики [9]. Хотя этот документ не является законом в строгом смысле, он устанавливает стандарты профессионального поведения судей и подчеркивает необходимость соблюдения принципа независимости и неприкосновенности.

Дополнительные разъяснения по вопросам судейского иммунитета содержатся в Постановлениях Пленума Верховного Суда

Российской Федерации. Например, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 апреля 2016 года № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» разъясняет порядок привлечения судей к дисциплинарной ответственности [10].

Институт судейского иммунитета в Российской Федерации, несмотря на его важность для обеспечения независимости судебной власти, сталкивается с рядом проблем, связанных с его правовой регламентацией.

Во-первых, в настоящее время существует несогласованность в нормативном регулировании. Например, в Законе о статусе судей и УПК РФ нет согласованности в регулировании производства следственных и иных процессуальных действий в отношении судьи до возбуждения в отношении него уголовного дела. Это прослеживается в статье 16 Закона РФ от 26 июня 1992 года № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» и главе 52 УПК РФ [5].

Статья 16 Закона РФ от 26 июня 1992 года № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» регулирует вопросы неприкосновенности судей. Согласно этой статье, судья обладает иммунитетом от преследования за действия, совершенные при исполнении служебных обязанностей.

Глава 52 УПК РФ («Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц») содержит специальные нормы, регулирующие порядок привлечения к уголовной ответственности лиц, обладающих особым статусом, включая судей [8]. Статья 450 УПК РФ определяет порядок возбуждения уголовного дела в отношении судьи. Она требует получения согласия соответствующей квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела. При этом ни Закон о статусе судей, ни УПК РФ прямо не указывают, какие неотложные следственные действия должны быть проведены до получения согласия квалификационной коллегии. Это порождает правовую неопределенность и вызывает необходимость толкования законоположений.

Решение данной проблемы видится в разработке отдельного регламента или инструкции для детального описания процедуры взаимодействия правоохранительных органов и квалификационных коллегий судей при проведении неотложных следственных действий до возбуждения уголовного дела. Такая инструкция может содержать в себе описание условий, при которых правоохрани-

тельные органы могут начать подготовку к проведению следственных действий в отношении судьи. Также следует упомянуть в ней про требования к документам, обосновывающим необходимость следственных действий, а также установление ограничений на использование полученных в ходе следственных действий материалов до возбуждения уголовного дела. Так же все требования данной инструкции могли бы подкрепляться механизмами контроля за соблюдением установленных правил и ответственностью за их нарушения.

Во-вторых, по мнению некоторых авторов, одной из проблем является отсутствие установленных законодательством сроков на принятие соответствующего решения на возбуждение уголовного дела в отношении судьи. Данная позиция представляется верной, так как отсутствие сроков в любых государственных процедурах часто влечет необоснованно долгое рассмотрение важных вопросов, а иногда – прекращение таких процедур из-за истечения общих сроков (например, срока уголовного преследования) [11, с. 20].

Для устранения подобной неопределённости предлагается ввести чёткую систему временных рамок, регламентирующих каждый этап процесса. Для ходатайства о возбуждении уголовного дела правоохранительным органам предоставляется 10 дней с момента обнаружения поводов и оснований для возбуждения дела, чтобы подать соответствующее ходатайство в квалификационную коллегию судей. В свою очередь, коллегии отводится 30 дней на изучение представленных материалов и принятие мотивированного решения о предоставлении согласия на возбуждение уголовного дела. Общий срок для завершения всей процедуры и вынесения окончательного решения о возбуждении уголовного дела составляет 40 дней, начиная с момента подачи ходатайства [12, с. 254].

Подводя итог, можно утверждать, что судейский иммунитет является неотъемлемой частью правового государства, способствующей поддержанию баланса между защитой прав граждан и независимостью судебной власти. Его существование гарантирует, что судьи смогут осуществлять свою деятельность без давления и вмешательства извне, руководствуясь исключительно законом и совестью. Вместе с тем, необходимо продолжать работу над совершенствованием законодательной базы, чтобы судейский иммунитет оставался эффективным инструментом защиты, не превращаясь в средство уклонения от ответственности. Только таким

образом можно обеспечить должный уровень доверия общества к судебной системе и укрепить основы правопорядка.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2022).

2. О судебной системе Российской Федерации : федер. конституционный закон № 1-ФКЗ от 31.12.1996 : в ред. от 16.04.2022 // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

3. Борисов А. Б. Большой юридический словарь. М. : Книжный мир, 2010. 848 с.

4. Феденева Т. Н. К вопросу о судебных иммунитетах в Российской Федерации // Актуальные проблемы юриспруденции : сб. ст. по материалам XIV Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск : Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга», 2018. Т. 9 (13). С. 44–48.

5. О статусе судей в Российской Федерации : закон Российской Федерации № 3132-1 от 26.06.1992 : в ред. от 10.07.2023, с изм. от 27.11.2023 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.

6. Пшеничников К. В. Проблемы ответственности судей в Российской Федерации // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Чебоксары, 18 мая 2022 г.) / ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова». Чебоксары : Интерактив плюс, 2022. С. 122–126.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 : в ред. от 21.04.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18.12.2001 : в ред. от 21.04.2025 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ч. I. Ст. 4921.

9. Кодекс судейской этики : утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012 : в ред. от 01.12.2022 // Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 2.

10. О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 13 от 14.04.2016 // Российская газета. 2016. 27 апреля.

11. Шамова И. В. Особенности гарантий независимости судей в РФ // Вестник науки и творчества. 2024. № 7 (98). С. 19–23.

12. Полякова Е. О. Неприкосновенность судей и её гарантии // Молодой ученый. 2020. № 43 (333). С. 253–256.

Информация об авторах

Марина Сергеевна Чунина – старший преподаватель кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета.
chunina.usd.pnz@yandex.ru

Валерия Сергеевна Пенкина – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.
valeriapenckina1833@gmail.com

УДК 347.9

АУДИО- И ВИДЕОПРОТОКОЛИРОВАНИЕ СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАНИЙ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

***Марина Сергеевна Чунина¹,
Артём Дмитриевич Почивалов²,
Егор Евгеньевич Филатов³***

^{1,2,3}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Вопросы аудио- и видеопроотолирования судебных заседаний за последнее время приобрели особую актуальность в свете внесенных изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и глобальных тенденций к цифровизации правосудия. Внедрение современных технологий в процессуальную практику открывает новые возможности для повышения прозрачности и эффективности работы судебной системы. Кроме того, существует необходимость учета правовых, этических и технических аспектов, связанных с защитой данных, прав сторон и обеспечением справедливого процесса. В условиях быстрого развития технологий и непрерывного совершенствования законодательства указанная тематика требует всестороннего анализа и обсуждения.

Ключевые слова: суд, протокол судебного заседания, аудиопроотолирование, видеопроотолирование, гражданский процесс, судопроизводство, цифровизация

В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) глава 21 посвящена протоколированию судебных заседаний: речь в ней идёт о обязательности ведения протокола (статья 228), содержании протокола (статья 229), составлении протокола (статья 230), замечаниях на протокол (статья 231), рассмотрении замечаний на протокол (статья 232) [1].

Протоколирование – обязательное условие судопроизводства, в протоколе судебного заседания фиксируется весь ход разбирательства по гражданскому делу.

С вступлением в силу с 1 сентября 2019 года Федерального закона от 29 июля 2018 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» аудиопротокोल стал обязательным для судебного разбирательства в гражданском и уголовном процессе. Первыми стали использовать аудиопрототолирование арбитражные суды с 2014 года [2].

Аудиопрототолирование – механизм цифровой аудиозаписи судебного заседания с использованием интегрированных в автоматизированные модули делопроизводства систем технической фиксации. Аудиопрототолирование является элементом электронного правосудия, закреплено законодательно, результаты аудиопрототолирования рассматриваются в качестве первоначального доказательства совершенных процессуальных действий в ходе судебного разбирательства [3, с. 47].

Полагаем, что перспективным является внедрение видеопрототолирования судебных заседаний. Предлагается устанавливать камеры в залы судебного заседания под необходимым ракурсом, чтобы охватывать весь зал суда и фиксировать выступления всех участников процесса. В среднем один видеопротокol требует для записи от одного до двух DVD-дисков. Все видеозаписи будут храниться в электронном архиве суда.

Введение на официальном уровне видеопрототолирования, поможет сделать протокол по судебным заседаниям точнее, спорные моменты ведения письменного протокола, его полнота, больше не будут проблемой. Протокол судебного заседания будет со всеми мельчайшими подробностями. Эти изменения направлены на повышение прозрачности судебного процесса.

Хочется также подробнее сказать о ряде преимуществ и недостатков аудио- и видеопрототолирования судебных заседаний в гражданском судопроизводстве.

1. Повышение точности протоколирования. Ведение аудио- и видеозаписи судебного заседания позволит обеспечить точность и полноту отражения происходящего в зале суда, что минимизирует риск ошибок.

2. Сокращение времени на подготовку итогового судебного акта. Судьи смогут быстрее готовить решения, основываясь на доступных аудио- и видеозаписях, а не на бумажных протоколах. Такой способ протоколирование предоставляет возможность судьям и другим участникам процесса оперативно обращаться к записям для уточнения всех деталей.

3. Сокращаются вносимые замечания в письменный протокол, в связи с чем все то, что было оговорено, можно подробно восстановить, прослушав запись. На сегодняшний день данное преимущество показывает, что система правосудия идёт в ногу со временем.

4. Продолжение цифровизации гражданского судопроизводства. Внедрение современных технологий всецело соответствует тенденциям глобальных реформ в юридической системе, направленных на повышение прозрачности.

Однако внедрение аудио- и видеопотоколирования судебных заседаний в гражданском судопроизводстве имеет и свои недостатки. Различные ученые выделяют несколько проблем и отрицательных аспектов в аудио- и видеопотоколировании. Например, Саврасова Л. Н. в качестве недостатка указывает «временной фактор», который подразумевает увеличение продолжительности ознакомления с протоколом судебного заседания в связи с необходимостью его прослушивания, просмотра записи [4, с. 2].

Можно выделить и иные риски ведения видеопотокола судебного заседания:

1. Нарушения конфиденциальности: возможность несанкционированного доступа к записям может ставить под угрозу личные данные участников. Сейчас это очень актуальная проблема, так как в современных реалиях, к сожалению, растет киберпреступность и интернет-мошенничество.

2. Технические и организационные проблемы. Необходимость надежного технического обеспечения подразумевает риски, связанные с неполадками оборудования или программного обеспечения. Так же следует должным образом оборудовать и оснастить специальные помещения для возможности ознакомления и изучения протоколов судебных заседаний.

3. Затраты на внедрение и обслуживание новейших технологий. По нашему мнению, это один из самых существенных недостатков, потому что внедрение новых технологий требует финансовых вложений.

На основании проведенного исследования, необходимо отметить, что в современных реалиях составление протокола в письменной форме скорее усложняет и создает спорные ситуации в судопроизводстве, нежели защищает права граждан. Письменное протоколирование уже не отвечает современным стандартам, оно не отражает в полной мере все нюансы судебного заседания.

В свою очередь внедрение видеопотоколирования усовершенствует систему и сам процесс судопроизводства в РФ. Новые технические возможности позволяют дисциплинировать участников судебного процесса.

Федеральный закон от 12 июня 2024 г. № 135-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» вступил в силу с 1 сентября 2024 года и уже внес ряд изменения в судебное протоколирование [5].

Вместе с тем полагаем, что существует необходимость в дальнейшем реформировании данного института, в связи с чем предлагается внести некоторые изменения в главу 21 ГПК РФ:

1. Дополнить статью 228 ГПК РФ обязательным ведением как аудиопотокола, так и видеопотокола.

2. Включить в главу 21 ГПК РФ положения о порядке подготовки, ведения и хранения видеопотоколов. Установить сроки для их представления в суде.

3. Ввести в главу 21 ГПК РФ понятие «видеопотокол»: закрепить, что видеопотокол – это протокол судебного заседания, фиксируемый с помощью видеозаписи; уточнить, что видеопотокол может быть составлен как основным, так и дополнительным способом фиксации судебного заседания (наряду с традиционным протоколом).

Подводя итог, следует отметить, что в России прослеживается устойчивая тенденция внедрения технических новшеств в судопроизводство. Видна работа по созданию и совершенствованию открытой системы судопроизводства, где права каждого участника гарантируются и защищаются.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ от 14.11.2002 : в ред. от 08.08.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации № 95-ФЗ от 24.07.2002 : в ред. от 01.04.2025 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
3. Борисова Е. А. Аудио- и видеопотоколирование: преимущества и недостатки // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 39–50.
4. Саврасова Л. Н. Аудиопотоколирование судебного заседания // Центральный научный вестник. 2019. № 2 (81). С. 1–3.
5. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон № 135-ФЗ от 12.06.2024 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 25. Ст. 3399.

Информация об авторах

Марина Сергеевна Чунина – старший преподаватель кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета.
chunina.usd.pnz@yandex.ru

Артём Дмитриевич Почивалов – студент Юридического института Пензенского государственного университета.
pochivalov.artem@yandex.ru

Егор Евгеньевич Филатов – студент Юридического института Пензенского государственного университета.
egorfil58@gmail.com

УДК 347.9

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОШЛИНЕ

***Марина Сергеевна Чунина¹,
Анастасия Дмитриевна Простова²,
Анастасия Константиновна Федорова³***

^{1,2,3}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Рассматривается вопрос обеспечения доступности правосудия в контексте изменений законодательства о государственной пошлине. Особое

внимание уделено правовой природе государственной пошлины, ее роли в финансировании судебной системы. Проводится анализ правовых норм, регулирующих размеры государственных пошлин. Приводится сравнение государственных пошлин, уплачиваемых при обращении в суд, до и после внесения изменений в налоговое законодательство в 2024 г. Рассматриваются возможные причины и последствия увеличения размера государственной пошлины по различным категориям судебных дел, а также положительные и отрицательные аспекты изменений. В заключение анализируется влияние изменения законодательства о государственной пошлине на доступность правосудия.

Ключевые слова: государственная пошлина, гражданское процессуальное право, правосудие, судопроизводство, иск

В современном гражданском судопроизводстве пошлина – разновидность судебных расходов, а если более точно – это денежные суммы, взыскиваемые с лиц, участвующих в гражданском деле в связи с рассмотрением и разрешением гражданского спора или вопроса.

Процессуальные действия, например подача исковых заявлений, жалоб, направленных на возбуждение гражданского производства в суде первой инстанции или производства по пересмотру судебных постановлений, заявлений о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов, в обязательном порядке подлежат оплате государственной пошлиной [1, с. 283].

Размер и порядок уплаты государственной пошлины устанавливаются федеральными законами о налогах и сборах. Ставки государственной пошлины определяются ст. 333.19 НК РФ (это касается дел, рассматриваемых ВС РФ, судами общей юрисдикции) [2].

По общему правилу уплата государственной пошлины осуществляется до обращения в суд общей юрисдикции в порядке Гражданско-процессуального кодекса РФ, а также в порядке Кодекса административного судопроизводства РФ – с исками (заявлениями), административными исками, жалобами (частными, апелляционными, кассационными). Оплата государственной пошлины осуществляется по месту обращения в суд в наличной или безналичной форме. Доказательства уплаты государственной пошлины необходимо прикладывать к иску (заявлению), жалобам. Их непредставление – основание для оставления поданных иска (заявления) либо жалобы без движения [3].

Одним из важных элементов судебной политики является размер государственной пошлины. Она не должна создавать трудности гражданам для доступа к суду. Размер зависит от социально-экономической ситуации в стране [4, с. 87].

Из истории нашего государства известно, что судебная пошлина существовала еще в Древней Руси. Например, в Русской Правде Ярослава Мудрого сказано, что за убийство чужого холопа без вины убийца платил господину цену убитого, как возмещение убытков, а также 12 гривен князю, как судебную пошлину [5].

В ст. 38 Судебника 1497 года говорится, что наместники и волостели должны собирать судебные пошлины «согласно грамотам». Обращение в суд для малоимущего населения было затруднено. Судебная пошлина была дорогая [6].

Екатерина II провела судебную реформу в 1775 году – была принята единая судебная пошлина.

Были также и другие реформы, законы в истории нашего государства. Но, делая вывод, можно сказать, что государственная пошлина приобретает межотраслевой характер.

В настоящее время Государственная Дума приняла закон о поправках в Налоговый кодекс Российской Федерации, в котором были изменены правила по уплате государственной пошлины за обращение в суд. С 9 сентября 2024 года в силу вступают изменения, предусмотренные Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» [7].

По делам, рассматриваемым Верховным Судом Российской Федерации в соответствии с гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации и законодательством об административном судопроизводстве, судами общей юрисдикции, мировыми судьями, государственная пошлина уплачивается в следующих размерах: при подаче искового заявления имущественного характера и административного искового заявления имущественного характера составляет 4 тысячи рублей. Если же стоимость требований больше – соответственно больше и госпошлина. Раньше эта сумма составляла 400 рублей.

Изменения коснулись и исков, не подлежащих оценке, а также неимущественных исков. Для физических лиц размер пошлины теперь составляет 3 тысячи рублей, что в десять раз больше преж-

него показателя в 300 рублей. Для юридических лиц госпошлина возросла с 6 тысяч рублей до 20 тысяч рублей.

При подаче искового заявления о расторжении брака сейчас нужно заплатить 5 тысяч рублей, до этого всего 600 рублей.

Изменилась госпошлина по делам особого производства: признание гражданина безвестно отсутствующим или установление факта смерти. Теперь размер пошлины составляет 3 тысячи рублей, что в десять раз больше, чем раньше – 300 рублей.

С 9 сентября 2024 года вступили в силу новые правила, касающиеся размеров государственной пошлины за подачу апелляционных и кассационных жалоб. При подаче апелляционной жалобы физическим лицам теперь придётся уплатить госпошлину в размере 3 тысяч рублей, юридическим 15 тысяч рублей. Госпошлина за подачу кассационной жалобы: для физических лиц – 5 тысяч рублей, для юридических – 20 тысяч рублей. Это значительно выше, чем 150 и 300 рублей соответственно [7].

Причины повышения пошлины озвучил официальный представитель ВС РФ – Илья Горбашев. Он рассказал, что вопрос индексации пошлины назрел давно, так как последний раз системное регулирование осуществлялось 15 лет назад. С того момента ключевые ставки государственной пошлины не изменялись, хотя происходили инфляционные процессы. Та сумма не соответствовала реальным издержкам судопроизводства. Новый уровень пошлины соотносится с размером пошлин за государственные действия. Теперь благодаря более дифференцированной шкале вводится принцип справедливости [8].

Увеличение судебных госпошлин вызвало немало вопросов: кто-то поддерживает эти изменения, кто-то нет. Верховный суд одобрил введение новых сборов, отметив, что увеличенные тарифы будут способствовать добровольному соблюдению сторонами своих обязательств. В случаях, когда возникают споры, это также может способствовать мирному разрешению юридических конфликтов альтернативными методами.

Кредиторы выступают против данного изменения, поскольку по состоянию на 2023 год из почти 23 млн. судебных приказов больше 52 % пришлось на взыскания по кредитным договорам, займам, и как отмечает Ассоциация банков России эта доля растёт. Соответственно в связи с увеличением госпошлин подача документов от кредиторов станет невыгодной для них, поскольку им при-

дётся платить немалые деньги, чтобы взыскать средства с должника. Также Ассоциация банков России опасается, что такие изменения станут непосильны малоимущим гражданам и людям, которые находятся в сложной жизненной ситуации [9].

В отличие от противников этих изменений, сторонники утверждают, что увеличение госпошлин наоборот пойдут на пользу. Так, например, Президент правозащитного фонда «Отечество», политолог и юрист Артём Ананьев говорит о том, что новые пошлины ударят по рынку коллекторских услуг и другим компаниям, которые занимаются скупкой долгов, поскольку платить 15 тысяч – 25 тысяч рублей за каждое правопреемство будет нецелесообразным для них. Так же он отмечает что, значительно уменьшится число обжалований судебных актов, что снизит нагрузку на апелляционные и кассационные суды [10].

Так же отмечается, что в действующем законодательстве РФ существуют основания и процедуры освобождения граждан от уплаты государственной пошлины, её уменьшения, также есть возможность отсрочки или рассрочки данного платежа. Суд может принять решение об этом на основании статьи 64 Налогового кодекса Российской Федерации. Такое освобождение может быть связано со сложным финансовым положением истца, если он не в состоянии сразу оплатить сбор. Суд может учесть это обстоятельство и предоставить отсрочку, также уменьшить размер пошлины или полностью отменить её. Граждане, относящиеся к льготным категориям (например, инвалиды 1–2 группы), согласно закону освобождаются от уплаты данной пошлины [9].

Законопроект вводит новые льготы для определённых групп граждан, которые смогут рассчитывать на освобождение или значительное снижение пошлины. В частности, сироты и дети, оставшиеся без попечения, будут освобождены от уплаты пошлины при защите своих прав в неимущественных делах, таких как обжалование отказа в предоставлении жилья. Эта льгота ранее не присутствовала в законе.

Для остальных истцов, не имеющих право на льготу, важно помнить: в случае выигрышного судебного разбирательства их судебные расходы, связанные с пошлиной, будут оплачены проигравшей стороной.

Доступность правосудия является одним из основных принципов судебной системы, который обеспечивает равенство всех пе-

ред законом и судом. Она предполагает возможность каждого гражданина обратиться в суд за защитой своих прав и интересов, а также получить справедливое и своевременное решение суда.

Изменения государственной пошлины могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на доступность правосудия. С одной стороны, они могут способствовать снижению нагрузки на суды и повышению эффективности их работы. С другой стороны, это может привести к ограничению доступа граждан к правосудию из-за высоких судебных расходов.

Для обеспечения доступности правосудия необходимо учитывать интересы всех участников судебного процесса, включая граждан, обращающихся в суд. Важно найти баланс между интересами этих сторон, чтобы обеспечить справедливый и равный доступ к судебной защите для всех граждан.

Список литературы

1. Загоруйко И. Ю., Эстерлейн Ж. В. Применение норм права о судебной пошлине в гражданском процессе // Пермский юридический альманах. 2022. № 5. С. 274–284.

2. Налоговый кодекс Российской Федерации № 117-ФЗ от 05.08.2000 : в ред. от 28.12.2024, с изм. от 21.01.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2025 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ч. 2. Ст. 3340.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ от 14.11.2002 : в ред. от 01.04.2025 // Российская газета. 2002. 20 ноября.

4. Абдусаламова М. Ш., Кутуев Т. Ф. Государственная пошлина как юридическая категория // Вестник ПГУ. 2020. № 4 (32). С. 86–88.

5. Русская правда (пространная редакция). URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4947&ysclid=m1v5kelvv1210185596> (дата обращения: 09.10.2024).

6. Судебник 1497 года. URL: <https://www.prilib.ru/item/372569> (дата обращения: 09.10.2024).

7. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах : федер. закон № 259-ФЗ от 08.08.2024 // Российская газета. 2024. 14 августа.

8. Официальный представитель ВС РФ разъяснил, как изменятся судебные пошлины. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/33791/ (дата обращения: 09.10.2024).

9. Кредиторы против судебных госпошлин. URL: <https://pravo.ru/news/254171/> (дата обращения: 09.10.2024).

10. Юрист объяснил, к чему приведёт повышение судебных пошлин. URL: <http://www.gazeta.ru/social/news/2024/08/23/23753023.shtml?updated> (дата обращения: 09.10.2024).

Информация об авторах

Марина Сергеевна Чунина – старший преподаватель кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета.
chunina.usd.pnz@yandex.ru

Анастасия Дмитриевна Простова – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.
nastya.prostova.03@bk.ru

Анастасия Константиновна Федорова – студентка Юридического института Пензенского государственного университета.
nastyafedorova01@yandex.ru

УДК 343.2

ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ И ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ЭТНИЧЕСКИМИ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ

Александр Александрович Алексеев

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Рассматривается взаимосвязь между миграционными процессами и ростом преступности. Анализируются проблемы расследования преступлений, совершаемых организованными преступными группами, сформированными на этнической основе. Исследуются особенности данной категории преступлений. Отмечается, что существование организованной преступности, формирующейся по этническому принципу, оказывает разрушающее влияние на общественный порядок, создает массу проблем для государства и его населения. Сделан вывод, что, если не будет достигнут ощутимый прогресс в деле борьбы с этнической преступностью, рискогенные факторы для национальной безопасности российского государства будут лишь возрастать, что нельзя допускать.

Ключевые слова: этническая идентичность, преступность, миграция, криминально-этнические преступления, противоправные деяния, предупреждение организованной преступности

Являясь следствием глобализационных процессов, массовая миграция населения несет за собой не только положительные последствия в виде заполнения «пустующих» позиций на рынках труда или решения демографических проблем, но и множество негативных тенденций. Причем последние, по мнению целого ряда исследователей и общественных деятелей, способны перевешивать позитивные последствия миграционных процессов.

В принимающем обществе мигранты изначально занимают низшую ступень социальной иерархии и то, насколько они смогут удовлетворить свои амбиции и повысить свой статус, прежде всего, зависит от повышения их материального благосостояния. Во-вторых, значительная часть мигрантов прибывает в принимающие страны из более отсталых в экономическом отношении и кардинально отличающихся в культурном плане государств и регионов¹.

Для успешной профилактики криминально-этнических преступлений органам государственной и муниципальной власти необходимо владеть знаниями, умениями и навыками в сфере регулирования межэтнических и межконфессиональных отношений и на основе комплексных знаний осуществлять грамотные действия, обеспечивающие в регионах страны в целом политическую стабильность и правопорядок.

Вопросы этнической идентичности при борьбе с преступностью повышают свою значимость не только для научного сообщества, но и для всей правоохранительной системы РФ, так как, согласно Конституции, Россия – многонациональная страна.

А. П. Писаренко под этнической идентичностью понимает определение индивидом его этнической принадлежности, в зависимости от определенных черт². Она может не совпадать с официальными точками зрения об определенных нациях и зависит лишь от самоощущений человека.

¹ Этническая преступность – угроза национальной безопасности России и других стран. URL: <https://lipetsk.sledcom.ru/V-pomoshh-migrantu.-Pamyatka/item/1793236/?ysclid=mfau0ux2fc779162280> (дата обращения: 28.08.2025).

² Писаренко А. П. Феномен «Этническая преступность» и его криминологическо-социологическая характеристика // Вестник ТИУиЭ. 2016. № 2 (24). С. 84–86.

Однако важно заметить, что выделение одной нации среди остальных как особо опасной создает повод для расовой розни. Следовательно, информация о национальности преступников должно быть персональной и касаться исключительно личности, без учета национальной принадлежности.

Многие новостные платформы, особенно телеграмм и ВКонтакте, зачастую подчеркивают национальность преступников. Можно встретить такие формулировки как мигрант, житель Кавказа. При этом при совершении героических поступков лицами неславянской национальности обычно не отмечаются и подписываются следующим образом: «житель Пензенской области», «гражданин», «мужчина/женщина». Это порождает восприятие нации исключительно в негативном ключе и как следствие вражду. Изучая комментарии пользователей соцсетями к различным новостным публикациям, можно заметить, что жители, под постами о совершении преступлений, бурно реагируют на наличие «нерусских» в стране. При этом в публикациях, повествующих о самопожертвовании и выдающихся поступках, русские гордятся своим соотечественником, признавая его «своим».

Возникает ситуация – если человек совершает преступные деяния, граждане делают особый акцент на его национальности, но если у человека имеются высокие заслуги его сразу принимают за полноправного гражданина РФ. Важно отметить, что при совершении преступления лицом славянской внешности, национальность не указывается и используются размытые формулировки «гражданин», «мужчина/женщина», «нападавший» и т.д. В чистом виде «этнической преступности» не существует, но большая часть наших граждан все равно делят правонарушителей по национальному признаку.

В этой связи необходимо подчеркнуть важность конфессиональной толерантности, которая определяется как уважительное отношение к различным нациям. Необходимость такой толерантности особенно возрастает в условиях российского многонационального общества.

Так, предлагается на законодательном уровне закрепить запрет на использование национальных уточнений в новостных платформах. Следует использовать нейтральные национальные признаки при информировании граждан о совершенных преступлениях. Исключения составляют различные розыскные мероприя-

тия, в которых важно как можно более подробно описать внешность индивида.

Возможно и обратное применение такого закона, с указанием национальностей всех преступников, в том числе и славян. Это поможет отразить реальные данные о состоянии преступности в связи с национальным признаком и не даст очернять отдельные этносы.

Также важно развивать положительное отношение ко всем нациям на первоначальном уровне – в семье. Данная ячейка общества оказывает наиболее сильное воздействие на формирование личности в процессе коммуникации. Поэтому пропаганда конфессиональной толерантности внутри семьи играет решающую роль в пресечении расовых и национальных конфликтов внутри страны¹.

Эволюционно сформировавшиеся этнокультурные общности обладают уникальными характеристиками, определяющими систему нравственно-моральных ориентиров, представлений о справедливом устройстве мира и формах социально одобряемого поведения. Межэтническая разнородность поведенческих моделей способна выступать источником сложных межкультурных коллизий, провоцирующих противоправные деяния².

Выявление и систематизация особенностей межэтнических взаимодействий позволяют объективизировать механизмы формирования межнациональных конфликтов и оценить степень их влияния на уровень криминогенного риска региона. Эмпирическое исследование указанных феноменов способно стать основанием для разработки эффективных инструментов превентивного воздействия на многообразие этнических групп, способствующих повышению общественной безопасности и стабилизации социальных процессов.

Нельзя отрицать важность воздействия на лиц, склонных к совершению преступлений, то есть необходимость индивидуальной профилактики преступлений. Это связано с тем именно индивид принимает решение о совершении преступления, использует ту или иную ситуацию в своих целях или просто напросто неверно ее

¹ Управление МВД России по Пензенской области. URL: <https://58.мвд.рф/umvd/противодействие-экстремизму/проф> (дата обращения: 14.05.2025).

² Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/?ysclid=mao9gjaqnx369119362> (дата обращения: 14.05.2025).

оценивает (что характерно для преступлений, совершаемых по неосторожности)¹.

В деле борьбы с этнической преступностью важен еще один нюанс – правильная подача информации обществу. Нельзя провоцировать националистические настроения и давать повод отождествлять борьбу с преступностью с преследованием каких-либо конкретных этнических групп населения².

А. А. Абдурахманов, И. А. Адмиралова в своей статье, рассматривая проблемы расследования преступлений, пришли к следующим выводам:

1. В настоящее время этнические организованные преступные группы – это криминальные объединения, которые либо создаются на этнической основе (состоят из лиц одной или нескольких близких по происхождению национальностей), либо этнические организованные формирования, создающиеся и функционирующие за счёт лидерства и превалирования представителей того или иного этноса.

2. Сфера объективации организованной криминальной деятельности представляет собой сектор государственно-общественной жизнедеятельности, в которой этнические организованные преступные группы и сообщества реализуют противоправные действия. Узлом деятельности этнических организованных преступных групп и сообществ является место систематической реализации базовых компонентов криминальной деятельности этноформирования, которое одновременно является местом концентрации криминалистически значимой информации о формально-содержательной стороне его противоправных действий. Выявление и раскрытие системы подобных узлов позволяет определить операционно-организационный центр этнических организованных преступных групп и сообществ. Проведение аналитической работы создаёт необходимый базис для комплексного применения совокупности следственных и оперативно-розыскных мероприятий на основе государственно-управленческих решений с целью осуществления предупредительно-пресекающей функции правоохра-

¹ Варыгин А. Н. «Системное» и «ситуационное» в преступности // Право и политика. 2015. № 1 (181). С. 58–63.

² Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Омской области. URL: <https://omsk.sledcom.ru/Protivodejstvie-/item/1235818> (дата обращения: 13.08.2025).

нительной системы с учётом научно обоснованных криминалистических рекомендаций, а также позволяет обеспечить возможности документирования и доказывания фактов криминальной деятельности этнических организованных преступных групп и сообществ.

3. Противодействие расследованию криминальной деятельности этнических организованных преступных групп и сообществ характеризуется вариативным сочетанием способов, составляющих систему традиционных или общекриминальных методик с приёмами, составляющими сугубый арсенал именно этнических объединений.

4. В систему компонентов, составляющих архитектуру криминалистической характеристики препятствования расследованию этнических организованных преступных групп и сообществ, входят: субъект, цель, мотив, объект, время, место, обстановка, способ и его отражение в следах, а также результат оказанного противодействия.

5. Противодействие расследованию криминальной деятельности этнических организованных преступных групп и сообществ в рамках подготовительной, реализационной и маскировочной стадий носит дискретный характер. В связи с этим средства и методы нейтрализации противодействия имеют индивидуальное наполнение, обусловленное качественными характеристиками текущей следственной ситуации с индивидуальным набором специфических целей и задач, исполнителей, системой методов и приёмов.

6. Признаками криминальной деятельности этнических организованных преступных групп и сообществ, принимаемыми в расчёт при возбуждении или объединении дел, являются: обнаружение в процессе осмотра места происшествия следов нескольких преступников; факты, указывающие на тщательное планирование преступления, высокий уровень технической и оружейной оснащённости; детальное распределение ролей в процессе совершения преступления; наблюдение за потерпевшим; нетривиальные каналы реализации полученных в ходе преступления ценностей, а также легализации денежных средств; сведения о наличии общих материальных средств, единой конфессиональной либо этнической принадлежности; мононациональный или моноконфессиональный состав руководства криминального формирования, межрегиональный либо транснациональный характер деятельности преступной группы или сообщества;

наличие информации о тесных контактах этнических организованных преступных групп и сообществ в СМИ и телеграм-каналах, осуществление различного рода провокаций в отношении органов предварительного расследования и их должностных лиц и др.

7. Особенности планирования расследования криминальной деятельности этнического характера обусловлены факторами содержания сведений, являющихся основой построения следственных версий, а также производства следственных действий; целесообразностью той или иной разновидности планирования; потребностью межгосударственных контактов в правоохранительной сфере; характеристиками места производства расследования криминальной деятельности этнических организованных преступных групп и сообществ¹.

Соглашаясь с вышеуказанным, считаем, что вопросы предупреждения организованной преступности имеют особую значимость для обеспечения национальной безопасности государства. Несмотря на актуальность вопроса, как теоретические, так и практические аспекты предупреждения организованной этнической преступности до сих пор не получили достаточного внимания со стороны большинства специалистов. Предстоит еще долгая работа по выстраиванию схем и методов борьбы с данными преступлениями, их предупреждению. Потому что использовать общий подход к таким видам нарушений закона не имеет положительного итога. Лишь выработав определенную стратегию можно добиться высоких результатов, где главным будет не столько наказание виновных, сколько недопустимость такого преступления, в принципе.

Список литературы

1. Абдурахманов А. А., Адмиралова И. А. Некоторые проблемы расследования преступлений организованных преступных групп, сформированных на этнической основе // Вестник ВИПК МВД России. 2023. № 4 (68). С. 175–180. doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-175-180

¹ Абдурахманов А. А., Адмиралова И. А. Некоторые проблемы расследования преступлений организованных преступных групп, сформированных на этнической основе // Вестник ВИПК МВД России. 2023. № 4 (68). С. 175–180. doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-175-180

2. Баранов А. Н. Преступная мотивация: теоретические аспекты и практика. М. : Юридическая литература, 2020. 320 с.
3. Варыгин А. Н. «Системное» и «ситуационное» в преступности // Право и политика. 2015. № 1 (181). С. 58–63.
4. Группа «ИНТЕРФАКС». URL: <https://www.interfax.ru/russia/1013228> (дата обращения: 14.05.2025).
5. Иванов П. И., Смирнова Е. В. Этнокультура и преступность: анализ современных тенденций / под ред. В. Г. Орлова. Пенза : Пенз. областная типография, 2019. 245 с.
6. Кузнецов С. В. Социальные нормы и криминальное поведение: влияние этнической идентичности // Журнал криминологии. 2021. Т. 12, № 3. С. 45–58.
7. Министерство внутренних дел по Республике Мордовия. URL: <https://13.мвд.рф/news/item/60372278/> (дата обращения: 14.05.2025).
8. Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/?ysclid=mao9gjaqnx369119362> (дата обращения: 14.05.2025).
9. Официальный Телеграм-канал Председателя Государственной Думы Вячеслава Володина. URL: https://t.me/vv_volodin/1092 (дата обращения: 14.05.2025).
10. Писаренко А. П. Феномен «Этническая преступность» и его криминологическо-социологическая характеристика // Вестник ТИУиЭ. 2016. № 2 (24). С. 84–86.
11. Прокофьев К. Г. К вопросу о классификации публичных мероприятий в Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 1. С. 21–27.
12. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пензенской области. URL: <https://58.rosstat.gov.ru/demography> (дата обращения: 14.05.2025).
13. Управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Приволжскому федеральному округу. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_pvfо/mass-media/news/news-regional?item=94218782 (дата обращения: 14.05.2025).
14. Управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Приволжскому федеральному округу. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_pvfо/mass-media/news/news-regional?item=93715656 (дата обращения: 14.05.2025).

15. Управление МВД России по Пензенской области. URL: <https://58.мвд.рф/umvd/противодействие-экстремизму/проф> (дата обращения: 14.05.2025).

Информация об авторе

Александр Александрович Алексеев – аспирант кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета.
Fktrcttd20@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Гук П. А. СУДЕБНАЯ НОРМА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ?.....	3
Мещерякова А. Ф. ВОПРОСЫ ДЕФИНИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	12
Антонова П. В. ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	19
Артёмова Д. И., Ахмедова В. Т., Зайцева Т. А. УБИЙСТВА ПО НАЙМУ: ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ В РОССИИ	25
Акулов Д. В., Квашнина Е. И. ВЗГЛЯДЫ Н. В. МУРАВЬЕВА НА ПРАВОЗАЩИТНУЮ ФУНКЦИЮ ПРОКУРАТУРЫ	31
Акулов Д. В., Максимов М. М. ПРОБЛЕМЫ УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ	35
Акулов Д. В., Пенкина В. С. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНСТИТУТА РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	42
Акулов Д. В., Пискунова В. В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ЗАЩИТЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМЫ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.....	49
Акулов Д. В., Шерстнева А. В. КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ: ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	54
Барина Н. И., Крюкова К. Н. ПРАВОЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРОРА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	60

Вершинин В. Б., Евсеева А. А. ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ.....	66
Вершинин В. Б., Лапенков Д. В., Бахтурова Л. А. ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ОТПРАВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ	72
Вершинин В. Б., Мухамедзянов В. О. ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЗА И ПРОТИВ	79
Вершинин В. Б., Понамарева М. А. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА	86
Вершинин В. Б., Тюжина А. А. ПОВЫШЕНИЕ ГОСПОШЛИН ПРИ ОБРАЩЕНИИ В СУД: ЗА И ПРОТИВ	91
Викулова Д. А. ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	96
Володина В. А., Власова А. А., Минакова В. В. ИННОВАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ	100
Володина В. А., Федоров К. О. РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ИНФОРМАЦИОННО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ВЛИЯНИЮ В ОТНОШЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	105
Журавлева А. И. МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ ПРАВОВЫМИ ПОЗИЦИЯМИ ВЫСШИХ СУДОВ РОССИИ	109
Засыпалова В. И., Бутрова Ю. С. АУДИО- И ВИДЕОЗАПИСИ КАК СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ.....	120
Засыпалова В. И., Гошжанов М. М. РОЛЬ СУДЕБНОГО ПРЕЦЕДЕНТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	126

Засыпалова В. И., Денисова В. С., Люсева Е. О. УЧАСТИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	130
Засыпалова В. И., Кадышев Р. И. ИСКОВАЯ ФОРМА ЗАЩИТЫ ПРАВА КАК ОСНОВНАЯ ФОРМА СУДОПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	137
Засыпалова В. И., Пустовалова М. А., Шилина О. А. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР	141
Засыпалова В. И., Стрелина В. А. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	146
Засыпалова В. И., Чернов В. Ю., Юдина М. Д. ТРЕТЬИ ЛИЦА КАК УЧАСТНИКИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	151
Львова Т. С., Баранова Е. В. ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАБОТЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ	158
Мещерякова А. Ф., Дашкин Э. М. ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЙ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ И СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ В РОССИИ	164
Сидельникова Е. С., Писарева Е. М. УГОЛОВНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ РУССКИХ КРЕСТЬЯН НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.	170
Чунина М. С., Марщикова Д. С. ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ И ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗЬ В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ: ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ УДАЛЕННОЙ ЮСТИЦИИ	186
Чунина М. С., Пенкина В. С. СУДЕЙСКИЙ ИММУНИТЕТ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ПРИВИЛЕГИЯ?	192
Чунина М. С., Почивалов А. Д., Филатов Е. Е. АУДИО- И ВИДЕОПРОТОКОЛИРОВАНИЕ СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАНИЙ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ.....	199

Чунина М. С., Простова А. Д., Федорова А. К. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОШЛИНЕ	203
Алексеев А. А. ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ И ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ЭТНИЧЕСКИМИ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ	209

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРАВООЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Сборник статей

Под редакцией
Терехина Виктора Александровича,
Мещеряковой Анны Федоровны

Материалы публикуются в авторской редакции

Корректор *А. А. Есавкина*
Технический редактор *Р. Б. Бердникова*
Компьютерная верстка *Р. Б. Бердниковой*
Дизайн обложки *И. В. Шваревой*

Подписано в печать 30.09.2025. Формат 60×84¹/₁₆.
Усл. печ. л. 12,9. Заказ № 481. Тираж 38.

Издательство ПГУ.
440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.
Тел.: (8412) 66-60-49, 66-67-77; e-mail: iic@pnzgu.ru